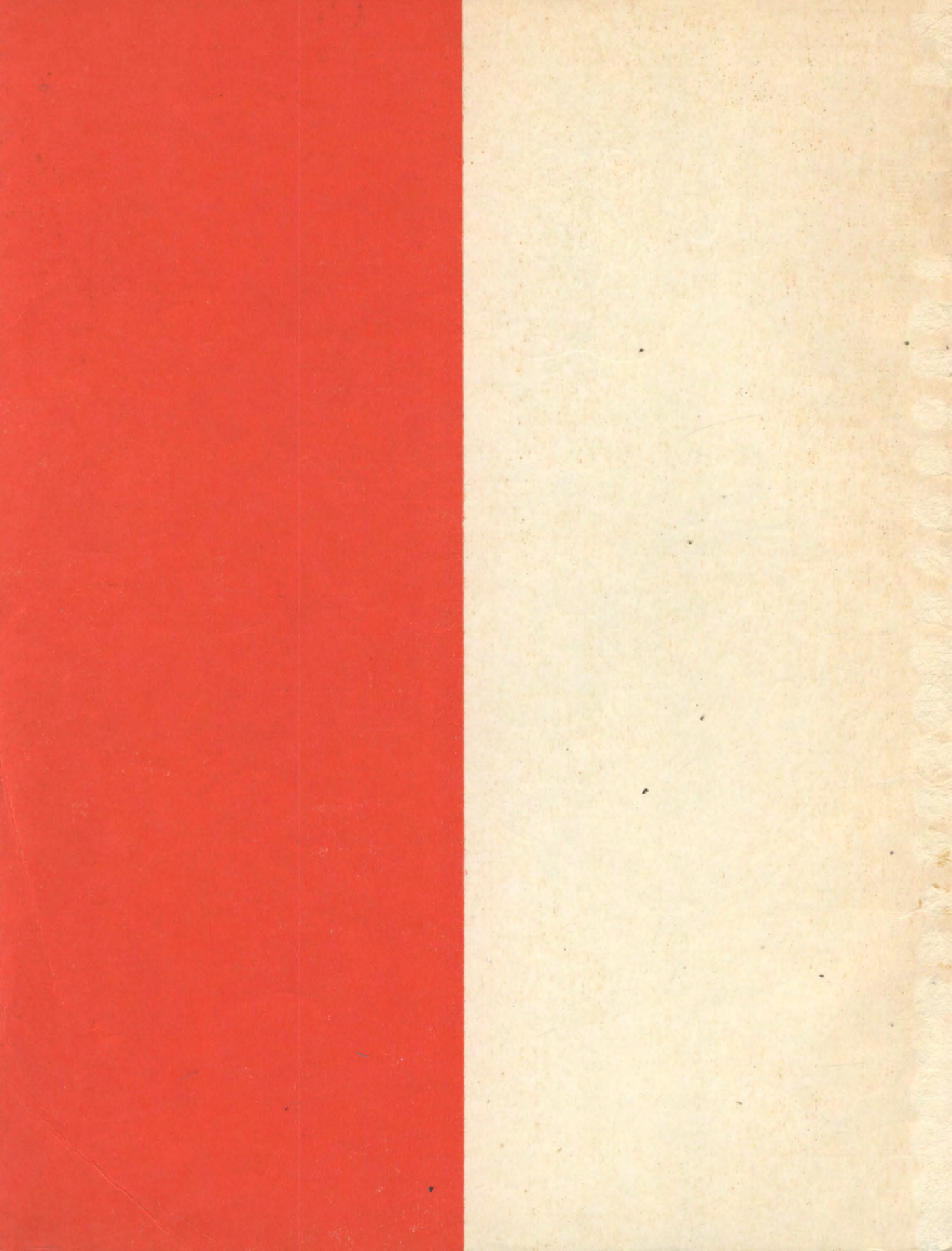

ДЕНЬ
1969
ПОЭЗИИ

ЛЕНИНГРАД

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

1969

PC
Д 34

7-4-2
147-69

ДЕНЬ
1969
ПОЭЗИИ

Л Е Н И Н Г Р А Д

Редколлегия:

В.С. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (*главный редактор*),
С. БОТВИННИК, А. КРАСНОВ, Л. КУКЛИН,
Д.М. МОЛДАВСКИЙ, Н. ПОЛЯКОВА,
В. ТОРОПЫГИН, Л. ХАУСТОВ

Составители:

С. БОТВИННИК, Л. ХАУСТОВ

ХУДОЖНИК А. С. КОВАЛЕВ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед тобою очередной «День поэзии — 69». Вот уже одиннадцать лет подряд поэты Ленинграда выпускают свой коллективный сборник, как это делается в Москве и в других городах нашей Родины. Добрый этот ежегодный обычай стал устойчивой традицией. Дружественным вниманием пользуются такие ассамблеи поэтов — и многих, и разных — у нашего взыскательного, любящего поэзию читателя.

У поэзии в ряду ее чудодейственных свойств есть одно, пожалуй, самое ценное: она сближает людей всех возрастов, поколений, профессий. Она социальна, она наполняет наши легкие чистым воздухом животворящих идей.

Вот уже более полувека завещана нам бессмертная эстафета Октября, указавшего человечеству неуклонный и верный путь. И в великом и в малом, в области окрыленной творческой мечты и в частностях повседневного бытия поэты нашей страны воплощают в своем лирическом слове это общее душевное состояние. Они откликаются на то, что их радует, волнует в окружающей жизни. Поэтов действительно много, потому что Поэзия органически входит в наше общественное существование как неотъемлемая часть советской культуры. И они действительно разные, потому что многообразна сама жизнь, дающая возможность развитию каждого лирического голоса, вдохновенного любовью к Родине.

Есть среди авторов этой книги и уже поставленные голоса с многолетним опытом поэтического труда, есть и талантливая молодежь в расцвете своих творческих сил, есть и совсем юные имена. «День поэзии» не антология избранных, лучших достижений. Участники дали сюда те стихи, которые казались им наиболее отвечающими их манере поэтического самовыражения. Но думается, существует и в этой пестроте имен и дарований единство, обусловленное тем, что участники дышат воздухом породившей и породившей их эпохи.

ВС. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

• • •

Красный бархат и алый шелк.
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе Ленин.
Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать,
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.
Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно, —
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.
Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сини,
А назавтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.
Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толом.
Все как будто было вчера.

Только я уж давно не молод.
Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?
Вспоминаются не в бою,
Где-то в залах и кабинетах
И в далеком чужом краю,
На краю почти бела света.
Видно, память крепка у нас,
Или просто дело не в датах, —
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Четырехногий, плоскостопый,
Квадратный, спрятавший углы
Стол неопровержим, как опыт.
Как столп. Есть разные столы.
К одним садятся придвигаясь,
Как будто к краю пирога,
Себе локтями помогая,
К другим — как к черту на рога.
Стол может буйством обернуться
Или лирической строкой.
Над ним склоняются и гнутся
И заслоняются рукой. . .
Нет проще и святее с хлебом
Стола из всех. . .
Я был бы прав,

Когда б не видел стол — как небо,
Звнящее от звезд до трав.
Какой он, я и не заметил,
Увидел я — не что на нем,
Не на столе — на белом свете
Вершилось, зрело, жгло огнем.
На нем развертывалась буря
В масштабной сетке без прикрас.
И глаз глядел, знакомо шурясь
Над нею, глаз, как ватерпас.
Чтоб завтра, через год, в столетях
Отпало, врезалось, легло,
Раскрылось — не в отцах, так в детях —
Величественно и светло.

• • •

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет
В Совет Народных Комиссаров,
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чувший власть,

А как на первое свиданье
Хотел бы я туда попастьь.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я незрим для глаз,
Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто пишут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные наркомы,
Сыны завода и села,
В лицо потомкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу,
И, не желая временить,
Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Совнарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь...
Но я хотел бы там любовью,
Теплом и, верой запастись.

• • •

Я вижу Ленина портреты:
Вот на трибуне он стоит,
Вот он в кремлевском кабинете
Один с газетою сидит.

Но чем все дальше время мчится,
С собою унося года,
Все чаще вглядываюсь в лица
Тех, кто с ним рядом был тогда.

На площади в толпе бурливой
Рукою машет он кому
И улыбается, счастливый,
Наверно, другу своему.

Во всех решительных сраженьях,
В года свершений и тревог
Был не один товарищ Ленин.
Что он один бы сделать мог?

Еще в сибирской снежной дали,
Считая долгой ссылки дни,
Его товарищем назвали
Впервые на земле они.

На них рассчитывая твердо,
Он начинал за правду бой.

Была у Ленина когорта
Сынов России огневой.

Из той когорты не осталось
Уж ни одной живой души.
Но только поразмыслив малость,
Об этом молви и пиши.

Наркомы — им едва за тридцать —
Без орденов и седины
Ушли.
Но ими те страницы
Истории освещены.

На времени святом и грозном
Не лампионов и ракет —
Буденовок их краснозвездных
И душ бессмертных плещет свет.

Недаром до сих пор, недаром
В движеньи армии труда
На всех материках пожаром
Вдруг вспыхивают их года.

А Ленин знал их поименно
И счастлив был среди тревог,
В своих товарищей влюбленный,
Тем, что он не был одинок.

А косарь — невысокий, лобастый,
В травах, чуть ли ему не в рост,
Взмахом вымеренным, нечастым
Пробивает широкий прокос.

И сквозь малую просеку эту,
Беспредельные дали открыв,
Видит он всю Россию-планету
И ее светonosный разлив.

БОРИС НЕКРАСОВ

НА ОКТЯБРЬСКОМ ЗАВОДЕ

Над Ленинградом гаснет бабье лето,
Малюя кудри ярко-рыжей хной.
К рабочим в цех, с путевкою поэта,
Шагаю к заводской я проходной.
Иду себе ни шатко и ни валко,
Не то чтоб встреча мне — в окошке свет,
Не то чтоб часа было очень жалко,
А просто настроенья нынче нет.
И что читать? О том, как жухнут травы?
И серебрится иней у виска? . .
Но вот я вижу: у подъезда, справа,
Висит мемориальная доска.
И сразу позабыв о вязком плене
Осенних дум, спешу, а не бреду, —
Здесь с речью выступал товарищ Ленин
На митинге в семнадцатом году!
Гляжу — в полустолетней дымке синей
Ильич уже кончает свой доклад:
— Да здравствует рабочий класс России!
Да здравствует рабочий Петроград! —
И, бронзе на века даря движенье,
Вперед бросает руку от плеча. . .
Постойте! . . Дайте мне унять волненье:
Я выступаю — после Ильича! . .

АНАТОЛИЙ ЧЕПУРОВ

ФОТОСНИМОК

Ленин читает газету —
«Правда» лежит перед ним...
Сколько с тех пор миновало
Вешних пришествий и зим!
Как исхлестало в походах
Время метелью седой
Тех, кто мальчишками были
В год фотографии той!
Не затерялась в архивах,
Не потускнела она,
Ставшая с первой минуты
Целому миру нужна.

ДМ. МОЛДАВСКИЙ

ПОЭЗИЯ В КРЕМЛЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

Есть темы неисчерпаемые. Чем дальшеходишь в них, тем все шире и шире раскрываются они перед тобой... Об отношении В. И. Ленина к литературе и искусству написаны исследования, статьи, книги. Но время вновь и вновь приносит материалы, дополняющие образ гения. Тема «В. И. Ленин и поэзия» закономерна, и мы лишь подходим к ней, поставив целью просмотреть книги, хранящиеся в Кремлевской библиотеке Владимира Ильича.

В воспоминаниях О. Б. Лепешинской о ссылке В. И. Ленина в село Шушенское говорится: «Ленин любил поэзию, особенно классическую: Пушкина, Байрона, Шиллера, Шекспира, охотно читал и таких менее известных поэтов, как Баратынский, Тютчев. Из членов нашей ссыльной колонии был создан хор. Особую страстность в наши вокальные увлечения вносил Владимир Ильич. Он участвовал в разучивании революци-

онных песен. Сколько огня сияло в глазах Ильича, когда он, подняв кулак, дважды повторял заключительные слова боевого рабочего марша:

И водрузим над землею
Красное знамя труда! ..»

В издательстве Всесоюзной книжной палаты вышла книга «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Это каталог, содержащий описание восьмью тысяч четырехсот пятидесяти книг, газет и журналов на русском языке, на многих европейских и некоторых азиатских языках. Один перечень областей человеческих знаний, которыми интересовался В. И. Ленин, говорит об энциклопедичности его интересов. Маркс и Эйнштейн, Плутарх и Гете, Пушкин и Маяковский — сотни, тысячи фамилий. . . И среди них многие из тех, кто вошел в знаменитый «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и др. городах Рос. Соц. Фед. Сов. республики», опубликованный в 1918 году, — Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Шевченко, Тютчеву.

Как известно, В. И. Ленин никогда не расставался с книгами. И в ссылке и в тюрьме он продолжал работать, писать, творить. В эмиграции он занимался в крупнейших книгохранилищах Европы. В личную библиотеку В. И. Ленина попали книги, как пишут авторы предисловия «Библиотеки В. И. Ленина в Кремле», привезенные им из эмиграции, и «печатные издания, собранные Владимиром Ильичем в первые годы Советской власти. После переезда Советского правительства в марте 1918 года из Петрограда в Москву он собственноручно составил первый список книг для своей библиотеки. В дальнейшем Владимир Ильич получал обязательный экземпляр изданий из Книжной палаты, регулярно просматривал многие новинки, выходявшие в Советской России, просил выписывать книги, журналы и газеты, издававшиеся за границей. Нередко на списках вышедшей литературы с просьбой библиотекаря отметить нужное Владимир Ильич писал: «Все».

В. И. Ленин был одним из величайших знатоков русской и иностранной художественной литературы. Было бы ошибкой сводить круг его литературных интересов лишь к тем произведениям и авторам, которые упоминаются в его работах, хотя список этих произведений и фамилий авторов чрезвычайно велик.

Читая работу «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», мы можем еще и еще раз убедиться в широте ленинских интересов в области поэзии, народного творчества и литературной критики.

Мы находим в каталоге библиотеки произведения классиков и больших поэтов прошлого: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Крылова, Кольцова, Рылеева, а также исследования, посвященные им.

Классики не были для Ленина далеким прошлым. Они вторгались в современность, в жизнь, в борьбу.

Один из блестящих примеров — статья «Еще один поход на демократию», где В. И. Ленин писал:

«Некрасов восклицал в давно-давно прошедшие времена:

.. Придет ли времечко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Желанное для одного из старых русских демократов «времечко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература. . .

...Какое «беспокойство!» — воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная, либеральная свинья, когда она увидела *на деле* этот «народ», несущий с базара. . . письмо Белинского к Гоголю».*

Великолепно писал Ленин!

Произведения В. Белинского и В. Воровского, Н. Добролюбова и А. Луначарского — и в том числе о поэзии — находим мы в перечне работ по истории и теории литературы.

В библиотеке В. И. Ленина немало книг о народной поэзии, о песне. Здесь и исследования Б. М. Соколова «Собиратели народных песен. П. В. Киреевский, П. И. Якушкин и П. В. Шейн», и ряд песенных сборников. В своих воспоминаниях В. Бонч-Бруевич писал: «Не помню сейчас как, но перешел разговор на народный эпос, и когда я сказал Владимиру Ильичу, что у меня в библиотеке имеются довольно хорошо подобранные книги былин, народных песен и сказок, то он сейчас же спросил у меня, могу ли я ему дать их посмотреть. Конечно, я с радостью выполнил эту просьбу, но принес книги не из своей библиотеки, которая лежала нераспакованная в ящиках (это было во время переезда из Петрограда в Москву), а взял книги у Демьяна Бедного из его действительно превосходного собрания.

И уже в тот же вечер я видел, как Владимир Ильич внимательно читал смоленский этнографический сборник, составленный В. Н. Добровольским.

— Какой интересный материал! — сказал он мне, когда я наутро вошел к нему. — Я бегло посмотрел вот эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных».

Шекспир, Байрон, Лонгфелло на английском языке, Верхарн на французском, Гете и Гейне на немецком, десятки писателей самых разных народов в подлинниках — все они есть в библиотеке.

Сохранились выписки из каталогов библиотек, в которых В. И. Ленин работал. В библиотеке Берна он, в частности, брал книги Гёте: «Западно-восточный диван», «Фауст», сочинения — все тома подряд. Брал он там Гюго, и Гейне, и Фрейлиграта, и Шиллера, и Байрона, и Данте. . .

Верлен в переводах Ф. Сологуба, Готье в переводах Вс. Рождественского, Мицкевич, Омар Хайям, Тагор — сохранились в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

Среди исследовательских работ современников, посвященных поэзии, в библиотеке В. И. Ленина находим труды литературоведов А. С. Орлова

* В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 83.

«Слово о полку Игореве», Л. Гроссмана о Пушкине, В. Полянского (Лебедева) и В. Евгеньева-Максимова о Некрасове, труды Н. Пиксанова «Грибоедов и Мольер» и «Пушкинская студия», А. Дауге о Райнисе, Б. Эйхенбаума об Ахматовой, К. Чуковского об Уитмене.

Нет возможности перечислить все книги по литературоведению, теории поэзии, языкознанию — их более двухсот семидесяти!

Чрезвычайно важно отметить, что в библиотеке очень много сборников стихов современных поэтов. Среди них ряд книг Демьяна Бедного. Здесь и «Диво-дивное» (сказки), и «Песни прошлого», и «Царь Андрон. Апокалиптическая повесть».

В. И. Ленин бережно относился к Демьяну Бедному. Еще до революции он писал в письме в редакцию газеты «Правда», называя его «талантиливым сотрудником»: «Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть за*. Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать».*

Но характерно также, — об этом пишет в своих воспоминаниях М. Горький, — В. И. Ленин, подчеркивая агитационное значение работ Демьяна Бедного, говорил: «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».

В библиотеке В. И. Ленина мы находим книги А. Блока — его стихотворения, статьи («Россия и интеллигенция»), поэмы «Возмездие» и «Двенадцать».

Находим В. Брюсова, А. Белого, С. Есенина («Избранное», выпущенное в 1922 г., и «Триптих» — поэмы).

Здесь же шесть книг В. В. Маяковского — «Стихи революции», «Солнце», «Маяковская галерея», «255 страниц Маяковского», «150 000 000», «13 лет работы».

Чрезвычайно показательное отношение В. И. Ленина к В. В. Маяковскому. Бережное отношение к таланту, внимание к новатору и неутомимому искателю сочеталось с критикой.

Известно, что В. И. Ленину не понравилась поэма «150 000 000» — о чем он говорил А. В. Луначарскому и о чем написал ряду товарищей. Вероятно, В. И. Ленину показалось легкомысленным пренебрежительное отношение к классическому наследию, опасное как раз в тот период, когда перед страной стояла задача воспитания новых кадров и когда враги обвиняли Советскую республику в разрушении культуры. Можно допустить и то, что В. И. Ленину показалось нестерпимым хвастовство победами и подвигами Ивана. Недаром Демьян Бедный, в те годы близкий к В. И. Ленину, в поэме «Царь Андрон» (во многом противоречивой и ошибочной, но не лишенной интереса) пародировал Маяковского. Он писал о некоем «поэте-футуристе Ятаковеком», сочинившем героико-эпическую мистерию «Жизнь за Империю, за Русь православную, исконную, стопятидесятиллионную».

Записки с критическим отзывом о поэме были написаны в 1921 году, а опубликованы через много лет после смерти В. И. Ленина — в 1957-м; положительный же отзыв о поэте — авторе стихотворения «Прозаседавшиеся», острой сатиры на бюрократов — читатели прочитали на следующий день после произнесения Лениным речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов. Ленин говорил: «Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении

* В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 182.

людей, и надо сказать, что положение это очень глупое, которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности».*

Поразительная ленинская скромность — пример для поколений: «не знаю, как насчет поэзии. . .» — и это писал человек, который своими трудами, своей мыслью предопределил развитие великой литературы социалистической России!

В ленинской библиотеке есть стихотворения В. Александровского, С. Обрадовича, А. Безыменского, «Сборник революционных песен», известная книга «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (под редакцией В. Брюсова), томики Н. Асеева «Стальной соловей», В. Князева «О чем пел колокол», Н. Тихонова «Брага» и многие другие.

Каталог Библиотеки В. И. Ленина в Кремле, собрание поэтических произведений в этой библиотеке — помогают увидеть еще одну черточку великого образа.

* В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 13.

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

ПРИЗНАНИЕ

В исповеданьи перед временем —
не мне себя надеждой льстить:
я мог бы плечи бóльшим бременем
и в лучший час отяготить.
Не для того, чтоб отпечатался
мой след на памяти земной
(я не за этой мыслью прятался,
когда мечта владела мной), —
а чтоб восславить дней величие,
что я и пережил и знал.
Но — был, желаниям в отличие,
словесный скуден арсенал.
И в этой, трудной сердцу, области
не уподобился стрелку, —
всесильный маг известной робости
остепенял мою строку:
«Не торопись! Живет лишь вечное,
а где оно в твоей груди?..»

Тогда казалась бесконечною
моя дорога впереди:
вся жизнь в запасе, все успеется,
все наверстается с лихвой...
Но вот уж дождь осенний сеется
над пожелтевшею листвою.
Мои лета! Мои сомнения!
Я верой грелся, как теплом,
и к цели плыл, но — тем не менее —
так неусердно греб веслом!
Себя в себе смилив заранее,
я равно сил не разверстал —
тех, что уходят на сгорание
и что спекаются в металл.
О юность! Птенчик неуверенный!
Мне покрывать твою вину:
три жизни в срок пройти отмеренный,
чтоб оправдать свою одну.

ЧИБИСЫ

Что вы плачете, чибисы, над лугами взлетая?
Чем так горько обижена ваша добрая стая?
Или — ветры не радуют,
или — просто усталость,
или — песня недолгая вам на долю досталась?

Посмотрите,
как весело в золотом повечерьи
звонкогорлые птенчики чистят легкие перья,
чтоб подняться над пашнею,
над гречихой зеленой,
над рекой,
до забвения в синеборье влюбленной.

Солнце светит им вечное, к горизонту склоняясь,
облаками пушистыми иногда заслоняясь.
Но земля только хмурится, —
и печаль ее вся-то:
не продрогли б,
не вымокли в небесах чибисята.

Перед ними, хохлатыми, мир лежит неопознан...
Удивляться открытиям никогда ведь не поздно.
День-то радужен,
ясен был?
Он — надежды внушает.
Что ж вам к счастью сыновнему приобщиться мешает?

• • •

Вставайте, лучистые звезды,
В небе далеком и в озере темном, как ночь.

Георгий Вяткин.

Что ты донес
из дальней дали
лучистей звезд,
острей печали?
Какой росой смочил ты веки,
чтоб сохранить в душе навеки
тот мимолетный,
тот прощальный
миг восхищенья изначальный?

... А мне —
запомнился мальчонка

с глазами теплыми галчонка.
Вот так: запомнился мальчонка.
И как дружила с ним речонка.
Как вверх несли его качели
в заезжем цирке Доницелли
(и он смеялся,
он смеялся
и высоты той не боялся).
И как с него снимали снимки
пруды на Губкинской заимке
(и он на снимках был счастливым
в своей рубашечке с отливом —

...Ты поворожи мне, тетя Нина!
 Я покрепче кофе заварю...
 Дерево в окне опять заныло,
 листья отдавая сентябрю.
 Нагадай мне, тетя Нина, славу,
 посули мне сына или дочь,
 дружески протянутую лапу,
 звезды, прожигающие ночь.
 Верную мне женщину на годы,

благодарь,
 идиллию да тишь...
 Словом,
 что душе твоей угодно,
 а моей, конечно, угодишь...
 Одного не надо, тетя Нина:
 той дороги — в тысячи смертей,
 никакого чертова Берлина
 на земле расколотой моей.

• • •

Конец войны,
 любви начало —
 все совпадало в этот май...
 Их нежно улица качала,
 берёг израненный трамвай.
 Сюда их нес веселый поезд,
 сдружил их общий котелок.
 Они три дня везли с собою
 и пыль и гарь чужих дорог,
 и в первой речке пограничной
 смывали яростно, с песком...
 И о расцветшей дома вишне
 заговорили вдруг
 потом...
 Их этот город принял сразу,
 вниманьем добрым окружил,
 он подал им напиток квасу
 и заплатит не разрешил.
 Они ходили и ходили,
 глядели,
 головы задрав,
 на равных
 куревом кадили —
 трофейным —
 в солнечных дворах.
 ...Уже их трезво мучил голод,

на спинах взмокли вещмешки.
 Тогда ушли они за город
 и сели в отблесках реки.
 Цвет задубевших гимнастеров
 замаскирован был травой.
 Из фляг — помятых и потертых —
 за все,
 что стало их судьбой,
 глотнули враз...
 А на закуску
 пошла тушенка — треск в ушах!
 Пустые банки
 зло и вкусно
 приبلудший пес лизал в кустах.
 Легчали фляги — всё на равных.
 Уже теряла вкус еда...
 Потом сплелись они, как травы,
 сомкнулись — берег и вода!
 За всех,
 со славой и без славы
 ушедших — смерти в невода,
 словно последние живые,
 любили сразу и до дна...
 И телом верили впервые,
 что вот и кончилась война!

• • •

Лист опавший
с лица твоего
я сниму осторожно губами...
Тишина. И вокруг — никого,
ты да я,
да корзины с грибами.
Возле стога, усталая, спишь,
сено сонное локтем подмяла.
И ни стен городских тут,
ни крыш,
ни троллейбуса, ни самосвала...
Городская — одна шелуха
от бестрепетно съеденной снеди:
скорлупа — будет дом для жука,
в банку дождичка туча нацедит —
будет птахам лесным водопой...

Спи пока.
Электричка не скоро.
Мне и так расчудесно с тобой
разговаривать разговоры.
...Как до этой поляны сейчас,
удивительно и щемяще,
мой,
из пепла встававший не раз,
мир
сужается чаще и чаще.
...Жердь торчит над твоей головой,
и вокруг этой высохшей оси
солнце —
верный земли часовой —
поворачивает на осень...

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

СОБИРАТЕЛЬ БАБОЧЕК

Льву Стекольникову

1

Жил в Ленинграде человек, влюбленный
В свой город, хоть бывал не часто в нем.
Палила гостя Азия огнем
И холодили ледяные склоны.

Вернувшись, приглашал по телефону
Товарищей в веселый, шумный дом,
Чтоб рассказать, каким он шел путем
Из выжженной пустыни в край зеленый.

Мы слышали арыков голоса...
Светились добротой его глаза,
Делился сокровенным он с друзьями,

И долетало к нам звучанье строк
Из напоенных влагою садов
Невечными, как счастье, мотыльками.

2

Невечными, как счастье, мотыльками
Товарищ увлекался с детских лет,
Не только потому, что был поэт, —
Пуускай иные тешатся стихами,

Чье время измеряется часами
Недолгими: глядишь — уже их нет...
Тех крылышек легчайших нежный цвет
Ему напоминал живое пламя.

К нему слетались из любой страны,
Лиловые, изумрудны и красны,
Гонцов природы крошечные крылья.

И разом в тьму и солнце погружен,
Царь бабочек снижался — махаон,
Осыпанный, казалось, лунной пылью.

3

Когда, осыпан межпланетной пылью,
На лунный кратер человек взойдет,
В кабине с ним направится в полет
И стих, что помогал его усилью.

Мечта отца для сына станет былью,
И радуясь дарам земных щедрот,
Он вспомнит золотой от солнца мед
И бабочек земных цветные крылья.

И человека на уступах скал,
Что ожиданьем жил и чуда ждал,
И чудом находил в скитаньях слово.

Так свято в звездный час он верил свой,
Когда увидит Мир над головой,
В котором тьма и свет всего земного.

4

На всех дорогах тьму и свет земного
Нам сохраняют вещие слова,
Когда ветвей невнятная молва
Нас окликает грустно и сурово.

Мы бабочек ловца не встретим снова.
Летают мотыльки. Шумит листва.

Но мертвая на крыльях голова
Не снизилась над ним во время лова.

Когда, тревожной красотой влеком,
Он гнался за огромным мотыльком,
Разлился свет, оранжевый и синий.

Да, это был планет далекий свет,
Который говорил, что смерти нет,
Хотя уже лежал на ветках иней.

НИНА АЛЬТОВСКАЯ

УТРО

Теплом напоенные женским,
угроз никаких не тая,
вкушают младенцы блаженство
непознанного бытия.

И желтых, и черных, и белых,
под именем общим — семья,
качает в своей колыбели,
задумавшись крепко, Земля.

В избытке у ней пулеметчиков,
ракетчиков и поэтов —
растите скорей, переводчики
с земного на межпланетный,

чтоб жить без напрасных потерь,
беречь, что для счастья подарено:
ведь солнце восходит теперь
с бессмертной улыбкой Гагарина!

Погибнет гений, но останется
В добре и здравии родство:
Его племянник и племянница,
И брат троюродный его.
И доказательством вещественным,
Что гений жил среди живых,
На заседании торжественном
За главный стол усадят их.
Охотно, с нами за компанию,
Они разделят нашу боль,

Они прочтут воспоминания,
Они войдут с годами в роль.
Анекдотические мелочи
Всплывут услужливо на свет:
Так испокон спасались неучи,
Не одолевшие предмет.
Течет их речь, такая плавная,
На совесть трудится родство.
Все тщится вспомнить что-то главное
И не припомнит ничего.

ГЕРМАН БЕЛЯКОВ

ЖЕНЫ КОСМОНАВТОВ

Средь знаменитостей,
 среди актрис
В расветной дымке синего экрана
Вы не заметите
 их нежных лиц,
Их балуют не часто крупным планом.
Для них тревожно проплывает ночь,
И стынет ужин долгими часами.
Мужьям не в силах чем-нибудь помочь,
Они лежат с открытыми глазами.
И все-таки совсем не в этом суть!
Когда корабль космический вернется...
Сиянье славы их мужья несут,
А тяжесть славы
 женам достается.

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ

КАФЕ НА ОКРАИНЕ

Кафе на окраине. Легкие стены стеклянны,
Глядимся в их синь —
 в марсианские телеэкраны,
Пропава,
 потерявшись,
 попав на другую планету,
В чужие кварталы, которых почти еще нету,
Оттуда,
 где каждый трамвай, фамиллярно мигая,
Раззвонит, что видел вдвоем нас во встречном трамвае.

Кафе на окраине.
В солнечном отсвете медном
Мы смотрим, где сесть,
 на мгновение у входа помедлив...
Свой мир принесли мы туда, где никто нас не знает,
Где впору поверить, что это — планета иная!
Так радостно редко смещается времени плоскость —
Ведь чудом, случайно забраться сюда довелось нам.
Оттуда,
 где люди и кони, мосты и колонны
Незыблемы, бронзовы, каменны, определенны,
Сюда,
 где все смешано, спутано, несоразмерно,
Где сверху на избы уставились стекла модерна.

Кафе на окраине. За синими шторами — краны.
А дальше — калитка скрипит, и в оконцах герани,
И этой девчонке недолго уже остается
Ходить с коромыслом к замшелому срубу колодца.
И все-таки жаль тополиную улицу эту,
Как будто открытую нами чужую планету.
Скамейка кленовая...

 А возле тополя — кони.
Не Аничков мост ли их выслал за нами в погоню?
Укрой нас, наш друг неожиданный,

 тайный,
 случайный,
Деревня в кольце небоскребов,
 кафе на окраине...

АНАТ. ГОРЕЛОВ

ПОЧЕМУ А. БЛОКУ ПРИПОМНИЛСЯ А. ДЮРЕР

Образ Христа в концовке поэмы «Двенадцать» не только по сей день продолжает тревожить мысль исследователей, но, как известно, страшил и самого поэта. В записи «для себя» он несколько раз писал по этому поводу: «страшно», «страшная мысль», «трагедия художника», «надо, чтобы шел Другой», «большевики правы, опасаясь «Двенадцати». Более того, в дневниковой записи от 10 марта 1918 года Блок писал по поводу злополучного появления Христа в конце поэмы: «Разве я «восхвалял»?.. Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь «Иисуса Христа». Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак».

Вспомним еще одну фразу из письма поэта к Е. П. Иванову в революционном 1905 году: «Старое рушится. Никогда не приму Христа».

Что, явная непоследовательность А. Блока, — в отличие от года 1905-го, год 1917-й примирил его с Христом?

Видимо, объяснение этому противоречию следует искать в признании автора «Двенадцати», что иногда он сам глубоко ненавидит женственный призрак Христа. Блок никогда не грешил церковно-лампадным пиететом перед «боженькой», его протестный Христос соседствовал не только с наивной верой древних предков, рубивших курные избы — «сруб горячий», — но и со сказочно-таинственной Русью, «с болотами и журавлями и мутным взором колдуна». Женственный призрак Христа чем-то диссонировал с диковатой необычайностью Руси, за чьей дремотой таились колдовские, заговорно-живительные «песни ветровые».

Говоря о правомерности опасений «большевиков», о собственной «трагедии художника», Блок явно подразумевал под этим какое-то несоответствие использованного им этического пафоса Христа представлениям марксистов — «самых умных критиков». В этическом пафосе христианства, даже освобожденном от ненавистной Блоку поповщины, неотъемлемым оставался «женственный» элемент покорной расслабленности.

В письме к художнику Ю. Анненкову по поводу иллюстраций к «Двенадцати» Блок сознается, что не может выразить словами, кто мерещится ему под флагом впереди красногвардейцев: «... сказать я не умею, как, может быть, хуже всего сумел сказать в «Двенадцати» (по существу, однако, не отказываясь, несмотря на все критики)». И тут же, точно спохватываясь, добавляет: «А на целое я опять — смотрел, смотрел и вдруг вспомнил: Христос... Дюрера! (т. е. нечто совершенно неотносящееся сюда, постороннее воспоминание)».

Упоминание дюреровского Христа звучит как неожиданно вспыхнувшая ассоциация, как счастливая догадка, ибо только что Блок жаловался, что не в состоянии живописно представить себе, кто мерещится ему под флагом. Вспыхнувшее воспоминание кажется ему «посторонним», между тем оно бросает пронзительный свет на внутренние боре-

ния поэта. В творчестве Дюрера, великого художника немецкого Возрождения, с таким блеском отразившего мятежные страсти своего беспокойного времени, Блок нашел нечто родственное своим поискам Христа простонародного, мужицкого, исполненного грубой, мятежной силы, не пассивно, а активно участвующего в мятежном марше «двенадцати». Можно предаваться лишь догадкам, какой именно Христос вспомнился А. Блоку. Однако дюреровский рисунок Христа (1503 г.) — угловатого, взлохмаченного, с грубыми чертами лица, с головой, точно проросшей терниями, — по своему плебейскому облику наиболее близок героям революционной улицы. Близок и нравственному критерию самого Блока.

Ю. Анненков не увидел, да и не мог увидеть в поэме подобного Христа. Ибо подобный Христос если и существовал, то лишь в нравственной атмосфере поэмы, зрительно не проявленный, — существовал в блоковском чувстве неудовлетворенности.

Представляется весьма соблазнительным помнить об этой ассоциации при чтении знаменитых последних девяти строк поэмы, в которых Христос неожиданно возникает «в белом венчике из роз»!

Мы высказали предположение, что в типе Христа, созданном великим немецким художником, Блока привлекала мужицкая, трудовая стать. Нет ли и в «венчике из роз» отзвука «Праздника четок» того же художника?

Сюжет знаменитой картины Дюрера был навеян культом четок, имевшим тогда широкое распространение в Германии. Нитки бус отождествлялись с венками, сплетенными из белых и алых роз, и рассматривались как символ всемирного братства христиан, скрепленных единой верой, как скреплены бусы единой нитью. «Поклонение четкам породило особый тип картины, где изображались люди всех сословий и званий, миряне, монахи, духовенство, подносящие мадонне или получающие от нее венки из роз. Этот сюжет и был заказан Дюреру...» (Ц. Несельштрау с. Альбрехт Дюрер. М.—Л., 1961).

Символика розы особо привлекала А. Блока в пору его работы над пьесой «Роза и Крест». Однако Блок, боясь «провраться мистически», символику розы и креста, как заметил В. Жирмунский, стремился использовать не в духе христианской мистики, а «только художественно», в реалистической и психологической трактовке.

Для А. Блока и сюжет, легший в основу человечнейшей картины Дюрера, терял свою религиозную мистичность, ибо за символикой «белых венчиков», уравнивавших на картине коленопреклоненного папу с последним из мирян, ему провиделось искомое революцией «всемирное братство» народов.

И на этот раз Блок символику «венчика из роз» использовал «только художественно», ибо для народного сознания роза уже с древнейших времен представляла эмблему весны, красоты, любви, радости, чистоты.

Злополучный Христос не устраивал ни хулителей, ни защитников поэмы: одни считали поэта святотатцем, других шокировало финальное обращение к религиозному образу.

Одним из первых в статье в «Правде», еще в 1918 году, Н. Осинский, старый большевик и блестящий публицист, заметил, что тут Блок следовал «по следам Достоевского». И тогда же остроумный отпор редакторам чистоты Христовых риз дала Мариэтта Шагинян. В своем ответе некоему С. В. Яблоновскому (4 октября 1919 года) она писала по поводу

«Двенадцати»: «В заключение вы умоляете поэта не вести Христа в дурную компанию. Ах, Сергей Викторович! Поэты очень странные люди. У Гете, например, есть баллада «Бог и баядерка». Там бог спасает проститутку, найдя в ней божественную душу. Гете не постеснялся ввести бога в дом терпимости. Разумеется, приличнее было бы повести его в честный бюргерский дом, где мать семейства поит всех чаем, а отец читает детям вслух историю отечественного кролиководства. Но Гете этого не захотел. Почему? Может быть, потому, что из пряников и кроликов, хотя это сами по себе очень приятные вещи, — никак не скроишь ни баллады, ни поэмы!» Мариэтта Шагинян понимала, что гению Блока было чуждо варево из «пряников и кроликов». Напомнив про гетевского бога, не погнушавшегося домом терпимости, она, по существу, также нащупала в поэме А. Блока «следы Достоевского».

Дело, конечно, не только в проблеме литературной преемственности. «Боженька», прилипнувший к мужицкому протесту Льва Толстого, как и мадонна, противопоставленная в творчестве Достоевского идеалу содомскому, в той или иной степени являлись отражением народного сознания, в котором волею исторических обстоятельств даже революционный протест принимал формы то богоборчества, а то и религиозного юродства. И в обоих случаях символика религиозных представлений выступала мерилom не только этических верований, но и заблуждений народной массы.

Обращение к Христу было не столько литературной традицией, сколько историческим грехом народного сознания. Обращение к «боженьке» Блок считал «трагедией художника», тогда как взлом религиозного сознания оставался одним из проявлений трагических борений самой действительности отсталой крестьянской страны, рванувшейся к социалистическому идеалу.

Обманутый, неграмотный русский мужик, поперший в «добровольческую армию», коленопреклоненно притихший под поповской хоругвью, с именем Христа паливший по «безбожным» красноармейцам, — и являлся порождением «демонических» обстоятельств действительности. Может, и блоковский Христос, ринувшийся в русскую революционную метелицу, был пророческим предчувствием — предостережением гениального поэта, в чьем сердце отдавались боли и верования родного ему народа.

А. Дюрер, художник немецкого Возрождения, был близок А. Блоку человечностью своего религиозного чувства. Русского поэта пленяла в нем наивность веры, еще сохранявшей народные упования на братство, равенство, справедливость. Создавая поэтическую эпопею о революционном народе, с боями устремившемся к человеческому братству, Блок вспомнил художника, чьи Христос, чьи религиозные картины в свое время также оказались опаленными жаром освободительных, мятежных крестьянских движений.

ВИЛЕН БОРИСОВ

ЧЕРНЫЕ РЕЧКИ

От оконных стекол взлет зари отсвечен,
Розово сверкая, воды вдаль текут. . .
Есть под Ленинградом много Черных речек,
Всюду — обелиски, словно начеку.
Эта — на Карельском около залива,
Эта — у Гостилиц за Петродворцом,
Эта — у Орешка, где Нева на диво,
С Ладогой встречаясь, вся светла лицом.
Сохраняет память Черных речек много,
В их самом названьи слышится тревога.
Лезвиями камня встали обелиски,
Говорят в молчаньи о родных, о близких. . .
В стеганках, в бушлатах и в простых шинелях,
Славные ребята жизни не жалели. . .
Стекла строгих зданий щедро красит вечер,
На мосту трамваи в блеске голубом. . .
Есть под Ленинградом много Черных речек,
А одна проходит в городе самом.
Здесь полозья пели около опушки.
Здесь смолистый ельник
Был продут насквозь. . .
В снег упал, как птица, Александр Пушкин,
И, отпрянув,
Эхо гулко разнеслось. . .
Снег дымился кровью. Обелиск точеный
Не свеча, но светит памяти людской!
Да, не зря назвали эту речку Черной.
Ей сродни другие, где клубился бой.

СЕМЕН БОТВИННИК

• • •

Литовского поэта, старика,
перевожу...
Во мне — его тревога,
и тишь лугов, и запах сосняка,
и к хутору ведущая дорога...

Его глазами
пристально гляжу
на дерево, на озеро, на птицу...
Веду его, веду, перевожу
в свой край
через литовскую границу.

Его душа —
вот тут, с моей душой,
его лицо —
за дальней скрыто далью...

А мне — чужой печалиться печалью
и радоваться радостью чужой.

Над строчкой неприметной колдовство,
чуть ощутимо сдвинутое слово —
и сразу открывается родство
земель и душ,
живого, неживого...

Перевожу литовца, старика, —
как будто сам с годами тяжелею,
надломленную веточку жалею
и чувствую: дорога коротка...
И рубленый литовский вижу дом,
и вечер, озаренный поздним светом...
А молодость ко мне придет потом —
с другим уже стихом,
с другим поэтом...

• • •

Вдоль белого, вдоль зимнего канала,
февральским грустным воздухом дыша,
пойдем, неторопливая душа, —
чтоб суета совсем не доконала...

Пойдем, себя не сразу узнавая
в прозрачности, уже не молодой,
в неяркой вспышке раннего трамвая
и в дереве, склоненном над водой.

Из комнаты, где спорили, курили,
пойдем вдоль зданий,
серых и прямых...
Из комнаты,

где с милой говорили,
но жили, словно два глухонемых...

От снега ли,
от солнца ли светает?
Дворы пустынные, и шаги слышны,
и с каждым днем
все больше не хватает
вот этой белизны и тишины...

От спешки,
от бесплодного вращения,
от всей пустопорожней кутерьмы —
по набережной, вдоль, уходим мы...
Но далека ль минута возвращения?

• • •

Вы в сердце, ленинградские дворы
тех дальних дней, тревожных
и морозных, —
все в отблесках трепещущих и грозных
неладной той, блокадной той поры. . .

Проходят дни — но явственней видны
моей душе мальчишки-одногодки,
что вышли в путь
бесстрашный и короткий
и затерялись в пламени войны.

Блокадный хлеб. Блокадная вода.
Блокадный путь под выюгой ледяною.
Какой бессмертье куплено ценою —
мой город не забудет никогда. . .

Вы в сердце, ленинградские дома,
все резче ваши контуры сквозь годы.

Возмездие ковавшие заводы,
прожекторами взрезанная тьма. . .

Разрывы грохотали над Невой,
сухая стужа щеки обжигала —
но жизнь и страсть высокого накала
в тебе кипели, город фронтовой.

О, города прекрасное лицо
и вздох его счастливый
в ту минуту,
когда блокады черное кольцо
развеял гром победного салюта!

Да славится твой камень и металл,
твоих бойцов крылатая отвага, —
не их ли штык
на копоти рейхстага
автограф Ленинграда начертал?

НИКОЛАЙ БРАУН

ДОМ НА КАНАЛЕ ГРИБОЕДОВА

Мне этот дом доньше —
Как памятник тех годов.
Я к вечной их святыне
Устами припасть готов.

Здесь лишних слов не надо,
Их столько слилось в одном:
Как скажут слово «блокада» —
Мне видится этот дом.

Скорее — не дом, а воин,
Принявший огненный шквал,
В несчетных следах пробоин, —
А кто их тогда считал?

Корчилось крыш железо,
Рушились провода,
И, грохотом тишь прорезав,
Били бронепоезда.

Казалось, это не люди —
Нелюди, пряча страх,
Били в праздник и в будни,
Били, свой чуя крах, —

С неба в горящих звездах,
С Вороньей черной горы,
Дьявольскою угрозой
Тешились до поры:

Оборотить в болото
Петров на болоте град.
Как брали они в работу
Наш боевой квадрат!

И впрямь боевым квадратом
Не зря он казался им, —

Для них и госпиталь рядом
Объектом был боевым.

Но для людей ночами
И днями был дотом дом,
И зажигалок пламя
Гасло, давясь песком.

Мерзли и вымидали
В муках, в дыму, в крови,
И не во имя рая,
Но ненависти и любви.

Гибли в блокадном громе,
Чтоб расцвела весна. . .
Я б выбил на каждом доме
Золотом их имена.

• • •

Да, чем-то я еще в былом,
Но чем-то я уже в грядущем.
Отжившее идет на слом,
Живое впрок идет живущим.

Не отрекаюсь от корней:
Они несут земные соки
К душе моей,
К судьбе моей,
К истоку помыслов высоких.

Не отрекаюсь от дорог,
Что под ногой клубились пылью,
От тех потерь, что не сберег,

Что были явью,
Стали былью.

И от страстей не отрекусь —
Без них померкнет жизнь в грядущем.
Разряды гроз,
Разлуки грусть
Беру с собой в тот сад цветущий.

Не отчужденным перед ним,
Не ангелом из райской кущи
Предстану я, —
Как есть живым,
Влюбленным, жаждущим, поющим.

ИЗ УСТ ЕГО...

Русь моя, жизнь моя. . .

Как и жить и плакать без тебя?

А. Блок

Из уст его, живого, слушал
Я эту боль живую строк.
Живую в них вложил он душу,
Он знал, что нет иных дорог,

Как только с той, чей путь острожный,
Дерюжный, темный, избяной,
Вдруг обернулся невозможной
Судьбой иной,
Стезей иной.

Ее исток, ее начало —
В полях, поросших лебедой.
Она копьём о щит стучала
Перед Мамаевой ордой.

Она таилась в дни глухие
И камень в сердце берегла,
Когда простерлись над Россией,
Как смерть, совиные крыла.

Стезя разгула и свободы,
Пора метаний и разрух,

Стезя семнадцатого года,
Что даже тем, кто слеп и глух,
Огнями очи распахнула,
И очи гулом обожгла,
И в ночь винтовок черных дула
Через сугробы повела.

Стезя двенадцати... Сквозь душу
Рвались, терзаясь и любя,
Слова.

А я стоял и слушал:
«Как и жить и плакать без тебя?»

ГОВОР МОЙ...

Говор тульский,
Орловский,
То протяжный, как вздох,
То забористый,
Броский,
Рассыпной, как горох.

Он — как с дудочкой дударь,
Стародавний, как Русь,
В нем и русичей удаль,
В нем и русская грусть.

Метой прадедов мечен,
Горем дедов горюч,
То он чистый, как речка,
То он жгучий, как ключ.

В нем березовый трепет,
Гром колесный с дорог...
Мой младенческий лепет,
Детский мой говорок!

Встал, раскинул он ветви,
Врос он в песенный лад,
Сказкой бабкиной светел,
Песней маминой свят.

Встал, раскинул он слово
Сыном в отчете дому...
Звон кольчуг с Куликова
Долетает к нему.

ВЫШЛА КНИГА

Вышла книга.
В свет.
В эпоху.
К современникам на суд.
Пусть по голосу,
По вздоху
Не в родню к чертополоху,
В добрый список занесут.

Книга... Что это такое —
Книга?

Не набор страниц, —
Это царство непокоя,
Рокот грома,
Взлет зарниц,
Сердца стук и слов сраженье,
Рифмы звон, как звон мечей,

Страсть, порыв, изнеможенье
Сквозь бессонницу ночей.

Это слез, любви и гнева
Пережитая глава,
Ветка жизненного древа,
Воплощенная в слова.
Это музыки дыханье,
Это шелесты листья,

Звезд полныхных полыханье,
Дрожь рассветной синевы.

Вы коснетесь книги этой
Осторожно,
Не спеша:
В ней живет душа поэта,
Обнаженная душа.

РАИСА ВДОВИНА

• • •

Н. К.

Ночь была из горячего пепла.
Корабли ускользали к заливу.
Старый тополь Большого проспекта
Вспоминал карамзинскую иву.
Предстояло влюбиться Ромео,
Предстояло погибнуть Тибальту.
Поливали, гудя равномерно,
Разливали Неву по асфальту.
Город плыл, облепив парапеты.
Отдыхали суставы брусчатки,
И бесшумные велосипеды
Протянули от луж отпечатки.
В чистом воздухе пахло сиренью
И сожженным углем кочегарки.
На меня снизошло вдохновенье

И желание делать подарки.
И друзей в это светлое утро,
Тех, кто был недоступен измене,
Награждала я щедро и мудро
Площадью и кустами сирени,
Набирала я целые руки
На глазах потрясенной охраны:
Пустыри, тупики, переулки,
И дворцы, и каналы, и храмы. . .

А тебе подарила в награду
Летний сад у Лебяжьей канавки
И какие-то милые травки,
Перелезшие через ограду.

ОКНА

Рассветают они, леденеют, чернеют и мокнут —
С ними я заодно, как с галерою скованный раб:
Двадцать лет я смотрю в эти долгие-долгие окна.
Здесь давно потерялся их четкий законный масштаб.

Как бесцельно хожу, как ломаю рассеянно спички,
Как при каждом звонке я срываюсь и думаю: «Ты!»
У меня удивительно мамины стали привычки,
У меня удивительно мамины стали черты.

А она, не готовясь уже ни к одной перемене,
Все по комнате шаркает, шамкает, как пономарь,
И в потемках лежит, подогнув по-ребячьи колени,
И считает звонки, и ошипывает календарь.

АСЯ ВЕКСЛЕР

• • •

Богата память: день-деньской
она пережитое копит.
И если трудно мне одной,
на выручку приходит опыт.

Но что мне опыта урок,
раз вечер долг и кромешен,
и в комнате не на звонок,
а на одно участие меньше;

В час невеселых новостей
он сообщает между прочим
о том, что перечень друзей
тем достоверней, чем короче.

и мне чем дальше, тем грустней,
ввиду решений непреклонных,
несостоявшихся друзей
переводить в число знакомых.

ТУМАН

Когда, забывшись на часок,
дремал поверх тумана стог,
слегка намечен в цвете,
я не сумела бы сказать,
кем спрятан луг за пядью пядь
и на каком я свете;

забор был трезв, а тополь — пьян,
но каждый, выходя в туман,
существовал и не был,
и поезда на ощупь шли,
и до поверхности земли
распространялось небо.

• • •

Уходя, как в землю колья,
оседает колокольня.
Звонарей пережила.
Сняты все колокола.

Что ж я слышу неизменно
через башни, через стены

тот для четырех сторон
звон, трезвон и перезвон?

Что ж я вижу, глядя мимо
башен, стен, избы и дыма,
раскачавший дол и лес
вечный колокол небес?

ЧЕРНОВИК

Когда — не может быть иначе —
ты обнаружишь среди книг
свою расписку в неудаче —
ничем не ставший черновик,

тогда поймешь, врасплох захвачен,
при виде слов, летящих вскачь:
сплошные наши неудачи
в основе всяческих удач.

АЛЕКСАНДР ВЕРМИШЕВ

Имя этого человека долго было забыто историками советской поэзии. Лишь совсем недавно появились о нем статьи, очерки...

Бороться, чтобы жить,
И жить, чтобы борьбою
Свою же жизнь — борьбу
свою — продлить...

Эти строки из стихотворения Александра Александровича Вермишева, большевика, одного из первых пролетарских поэтов, публицистов и драматургов, могли бы стать эпиграфом к его жизни.

Член РСДРП с 1903 года, участник трех революций, Вермишев всю свою жизнь отдал делу пролетариата.

Он был человеком удивительно многогранным. Юрист по образованию, он консультировал большевиков в Государственной думе. Талантливый поэт и публицист, Вермишев сотрудничал во многих газетах Закавказья и Петербурга. Он неплохо рисовал, и способности художникагодились ему как активному участнику «Окон РОСТА» в годы гражданской войны. Занимался он и изобретательством. Вместе с А. Енукидзе сконструировал автоматическую телефонную станцию-будку. Вермишев любил музыку, играл на фортепьяно, гитаре, писал музыку к собственным стихам.

Разносторонней была творческая деятельность Вермишева. Но излюбленная его стихия — драматургия, театр. С именем Вермишева связано появление первых революционных драм о гражданской войне. Этой теме посвящена одна из лучших пьес Вермишева «Красная правда». Написанная им, комиссаром стрелкового батальона, в перерывах между боями, пьеса была послана на отзыв В. И. Ленину, и через несколько дней Вермишев получил за подписью секретаря Совнаркома Л. А. Фотневой письмо следующего содержания: «По поручению Владимира Ильича сообщаю, что Ваша пьеса «Красная правда» была послана на отзыв трем литераторам-редакторам (А. Луначарский, М. Горький, Д. Бедный). Отзыв их следующий: «Наше согласное мнение (всех трех) таково: как агитационное орудие пьеса должна действовать сильно, особенно там, где переживали гражданскую войну».

Александр Вермишев героически погиб в бою в августе 1919 года под Ельцом.

В архивах, в подшивках старых газет остались его простые стихи, связанные с традициями пролетарской поэзии, традициями поэтов «Звезды» и «Правды».

Н. АЛЕКСЕЕВА

ПЛОЩАДЬ ДВОРЦОВАЯ

Дождь моросит. Мостовая торцовая
Блеском багряным искрит. . .
Вновь ошестинясь штыками, Дворцовая
Грозно клокочет, бурлит.

Искра свободы пылает пожарищем
Над разоренной землей. . .
— Вся власть Советам.

Свобода, товарищи! —
Клич пролетел над страной. . .

Прошлое кажется сном позабытым.
Свергнут коварный престол,
А на Дворцовой с короною сбитой
Злеет двуглавый орел.

В Зимнем засели министры продажные,
Гонят народ на войну. . .
Пышные речи. Посулы бумажные.
Голодом душат страну.

Час наступает. Трепещет тирания —
Свора матерых волков. . .
Мщенье за слезы и муки страдания,
Стон матерей и отцов.

АЛЕКСАНДР ВОЛОДИН

• • •

Солдатской переписки тайна.
Письмо с расчетом на ответ
той незнакомой, той случайной
в подшивке полковых газет,
которая светло и странно
глядит с газетного листа.
Черты лица ее туманны,
всегда туманна красота.
Простые сведенья сначала:
работа. Братик. Мама. Дом. х
Знакомство. Жалоба и жалость.
А чувства? Нет, они потом.
О том, чтобы соединиться,
пока и речи в письмах нет.

Там лучшая души частица,
и лучшая придет в ответ.
Живут и писем ожидают
двух почт счастливые рабы.
Уже меж строчек полыхают
тоска, предчувствие судьбы...
Сто лет прошло. Я получаю —
смешное в сутолоке дня —
письмо от женщины случайной,
почти не знающей меня.
И вот сажусь за стол, как прежде.
Очки надел. Включаю свет.
В полукомической надежде
я, как солдат, пишу ответ.

ЛЕВ ВОЛЬСКИЙ

• • •

Сын был убит в атаке под Каховкой
(В июле, в сорок первом, на Днепре).
А мать его свезли на Пискаревку
В сорок втором, блокадном, в декабре...

От голода в глазах мутилось небо,
Но все жила: ждала от сына весть...
И умерла, оставив пайку хлеба:
А вдруг сынок придет, захочет есть...

В. Курочкину

Давай проснемся раньше дворников,
Махнем с тобой в Зеленогорск.
Залив лежит, как пес в наморднике,
Как ворон каркает мороз.

А мы с тобой наладим удочки,
И в глубине стоячих вод
Пусть корюшка, как злая дурочка,
Сама себя нещадно жрет.

Душа тихонечко уляжется.
Заботы мягко отпустив,

И к нам с тобою вдруг привяжется
Какой-то старенький мотив.

И все невзгоды и желания,
Друзья-приятели, враги
Вмиг потеряют очертания,
Как лес под действием пурги.

И чистый снег, как пухом тополя,
Оденет нас в цветной наряд.
И мы как пьяные потопаем
Обратно в город Ленинград.

ТАТЬЯНА ГАЛУШКО

Но ты мне час особенный назначь,
Когда холодный свет в горах забрежит
И полоса утрат и неудач
Осенним прояснится побережьем.
Какой пейзаж! — как будто нет его.
Какой пейзаж! — единственный
для зренья:
Пейзаж, освобожденный от всего,
Что угрожает нам исчезновеньем.

Ты улыбайся в воздухе пустом —
Вокруг песок незыблем и безлюден.
Назначь мне час, как назначают дом,
Как назначаем тем, кого отлюбим.
Чего-то больше нет в твоём лице,
Оно неузнаваемо родное.
А там вверху, в безлиственном леске,
Совсем как мы, остановились двое.

АВГУСТ

Его не выпросишь: пожалуйста...
Не припугнешь: явись добром...
Как часто, не достигнув августа,
Июль кончает сентябрем.
Гниением пламенным изглодан,
Дождями выхолощен в прах,
Без урожая, без приплода,
Без певчей преданности птах.
О, как мы созрееваем тягостно,
Как долго ждем самих себя!

Не удостоенные августа,
Кружимся в рощах сентября.
Когда-то посвящали в рыцари,
Но в августе — не посвятишь.
Он полыхнет в ночи зарницею
И озарит одну из крыш.
Или, прогретый виноградно,
Треща обрушится с ветвей...
И удивишься легкой, жадной
Неутомимости своей.

ГАЛИНА ГАМЦЕР

• • •

У Волгограда чаек стаи . . .
Он умирал за Сталинград.
Руками по земле шагает
Обрубок,

Человек,

Солдат.

Он неудобен, неуместен.
Он как бельмо в толпе возник.
И мимо жены и невесты
Идут.

И смотрят сверху вниз.

А он тоскует, как по женщине,
О тех солдатских сапогах.
Победа высоко и вечно
Стоит

на двух

его

ногах.

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

• • •

Холод ранней весны
И спокойствие русской равнины . . .
А уж очи ясны,
А уж белые руки невинны,

А строга-то притом,
Лишний раз улыбнуться не смеет,
Да на пальце своем
Материнский подарок лелеет.

Золотой талисман
До того уж хорош оказался,
Что любовный туман
Никогда ее дум не касался.

Ни тревог, ни вестей, —
Белый свет и без них интересен,
Только встретился ей
Сочинитель безнравственных песен.

Молод был человек —
Сочинитель, мечтал он о многом,

И провел бы свой век
Он, скитаясь по дальним дорогам.

А теперь, говорят,
Проживает с прошедшей недели
Там, где домиков ряд
Окружают лишь сосны да ели.

Ни тревог, ни вестей,
День плывет — не студен и не ярок.
Бережет от страстей
Золотой материнский подарок.

1941

• • •

Я не могу поверить, Женя,
Что жизнь опять нас подведет.
Ее бесплодные решенья
Я знаю все наперечет.

Но мы решили: будь что будет
И, вопреки молве худой,
Пусть победителей не судят
И жизнь не будет нам судьей.

1947

ЛИДИЯ ГЛАДКАЯ

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Запах свежего хлеба —
Горевать нет причин!
Солнце лезет на небо,
Я слезаю с печи.

Умываюсь я нынче
Не слезами-бедой,
А прозрачной, обычной
Ключевой водой.

Славлю нынче окрошку,
Хлеб с парным молоком,
Деревянную ложку
С расписным черпаком!

... Как мальчишка бедовый,
Тонкий солнечный блик
Засмотрелся в суровый
Божьей матери лик.

КАПЛЯ

Все длилось миг. Один короткий миг,
И в этом нету вымысла ни капли,
Но в этот миг — большой, зеленый мир
В себя вобрала маленькая капля..

Она его торжественно несла,
Наделена зеркальной чистотою,
Потом скатилась медленно с весла
И стала вновь озерною водою.

• • •

Хочу увидеть море с маяка,
Чтобы звезда над маяком светилась,
Чтоб, рокоча, ко мне издалека
Вода зеленоватая катилась.

Чтобы звенели волны в той дали,
Тугие, как натянутые струны,

И по волнам на свет надежный шли
Рыбацкие натруженные шхуны.

Они бы возникали вдалеке
И к берегу тянулись против ветра,
Совсем как люди тянутся к строке,
Когда полна строка тепла и света.

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

РОЖДЕНИЕ РАДОСТИ

• • •

Выше голову, родная!
Не любовь я,
а — весна я.
Видишь, сад обшит листвою,
птичий грохот над Невой.
Облепись,
обмажься
солнцем!

Пой, пока Земля
несется
в плескотне лучей и песен.
Ты — земная.
Мир — небесен.
Выше голову, малыш!
Лишь весна. . .
И только лишь.

РОЖЬ

Мы каждый вечер
в эту рожь
с тобой ходили.
Каждый вечер...
Ты колоски ее берешь,
перебираешь,
не калеча.
А там, вдали, аэродром:
за рожью той
и вой, и грохот.

И дед грибной идет с ведром,
и наши с дедом слились
тропы.
Вот солнце село на бугор.
Чуть посидело
и скатилось...
И я все вижу до сих пор,
как ты
взамен его
светилась.

• • •

Поторопись.
Порасторпней
вглядись в меня,
пойми, пронзи...
И вот,
начавшееся робко,
рождение радости...
В грязи
цветок мигнул голубоглазый
и застеснялся,
канул в ночь.

Рождение радости...
И спазмы
в глубинах памяти!
О, прочь,
подите вон!
На сердце — пена.
Былого — нет.
Оно мертво.
Рождение радости — нетленно!
Рождение,
а — не волшебство.

• • •

На руке твоей
перчатка:
замурована рука.
Улечу я на Камчатку,
чтобы даль —
наверняка!
Как мне даль необходима:
ветер,
синь,
угар разлук.
На перчатке тень от дыма
соскользнула с острых рук.

Пляшут губы,
плачут руки,
самолет не ждет, ворчит...
Ходят голуби-старухи.
Над Землею Время мчит.
Уходи:
начнется дождик.
Мне пора туда — в нутро...
И бесстрастно ночь тревожит
диктор
в справочном бюро.

• • •

Подойди, устань, присядь.
Дай поглажу эту прядь,
заверну лицо в ладони.
Оглянись-ка: нет погони!
Это просто кони в пляске,
разной прыти и окраски.
Ну, а в небе? Просто это
кувыркается ракета.

И река не злится,
ибо
просто в ней танцует рыба.
Ты не бойся,
ты не майся,
ты целуйся, обнимайся...
Утопи ребячьи страхи
на груди,
в моей рубашке.

• • •

Не возвращается, скажем, весна —
та, что была.
А любовь
возвратилась!
Вот она — в волнах горячего сна,
рядом, на сене:
и радость, и милость.

Только другое обличье теперь,
и не узнать ее
с первого взгляда.
Вот она вышла,
захлопнула дверь...
Не возвращайся отныне.
Не надо.

• • •

Так на вокзалах и живу.
Как выйти мне
из положенья?
Скорей бы к дому,
на Неву,
к ее державному движенью...
Возникла женщина в пути.
Вдруг засветилась,
ночь кромсая!

И всё — далече, позади...
Одна лишь истина босая
с глазами детскими.
Я — твой!
Я не опутан,
я — закончен...
И очень хочется домой.
Но с каждым днем
уже не очень!

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

ВЬЕТНАМ

Вьетнам, он снится мне во сне.
Веселым шумным днем,
В ночной недолгой тишине —
Мы думаем о нем.

А в городах, где гром и темь
Зенитных канонад,
Ведут в укрытия детей,
Похожих на солдат.

Там солнце душное встает
В чаду, в крови, в золе,
Но бьется маленький народ
На маленькой земле.

Ползет с газетной полосы
Пожара едкий чад,
Несет игрушки в школу сын —
Посылка для ребят.

Крадутся в джунглях наугад,
Неслышные, как тень,
Отряды худеньких солдат,
Похожих на детей.

И песню вспоминаю я,
Что в детстве пели мне:
«Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне».

ПОД СТЕНАМИ БРЕСТА

Песня

Весной не срывать нам кленовый листок,
«Ура» не кричать, поднимаясь в атаки.
По нашим могилам идут на восток
Немецкие танки, немецкие танки.

Не жди меня, мама, в родные поля,
Другого ищи себе мужа, невеста, —
Нас всех на себе оженала земля
Под стенами Бреста, под стенами Бреста.

Не сыщешь нам памятник в царстве снегов,
Имен не прочтешь, открывая газету,
Но знали друзей мы и знали врагов.
Здесь нет отступивших и сдавшихся нету.

И если забыл ты о правде простой,
И если ты хочешь найти свое место,
Приди к нам, товарищ, и молча постой
Под стенами Бреста, под стенами Бреста.

Как тихо над Бугом плывут облака.
И ветер с заката, и ветер с заката.
Но как бы вам жизнь ни казалась легка,
Не спите, ребята! Смотрите, ребята!

Чтоб в черной ночи не будил города
Тот голос сирены, тревожный и резкий,
Чтоб пушечный гром не гремел никогда
Под стенами Бреста, под стенами Бреста.

ВЛАДИМИР ГРОШИКОВ

НОЧЬ В ОКОПАХ

С рассветом в бой. В окопах спят солдаты.
Не дремлют лишь дежурные посты.
А снег кружит, как будто хлопья ваты
Разбрасывает кто-то с высоты.

И я, зажав в руках приклад винтовки,
Гляжу во тьму за бруствер снеговой.
Мне кажется: иду вдоль Голубовки,
А на пригорке дом стоит родной.

Торчат рядком на частоколе кринки,
Из сада тянет горькой резедой,
И в кухне мама в пестренькой косынке
С шумовкою хлопочет над плитой.

И вьюги нет. И видно так далеко,
Что кажется, притронешься рукой...
Солдаты спят тревожно, неглубоко.
Солдаты спят. А на рассвете — бой.

ВСЁ МНЕ СНЯТСЯ...

Всё мне снятся гнилые болота
И объятая пламенем Мга,
Где моя пулеметная рота
Отбивает атаки врага.

И земля содрогается в муках,
От разрывов гудит, как струна,
А в кювете, раскинувши руки,
Умирает мой друг, старшина.

Он в шинели насквозь пропотелой,
С пистолетом в холодной руке,

И брусникою кровь затвердела
На его поседевшем виске.

Долго тянется время на свете.
День прошел, а мне кажется — год.
Но встает старшина из кювета
И зовет: «Комсомольцы, вперед!»

Всё мне снятся гнилые болота
И объятая пламенем Мга,
Где моя пулеметная рота
Отбивает атаки врага.

НАТАЛИЯ ГРУДИНИНА

НА ОТКРЫТИИ ВОЛЖСКОЙ ГЭС

Не поставлен толпе в персональный пример,
Ордена получать не имея в виду,
На открытии ГЭС пожилой инженер
Деловито присутствовал в третьем ряду.
А у створа плотины вскипала вода,
Навсегда потеряв изначальный покой,
И ступенями шлюза шагали суда,
Молодое «ура!» распластав над рекой.

Пожилой инженер, — он был жизнью из тех,
Кто не бросит на ватман бессмертный эскиз,
Чей затерянный в буднях неяркий успех
Скородумным пером не почтил журналист,
Он был жизнью из тех, кто к урочным часам
Чертежи отрабатывал до мелочей,
И талант беспощадный его не бросал
В добровольную муку бессонных ночей.
Ну, а молодость, вечно готовая в бой,
Что разумный совет принимает не вдруг, —
Сколько раз не заметила рядом с собой
Укоряющих глаз, охраняющих рук!

Сколько раз ей случалось досады не скрыть,
Если, приткую мысль на лету тормозя,
Он не к месту ворчал и просил не забыть
О каких-то винтах, без которых нельзя,
О каких-то просчетах и малых грехах,
Что однажды сольются в большие грехи, —
Так фальшивые строки в отважных стихах
Скоротечным недугом сражают стихи. . .

Я не вправе незванным огнем освещать
Сокровенные скорби людей рядовых,
Только знаю, что трудное счастье — прощать —
В полный рост умещается в сердце у них.
Так смолчу ли о тех, кто душою дорос
До любого, чья слава сейчас велика?

Закипает вода у машинных колес,
На стальные валы накрутив облака.
Разбивается в пыль о бетонный барьер,
И страдает и крепнет в неравном бою.
И живет на земле пожилой инженер —
Не последний в строю, и не первый в строю.

В ЧУЖОЙ ИЗБЕ

Избу чужую на сезон
Снимаю каждым летом. . .
Жену когда-то выгнал вон
Мужик из хаты этой.

С тех пор он малость не в себе,
Весь год живет в сарае.
Одно понятие об избе —
Изба моя сырая.

Стоит погода — черт-те что,
И ветер у колодца
Дерева гнет, и ломит то,
Которое не гнется.

Когда же молния в окне
Запляшет бесновато,
Идет непрошено ко мне
Смурной хозяйин хаты.

Чинит пристрастный мне допрос,
Честит гулящей бабой,

И красный свет с его волос
Дождем стекает на пол.

Велик и грозен, словно бог,
Стучит сукастой палкой,
И вдруг осядет на порог,
Беспомощный и жалкий.

Я не гоню его-взашей.
Терплю его приходы.
Из перекошенных траншей
Его безумье родом.

Из немудреного вранья
В ее коротких письмах,
Да из неждущего жилья,
Да из уверток лисьих. . .

Один зажил — не затужил.
Другие — что ж, простили. . .
А этот вот заспинной лжи
Рассудком не осилил.

На все ему достало сил,
На все, а на такое —
И разлюбить не разлюбил,
И не махнул рукою.

Полнеба залито войной,
Ее трескучим светом...

Все лето я чужой виной
Болею в хате этой.

А за окном потоп, потоп,
И ветер у колодца
Деревья гнет, и ломит то,
Которое не гнется.

ИГОРЬ ДРУЖИНИН

• • •

Вновь августовские тревоги,
Живой охотничий азарт.
С двустволкой по лесной дороге
Уйдешь без компаса и карт.

Забудешь годы и усталость,
Людей не судишь вкривь и вкось,
Как будто все, о чем мечталось,
Вдруг неожиданно сбылось.

Кусты бесшумно раздвигая,
Выходишь к заводи глухой,
Но чуткая взлетает стая
Над потемневшею водой.

Желанней нет минуты этой —
Рука тверда, и глаз остер.
Ударят выстрелы дуплетом —
И эхом отзовется бор.

И пес, пробравшись сквозь осоку,
Положит селезня у ног,
И уплывет в ивняк высокий
Пропахший порохом дымок.

ЛЕВ ДРУСКИН

• • •

На поляне	Безобразная
костер заливали,	мокрая груды
Словно душу его убивали	Там,
Те,	где пело
кого он всю ночь согревал.	стосветное чудо.
О, как долго	Черной горечью
он им	пахнет ладонь.
не сдавался,	Мы убили костер,
Ненавидел	мы убили —
и дымом плевался,	Мы о соснах своих
Задыхался	не забыли...
и вновь оживал.	Отчего ж мы тоскуем,
	огонь?

• • •

Нет,	Спаси,
никогда календарю	лесная тишина!
Я не скажу:	Пусть заслонит меня сосна
«Благодарю!»	Своею смуглою спиною.
Часы запру,	И вдруг
будильник спрячу,	услышу я,
Куплю билет втридорога,	привстав, —
Уеду	Неумолимо,
к черту на рога	как состав,
И брошусь в травы,	Грохочет время
и заплачу.	надо мною.

ЭЛИДА ДУБРОВИНА

МАРЬЯ — ЗАЖГИ СНЕГА

Будет радость, верьте!
Это я пришла!
Зацветайте, вербы,
Распушись, ветла!
Распуши барашки
Над тоненьким ледком...
Играйте, овражки,
Студеным кипятком!

Это мой приход
По звериным следам.
Я на озере лед
Расколю пополам.
Гроыхнет тишина...
Это я сама —
Еще не весна.
Уже не зима.

О стволы сырые
Точит лось рога...

Это я — Марья —
Зажги снега!
Я живу на свете
Лишь один день,
Но крылат мой ветер —
Голубой олень.
Но далек и труден
Путь по снегам.
Оставляю, люди,
Ветер — вам!

Но высок мой жребий,
И горят дотла
Мои ожерелья,
Мои зеркала...
Кто живет однажды,
Пусть не верит снам.
Оставляю жажду
Жизни — вам!

• • •

Девочка рисует акварелью
Добрый мир — с разлапистою елью,
С зайцем косоглазым и смешным.
Девочка щедра — так небо ярко,
Так крупна лиловая фиалка
Под листом лилово-золотым!

И пускай фиалка с елью вровень,
А у зайца голубые брови,
Человечьи умные глаза!
Все понятно. Все ведь так и было,
Я ведь тоже тропкой той бродила,
Слушала синичьи голоса.

Ты возьми меня хоть ненадолго
В мир нехитрый, где превыше волка
И в помине не бывает зла.
Ты верни наивность мне святую,
Что добро всегда восторжествует,
Как черна б невзгода ни была.

На крыло стрекозье сядем рядом,
Чтобы нас в страну цветов и радуг
Унесла лошадка-стрекоза...
Там растут фиалки с елью вровень,
А у зайцев голубые брови,
Человечьи умные глаза.

МИХАИЛ ДУДИН

• • •

Душа моя, а все ли ты свершила?
Что из того, что не сбылась мечта, —
Из грязи прорастает красота,
Без пропасти немислима вершина.

Пока жива, — надеждою лучись
В отчаянном дыму столпотворенья,
Сама в себе не презирай терпенья,
А у терпенья мудрости учись.

...И НЕТ БЕЗЫМЯННЫХ СОЛДАТ

Гремят над землею раскаты.
Идет за раскатом раскат.
Лежат под землею солдаты.
И нет безымянных солдат.

У каждого личное имя,
Какое с рожденья дают.
Равнясь незримо с живыми,
Погибшие рядом встают.

Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За горькую землю свою.

Одна у нас в жизни Присяга,
И Родина тоже одна.
Солдатского сердца отвага
И верность любви отдана.

В родимую землю зарыты,
Там самые храбрые спят.
Глаза их Победой закрыты,
Их подвиг прекрасен и свят.

Летят из далекого края,
Как ласточки, письма любви:
Ты вспомни меня, дорогая,
Ты имя мое назови.

Зарница вечерняя меркнет.
В казарме стоит тишина.
Солдат на вечерней поверке
В лицо узнает старшина.

Играют горнисты тревогу.
Тревогу горнисты трубят.
Уходят солдаты в дорогу.
И нет безымянных солдат.

НА НЕВСКОМ ПЯТАЧКЕ

Сто батарей гремело сдуру.
Слепой тротил крушил, крошил.
Земли изодранную шкуру
И мертвых снег запылил.

Но нет забвенья, нет забвенья
Тому, кто в этом был аду.
И памяти подразделенья
Равняются на холоду.

Седые волны бьются в мыле.
Горит зари багровый кант.
И непреклонен, как Вергилий,
На переправе комендант.

Он видит смерть. Он жизнью мерит
Свою гибель без нытья.
Дойдет туда, на левый берег,
Лишь только пятая ладыя.

А остальные без возврата —
В щепу снарядом — и ко дну.
И кровь до самого Кронштадта
Окрасит невскую волну.

При штурме храбрым доставались
Всегда крутые берега.
Природы зимняя усталость
Однообразна и строга.

На месте том, пустом доньше,
Трава живая не растет.
С печальной вечностью полыни
Сухой качается осот.

Да жесткий снег, клубясь, струится,
Течет, шершав и синеват.
Мои глазницы — как бойницы,
И в этом я не виноват.

ИДУЩЕМУ В ГОРЫ

Недвижны горы и могучи.
Им страсть и время нипочем.
Гора к горе уходят в тучи,
Расталкивая их плечом.

Там лед вершинам лег на плечи,
Покой веков холодный чист.
Но он не вечен, он не вечен, —
Запомни это, альпинист.

Лишь только стоит камень сдвинуть,
В базальт скалы вбивая клин, —

И гул лавин пойдет в долину,
Захлестывая дно долин.

Он пролетит, бездумный всадник,
Пригнувши голову, с горы,
Сметая цепкий виноградник,
Срывая сакли и дворы.

И словно не было в помине
Веков прекрасного труда.
Упрямец, рвущийся к вершине,
Оглядывайся иногда.

ДА, Я СОЛДАТ...

Да, я солдат. Завидуй мне. Дивись.
Я принимаю всех обид упреки.
Мне плоть и душу вымотала жизнь,
Восторги века и его пороки.

Я дал в блокаду верности обет,
И, с музой оставаясь без обеда,
Я видел кровь, взлет разума и бред —
Все, чем жила и мучилась Победа.

Да, я солдат. Все шло через меня:
Остуда века и его отрада,
Сияние рассветного огня
И пепел водородного распада.

Предательство и чести правый суд,
Страсть поцелуя и мороз измены.
От стронция эпохи не спасут
Искусства бронированные стены.

Да, я солдат. Я возводил мосты.
Душа — в рубцах, и на руках — короста.
Возвышенные истины просты,
Да только их осуществлять не просто.

Я трубачом и плакальщицей был.
Меня несли бессилie и сила.
Я женщину без памяти любил, —
Она меня еще не позабыла.

Да, я солдат. Живущее любя,
На перекрестках памяти непрочной,
Как листья клен по осени, себя
Идущим дальше раздаю построчно.

В бреду ночей и в сутолоке дней
У мысли есть одна первопричина:
Чем выше — тем труднее и сложней.
И все-таки да здравствует вершина!

Да, я солдат. И мой угрюмый страх
Живет во мне, как жизнь в подножном прахе,
И песня леденеет на губах,
Как свет звезды на снежном Карабахе.

Пусть упаду седой горе на грудь,
Но солнце вспыхнет огненным раструбом,
И кто-то вновь продолжит этот путь,
Цепляясь за уступы ледорубом.

НИКОЛАЙ ЕВСТИФЕЕВ

ЛИНИЯ СВЯЗИ

Люблю вращенье номерного диска,
и таксофон, такой простой на вид,
и то, как в поздний час телефонистка:
«Соединяю!» — людям говорит.

И женский голос, радостный и дальний,
звучит сквозь все насыщенные дела.
Становится в наш век исповедальной
прозрачная кабинка из стекла.

Но помнятся — и поле под обстрелом,
и мертвые солдаты у высот,

и черный снег, где в маскхалате белом
связист с катушкой провода ползет.

И помню школьный сад, где меж черешен,
всем деревенским жителям на страх,
учитель был фашистами повешен
на черных телефонных проводах.

Безумный мир тоскует по покою!
Я тороплю рассветную зарю
и, как телефонистка, над строкою:
«Соединяю!» — людям говорю.

БУМАГА

Деревья не напрасно умирали!
Диспетчеры отправить их спешат —
по железнодорожной магистрали —
из леса на бумажный комбинат.
А там простые люди, а не маги!
И нет ни добрых фей, ни злых принцесс.
Но все-таки рождение бумаги —
таинственный и сказочный процесс.

Бумагу, вроде длинных полотенец,
машина сквозь сушильню пронесла.
И вот рулон спеленат, как младенец.
Он чист, не знает ни добра, ни зла.
Мальчишка с книгой будет спать в обнимку.
Студент получит новенький диплом.
А сукин сын напишет анонимку.
Но это все произойдет потом.

Сейчас я рад смотреть, как лесорубы
среди лесов работают в снегу.
Пусть их ладони от мозолей грубы,
но о душе так думать не могу.
Бумагу люди делают для блага.
И горе тем, кто так и не поймет,
что в наше время гладкая бумага
способна убивать, как пулемет!

ВЛАДИМИР ЗОТОВ

ПОСЛЕ БОЯ

Упала навзничь тишина,
В изнеможеньи еле дышит.
Дневной пальбой оглушена,
Она сама себя не слышит.

Сраженья шум, слабея, смолк.
Стенанья поля стали глуше.
Не слышен пуль колючий щелк
И гул тупой осиплых пушек.

Идет народ-герой
под звездные знамена!...
Наш красный воин
с Гитлера сорвет
Украденный сюртук Наполеона.

Четвертый день войны.

«На страже Родины» помещает стихи Всеволода Азарова, В. Саянова, а также А. Прокофьева — в сатирической рубрике «Прямой наводкой». Эта рубрика повторяется затем из номера в номер. В газете флота — стихи военкоров В. Скрылева и Д. Синецкого.

Июнь, 26-е...

Стихотворение Всеволода Рождественского «Горе извергам» печатает «На страже Родины». «Красный Балтийский флот» выходит со стихами Ю. Инге («Гибель пирата») и В. Скрылева.

Армейская газета печатает 27 июня новое стихотворение Н. Тихонова «Воздушный патруль»: «Патрульная птица выходит из облака, ей радостно видеть с высот: внизу под крылом, средь простора глубокого, наш город могучий встает».

«Ленинградская правда» в этот же день публикует стихи Вс. Рождественского, «Смена» — походную «Песню добровольцев» А. Гитовича, В. Лифшица, А. Чивилихина и стихотворение В. Курганова «Родина зовет». В газете Балтийского флота напечатаны стихи Ю. Инге («Слава зенитчикам») и только что появившаяся «Священная война» Вас. Лебедева-Кумача.

Наступает 28-е... Уже неделя, как идет война, близится к Ленинграду. Но вера в нашу победу — все крепче. В газете военного округа В. Саянов снова обращается к славному прошлому нашей Родины («Мы помним»): «...Нам время памятно такое, когда от нашей полосы назад за озеро Чудское ливонские удрали псы».

В «Смене» — стихотворение Павла Калининичева «Вперед!»: «И слов таких нам не найти, чтоб грозный гнев вместить. Отныне танкам речь вести, орудьям говорить. Заговорят клинок и штык, моторов грозный гул — затем, что их стальной язык понятнее врагу...» «На страже Родины» печатает «Гадам жарко — нам не жалко» А. Прокофьева — убийственную антифашистскую издевку.

Стихотворение Вс. Рождественского «Чайки», напечатанное в «Ленинградской правде» на следующий день, 29 июня, перекликается с тихоновским «Воздушным патрулем»:

Дышит солнечным простором, просыпаясь, Ленинград,
Над серебряным заливом чайки легкие скользят.
Чайки — птицы боевые, самолеты в синеве,
Охраняющие зорко славный город на Неве...

Высоко они на солнце отливают серебром,
Для врага в когтях зажатых держат молнию и гром.
И идут неудержимо треугольником стальным,
Как иглою прошивая облаков летучий дым.

А внизу у волн залива дышит город трудовой,
Жизнь его бежит по венам неустанною струей,
И в цехах, всегда бессонных, над простором невших вод
Бьется ленинское сердце, воля Кирова живет...

В тот же день в «Ленинградской правде» А. Решетов, один из участников войны на Карельском перешейке, напоминает о славе совсем

недавней победы («Мы здесь!»): «Гляди на развалины дотов, над ними деревья шумят, — о доблести наших походов, о славе они говорят...»

«Красный Балтийский флот» 29 июня печатает «Морских охотников» Ю. Инге. «На страже Родины» — патриотическое стихотворение Петра Ойфы.

...Последний день июня — 30-е. Стихи только в газете военного округа. Б. Лихарев рассказывает о новой встрече с бойцами-однопольчанами («Встреча»). Здесь же стихотворение А. Решетова («Хлопец знает свое дело...»).

1 июля — в «Смене» стихотворение А. Старосельского («Прими наш труд, страна...»).

2 июля в «Смене» — «Отец и сын» В. Курганова. В газете Балтфлота печатают стихи В. Скрылев и Н. Флеров.

В номере «Красного Балтийского флота» от 3 июля — сразу четыре стихотворения: Вас. Лебедева-Кумача, Вс. Азарова, В. Винникова, Н. Оппенгейма. С поразительной свежестью и силой звучат строки Владимира Маяковского, взятые в этот день «Ленинградской правдой» в виде аншлага:

Во всех
 уголках
 земного шара
Рабочий лозунг
 будь таков:
Разговаривай
 с фашистами
 языком пожаров,
Словами пуль,
 остротами штыков.

Стихотворение «На смерть рази врага» помещает 3 июля в газете «На страже Родины» А. Решетов.

На следующий день, 4-го, — в «Ленинградской правде» большое стихотворение Ильи Садофьева («Славный город Ленинград»). В газете флота — стихи Вс. Азарова, А. Тарасенкова, младшего командира Н. Тихомирова.

5 июля — снова обильный поэтический «урожай». В «Смене» выступает Ольга Берггольц со стихотворением «Комсомольцу-кировцу»:

Товарищ юный, храбрый и веселый!
Тебя зовет великая война.
Так будь же верен стягу комсомола
И двум его прекрасным орденам.

... В родном цеху, в густом дыму позиций —
Где б ни был ты,
 куда б ты ни пошел,
Не забывай торжественных традиций, —
На них окреп и вырос комсомол.

И главная — незыблемая верность
Непобедимой партии своей.
На первый зов ее, на самый первый, —
Вперед — за ней, всегда вперед — за ней! ..

В «Красном Балтийском флоте» помещены стихи Вс. Азарова, Ю. Инге и А. Шкильта. «На страже Родины» печатает стихотворения А. Прокофьева и Б. Лихарева, «Ленинградская правда» — Н. Верховского.

Их рассказов не переслушать,
Маловато стоим — тужу.
Я пермяк,
Я солены уши,
Ленинградцам перевозжу.

Говор цокает,
шелестит,
В родниковой воде настоян.
Это он путь-дорогу строил,
Мы же только кой-где мостим.

ПОЛИНА КАГАНОВА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ САЛЮТ

Как это было, если спросят,
То я отвечу — было так:
Взвилась ракет цветная россыпь
И разорвала долгий мрак.

И вмиг на площади Дворцовой
Январский кончился мороз,
И жены, матери и вдовы
Впервые не скрывали слез.

И голубым огнем и красным
Была Нева озарена,

И становилась неопасной
Опять любая сторона!

А мальчуган, в войну рожденный,
Впервые видевший салют,
Кричал по-детски восхищенно:
«Победа! Гитлеру капут!..»

Я утверждать сегодня смею,
Что в этот час, в тот дальний год,
Был весь медалями усеян
Мой ленинградский небосвод!

• • •

Я стол накрою на двоих.
Вино поставлю. Два бокала...
Прости, что я друзей твоих
Сегодня в гости не позвала.

На окнах шторы опущу,
И над столом торшер засветит,
И о тебе так загрущу,
Как никогда никто на свете.

И полевых цветов букет
Увянет в вазочке настенной,
Где столько лет висит портрет.
Твой. Тот. Последний. Довоенный.

И ты не чокнешься со мной,
И ты вино не выпьешь залпом,
И я как будто за спиной
Войны все время слышу залпы.

ОЛЕГ КАДЖИН

БУКСИР

Суровую зиму до срока
Проспал он по пояс в снегу,
На пять деревянных кильблоков
Поставленный на берегу.
Но вот уже, буйствуя, смяла
Ледовую толщу река.
Пора и ему от причала,
Размять на волненьи бока.

Да вы не смотрите, что мал он,
Что танкер с ним рядом — гора.
Как будто детей, от причала
Он в море ведет танкера.
Выводит он в море громадных,
Нева для которых узка,
И трос его, скрученный ладно,
Как взрослого друга рука.

• • •

Краны, краны-великаны.
Вдоль высоких стапелей
Ходят краны,
Носят краны
Части новых кораблей:
Трубы, мачты
 выше зданий
Осторожные несут,
Как живые марсиане,

Только их стихия — труд.
Высота какая — жутко.
Кран — как будто к тучам мост.
Над землей в стеклянной будке
У огромных кранов мозг.
Этот мозг сидит в спечовке,
Смотрит вниз во все глаза,
И цветной косынкой ловко
Перевязана коса.

• • •

Неве зимою ледаколы
Уснуть спокойно не дают.
И стапелей громовый голос,
И цеховых пролетов труд.
Здесь вместо набережных пирсы
Или пороги стапелей.

Здесь только что корабль родился,
Стальным бортом прижался к ней.
И все такая ж молодая,
Ледовой коркою хрустя,
Нева, как мать, не спит, качая
Свое железное дитя.

БОРИС КАУРОВ

ДОБРОТА

Н. Д. Фомичеву

То марш, то бой в пустыне голой.
Ни облачка над головой.
Под знойным небом Халхин-Гола
Давно мы встретились с тобой.

Я был тогда еще «салагой»,
Иль — что обидней — «котелком».
И ты учил меня: отвага
Дается в битвах нелегко.

Ты был со мной и строг, и ласков,
Ты жить мне помогал тогда.
Жила в душе твоей солдатской
Высокой меры доброта.

Была дорога наша трудной.
Была судьба у нас крута.

И я тогда не знал: откуда
Берется в людях доброта?

И было некогда мне, кстати,
Задумываться в бою.
Но вот я встретил тетю Катю —
Старушку добрую твою.

Живя у вас там, на Мещанской,
Я понял с ясностью тогда:
От русской женщины рязанской
В сердца вливалась доброта.

Исток у нашей жизни — вечный,
Не будет он никем забыт:
На доброте своей сердечной
Россия испокон стоит.

РУБЯТ ДОМ

Рубят дом.
Из ровных гулких бревен,
С горницей, глядящей на восход.
Добрались уже почти до кровли,
Высоко — аж ветер кенку рвет.

Положив под матицу монеты,
Чтобы счастье долго жило тут,
Рубят дом, многооконный, светлый,
Кругляши на мягкий мох кладут.

Мастер ходит важно и степенно.
Что ж, ведь это под его рукой
Ввысь растет добротный пятистенок,
Пахнущий зеленою тайгой.

И считая, видно, правом личным
Выбирать себе по вкусу жизнь,
Голуби вселились за наличник
И своим хозяйством занялись.

БРОНИСЛАВ КЕЖУН

• • •

В тучах скрылись звезды ночи —
Мириады звезд,
И луна занять не хочет
Свой высокий пост.

Только плавки из мартенов,
Словно блеск зари,
Огоньки телеантенны,
Луны-фонари.

Здесь, где майскими ночами
Свищут соловьи,
Где морской простор венчает
Улицы твои,

Я иду порой не ранней
Городом родным...
Вижу: рой воспоминаний
Кружится над ним.

Вижу выбоины в камне,
Надпись на стене:
Это — горестная память
О былой войне.

В белой изморози стены,
Город пуст и мглист...
Что он слышит?
Вой сирены
И снарядов свист!

Было все — и голод лютый,
Было много бед...

Были залпы и салюты
В честь твоих побед!

Шли в шинелях и в бушлатах, —
Горю не бывать!
Шли матросы из Кронштадта
Зимний штурмовать.

У костра, браток, погрейся:
В тучах — небеса!
Шли бойцы-красногвардейцы —
Питера краса.

Шли сыны семьи не царской —
Родины сыны:
Дети Нарвской
Пролетарской
Дымной стороны.

Что в дороге небывалой
Ждет их впереди?
Каждый малый —
С ярко-алой
Лентой на груди!

Я иду порой не ранней
Городом родным.
Длинный рой воспоминаний
Кружится над ним.

Ни луны, ни звезд туманных, —
Спит мой Ленинград,
Только на порталных кранах
Звездочки горят.

ОВИДИЙ

Я был в Констанце,
где крики чаек
и гул гудков...

Я помню вышки
портальных кранов
и маяков.

Когда от рейда
мы уходили
сквозь темноту,
Вдали горели
ее алмазы —
огни в порту.
Я помню зелень
садов приморских
и синь воды...
Там жил Овидий!..
Там я увидел
его следы.
Я помню площадь,
сквер и деревья
с густой листвой —
И он, печальный,
на пьедестале —
навек живой.
Он смотрит грустно,
как будто видит
судьбу свою:
Здесь, если пел он,
он пел тоскуя
в чужом краю!
Чужие земли,
чужие песни,
чужой народ,
Чужие волны,
чужие звезды
и небосвод!..

А дух поэта —
как белый парус
на корабле,
Как вольный парус,
всегда стремится
к родной земле.
Нет счастья выше —
иного в жизни
я не приму:
Петь песни-думы
об отчем доме
в родном дому!
Нет счастья выше —
в краю родимом
найти покой...
Поэт-изгнанник —
Судьба, не дай мне
судьбы такой!
Я видел камень,
мне говорили
слова на нем:
«Под этим камнем
Назон Овидий
спит вечным сном!
И если, путник,
хоть раз любил ты,
вдаль не спеши:
Остановись здесь
ради покоя
его души!»

ПЕТР КОБРАКОВ

В ЛЕСНОМ ПОСЕЛКЕ

Над лесом — небо невысокое,
Подмерзла в выбоинах грязь.
Прошла машина одинокая,
Прошла, куда-то торопясь.
И — тишина.

Все словно вымерло.
Но праздник праздником — везде.
Меня к поселку
Песня вывела:
Иду по белой борозде.

Скольжу ногами, будто лыжами,
В стволе ружейном
Цел заряд.
В поселке
С соснами над крышами
Дымки повытянулись в ряд.
Все люди тут —
Родня мне близкая.
Здесь, где душа к природе льнет,
Друзей недобрых зависть низкая
Меня хулой не укольнет.

И рад я
Празднику артельному,
Где будут брага и блины,
Где смотрит Ленин по-семейному
С оштукатуренной стены...
Иду.
И неба край погодится,
Уходят тучи не спеша.
И отдыхает и готовится
К высоким помыслам душа.

• • •

Держу тебя
Невидимыми нитями,
Любовь моя,
Мой запоздалый друг.
Какими ты захлестнута открытьями?
Друзья какие новые вокруг?

Ты чем-то схожа
С рощею осеннею,
Когда она
Вся светится, горит
И кажется всем
Красу свою последнюю,

Спеша ее достойно
Подарить.

Лицом к лицу
Стоишь перед событиями,
И я, за твой
За каждый шаг
Боясь,
Держу тебя
Невидимыми нитями,
Не ведая,
Прочна ли эта связь.

МАРИЯ КОМИССАРОВА

• • •

Я каждый день мой взвешу на весах,
Не заслону его лукавой тенью,
Не обозначу нерадивой ленью,
А подниму, как солнце, на руках.

Звени, мой день!
Твой синий огонек
Плывет,
Зовет
И жить мне помогает,
Как поля материнского цветок,
Что светит мне и сам того не знает.

• • •

Меняет что ни день свое лицо
И сад, и лес,
И вся в красе природа,
И в новый круг вступает время года
И в каждый ствол кладет свое кольцо.
Мне жаль незавершенных летних дней,
Счастливых радуг,
Встреч,
Дорог разлуки.
Все отступило в краски,
В жесты,
В звуки,
В листву берез,
В дыханье тополей.

По сердцу, как по шпалам, время гонит
Все, чем живу, —
И радость и печаль,
Летающие и в грохоте, и в звоне
Все дни мои, —
Мне их до боли жаль.

И утверждает время бег минуты,
Наслаивая мудро пласт на пласт.
Оно —
Я в это верю почему-то —
В родном краю
И мне прописку даст.

• • •

И вновь декабрьский медленный снежок
Под Новый год запорошит дороги.
В любой снежинке вспыхнет огонек,
Погасит прошлогодние тревоги.

И новые объявятся дела,
Светлее станут дни
И небо выше.
Метелей загудят колокола,
Закружит вихрь девчонок и мальчишек.

Пусть уснут усталые поля,
Заботливо укрытые снегами,
Покуда непробудно спит земля
И реки спят в обнимку с берегами.

Наш календарь декабрь сведет на нет,
Закончит счета,

Подведет итоги.
И рухнет старый год, как древний дед,
И новый в полночь встанет на пороге.

И спросим мы, дыханье затая,
Какие он подарки нам подарит, —
Помолодит?
Обрадует?
Состарит?
Наверно, мы волнуемся не зря

За те мгновения, когда страна
Поднимет чашу доброго вина
За счастье года,
За его рождение,
За мир на всей земле,
За утверждение,
Что нам всего нужнее тишина.

НИНА КОРОЛЕВА

• • •

Мадлене Фортунеску

Молодого румынского напьюсь вина,
В уголке машины притаюсь, какмышь,
И опять в окошке, от зари дотемна,
Трансильванский очерк черепичных крыш.

Я на древнюю крепость, как турист, взгляну,
И куплю открытку, и сниму кино,
И покоя горного глотну-глотну, —
Не дано покоя мне давным-давно.

Не такие церкви на Руси моей,
У моих повозок непокрытый верх,
Только помню с детства я таких коней,
Знаю горы, одетые в овечий мех.

Я далекой родине своей верна.
Не нужна тропинка мне к чужой реке.
Но слепыми окнами блеснет страна —
Драгоценный камень на чужой руке. . .

И когда румынка о своей судьбе
Мне расскажет, слезы задержав в очах,
Я увижу в зеркале, в самой себе,
Так же скупю горящий мой семейный очаг.

В целом мире, наверное, любовь одна.
Как похожи наши и печаль, и смех, —
Только родина каждому своя дана,
Родина — земля, что прекрасней всех.

• • •

Осетия, страна цветов и гор,
Ведущая на пастбища отары
Своих овец. . . Как эти горы стары,
Как молод гидростанций разговор
В седых горах, — и как долга дорога,

Которую, как до вершины бога,
Замедленно проходят чабаны. . .
Толпятся овцы, дышат волкодавы,
На пастбище, поспешно спеют травы,
И в тучах ледники уже видны.

И я касаюсь этой красоты,
Где под камнями братские могилы
Твоей войны. Я занимаю силы
У осетинок, чтобы выжил ты.
У вдов-горянок слезы я беру, —
Девчонка, опоздавшая родиться,
Девчонка, опоздавшая молиться,
Чтоб выжил ты в Синявинском бору...

В горах целует женщина меня;
Царапая морщинами своими.
А я еще твое не знаю имя,
Еще твои пути, тебя храня,
Волною до меня не докатились,
И только вдовы черные молились
Уже, чтобы ты дожил до меня.

РОЗА КРАСИЛЬЩИКОВА

• • •

Стихи как дети.
Что есть милей?
Вот, погляди на моих детей.

Тебе не вредно их приласкать,
как это делать умеет мать.

Стихи, как птицы,
живут в гнезде,
пока наступит им срок лететь.

Срок наступает —
и наконец
он покидает гнездо, птенец.

Он улетает
куда-то вдаль,
мне оставляет мою печаль.

И ты приходишь
тогда в мой дом,
мы за полетом следим вдвоем...

Ты мне читаешь
свои стихи
про звездный сумрак в тиши ольхи.

Ко мне приводишь
своих детей, —
на свете нет ничего милей!

Я не могу их
не приласкать,
они ведь дети, а я ведь — мать!

АНАТОЛИЙ КРАСНОВ

• • •

Чтоб возникло в душе отраженье
Мира, будь он велик или мал,
Важно вечное перемещенье
Всех ее потаенных зеркал.

Отрешась от привычных заклятий,
Ты от худшей беды поспеши:
Одноликость земных восприятий —
Это крайняя немощь души.

Пусть раскованность мысли и чувства
Отмечает твое бытие,
В этом, может быть, сущность искусства...
Или только намек на нее?

• • •

Часто цитируют Чехова
Известное изречение,
Рекомендуя для всех его
Правилом без исключения.

Глупо играть педанта,
Стиль — это дело личное,
Краткость — сестра таланта,
Но при его наличии.

• • •

Остывает моя голова,
Но ничто не считаю напрасным,
И любви молодые слова
Никогда на земле не погаснут.
Может быть, я свое отлюбил,
Но и даже прощаясь навеки,
Я хочу, чтобы вечно он бил,
Этот добрый родник в человеке.

ВИКТОР КРУГЛОВ

• • •

На руках — бугристые жилы,
Потому что мы трудно жили.

Потому что вставали рано
И не прятали рук в перчатки —
В ледяном, обалделом буране
Разбивали чумы-палатки.
И в ладонях, как пемза

грубых,
Сохраняли огонь самокруток.
И от стужи трескались губы,
От цинги выпадали зубы,
И бывало нам не до шуток.

На руках — бугристые жилы,
Потому что мы трудно жили.

Не пальто, а короткий ватник
Мы, без моды, носить привыкали.
Помнишь, друг, боевой соратник,
Мы окольных путей не искали.
Не искали, когда в семнадцать
Начинали свой путь в шинели.
Мы к земле лишь можем склоняться,
Кровь земли в нашем крепком теле.

На руках — бугристые жилы,
Потому что мы
правильно жили!

АРКАДИЙ КРУКОВСКИЙ

• • •

Вновь меня тревожат сроки,
Те, что жизнь мне отвела, —
Незаконченные строки,
Несвершенные дела.

Мне успеть бы расплатиться
Добротой за доброту —
Мне собрать бы по крупичкам
Всю земную красоту

На полях, залитых светом,
И в тени лесной глуши;
Мне собрать бы самоцветы
Человеческой души!

И отдать богатства эти
Тем, кто, в сутолоке дел,
Грусти ивы не заметил,
Радость жизни проглядел.

ВИКТОР КРУТЕЦКИЙ

В ПУЛКОВО

Тут следят за Марсом, за Венерой,
О далеких звездах говорят,
А неподалеку,
В центре сквера,
Звезды наши, кровные, горят.
Только вряд ли стало бы так близко
До полета к сказочным мирам,
Если б с молчаливых обелисков
Не светили
Эти звезды нам.

• • •

Эта песня о маме,
В ней и радость и грусть,
И наш дом, потонувший в тумане,
Дом, в который не скоро вернусь.

Сто дорог разлетаются в дали,
И у мамы от вечных разлук
Свили гнезда в глазах сто печалей,
Разбросав сто морщинок вокруг.

И глаза ее странными стали,
Но теперь верю я все сильнее,
Что глаза богородиц писали
С глаз таких, как у мамы моей.

И в дорогах все чаще мне снится,
Как бы жизнь ни была весела,
Аист мой — одинокая птица,
Что меня в этот мир принесла.

ВЯЧЕСЛАВ КУЗНЕЦОВ

ДОМ

Переезд — как наважденье:
и гоморра и содом! ..
Не забавно ль? ..
 В день рожденья
я въезжаю в этот дом.

Сколько чувств и мыслей разных!
Поздравляют:
 — Будь здоров! .. —
А навстречу —
 вот так праздник! —
из подъезда —
свежий гроб.

Я — жилец,
а тут — покойник.
Слышу горькие слова.
Поясняют мне:
 «Полковник...
А девчонка-то
 вдова...»

Что же я? ..
 Утешить нечем.
На такое —
 нет суда.
Вся-то жизнь как чет и нечет:
кто — отсюда,
кто — сюда...

... Вот сижу, как на вокзале,
и покоя нет как нет.
Мне ведь тоже не сказали,
мой —
 докуда он? .. —
 билет.

Жизнь — такая,
 без заминки, —
лишь бы к новым берегам...
Справа за стеной —
 поминки.
Слева — свадьба.
 Шум и гам.

Вот и пробуй быть в ответе,
как хотелось бы, —
 за всех.

Сам-то
 на каком ты свете? ..
Справа — плач,
 а слева — смех.

Что тут скажешь? ..
 Наважденье!

Разом свадьба
и — погост...
Пере-ехал! ..
 В день рожденья!
Так за что
 поднимем тост? ..

... Дом стоит подобьем сфинкса.
Цоколь хладен, как металл.
Этот дом со многим свыкся,
он не то еще видал.

Голодал,
бывал простужен,
видел скорбь
и радость слез.
Был и ранен, и контужен, —
он блокаду перенес.

Быль и боль десятилетий
по нему прошли, как тень...
День рождения,
 день смерти —
для него все тот же день.

Здесь рожали,
 хоронили, —
ну, а он
все шел, как бриг...
... Что ж?
За жизнь и смерть тут пили.
За бессмертие,
 старик!

ЕЛЕНА КУМΠΑН

ДЕРЕВЬЯ ПОД ДОЖДЕМ

...И мокрых щек
я не стыжусь, мне нравится,
когда не справиться с плащом,
с косым дождем не справиться.

Дождинки неуверенно
за шиворот стекают.
От дерева до дерева
иду — стволы считаю.

Какое мне поклонится,
какое вдруг обрадуется,

зашепчется, опомнится,
проводит до парадной.

— Прощай, — киваю городу, —
погодушка, прощай!
Хлестни на память воротом
мокрого плаща.

И не ходи за мной потом,
за дверью не плачь.
Мне вытрут щеки платком
и снимут плащ.

ПАВЕЛ КУСТОВ

В РАЗВЕДКЕ

Я не бывал в плену у белых,
Не подвергался шомполам.
Но шастал три недели целых
По бесконечным их тылам.

Был смысл прямой в моем шатанье,
Хоть с местом не был я знаком,
Поскольку важное задание
Мне комсомольский дал уком.

О, эти страшных три недели,
Мне не забыть их никогда!
Они то вихрями летели,
То ковыляли, как года.

Парнишкой будучи не рослым,
Торчал в соборных я дверях,

Ходил по рынку водоносом,
Был у слепцов в поводырях.

Враг оголтелый — вот он, близок!
И ты всему веди учет
Без узелков и без записок,
Придумав свой и шифр и код.

Я у походных кухонь п'ялся.
Просился к дядькам на возах.
И от погонов и лампасов
Рябило к вечеру в глазах.

Когда ж в уком собственноручно
Я сдал отчет в последний раз,
Мне стало вдруг так скучно-скучно:
Опять учиться, — в тот же класс!

ТАК ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ РАСПАЛСЯ...

Не совратитель и не вор я,
Но как-то в красный уголок
Из монастырского подворья
Монашек юных приволок.

Они, укутанные в шали,
Чтобы никто не мог узнать,
Как овцы в непогодь дрожали
И все пытались убежать.

Здесь было все им незнакомо.
Оркестр пиликал за стеной.
И Оська, секретарь укома,
Мог показаться сатаной.

Был с головы до пят он в коже.
С башкой обритой, словно пень,
И колыт, на адов ключ похожий.
Засунут лихо за ремень.

Сердечко девичье ходило,
Как у плененного дичка.
Сюда бы дьякона с кадилом
Или с кропильницей дьячка.

Но девки шли по доброй воле
Не для греховных тайных встреч,
А чтоб впервой о комсомоле
Секретаря услышать речь.

И, на столе портфель подбросив,
Глаз не сводя с монашских лиц,
Наш записной трибун Иосиф
Стал агитировать девиц.

Мирскую речью упиваться —
Не то что слушать бред святых.
И стал румянец пробиваться
На этих щечках молодых.

Сердца открытые — не камень.
Сошли с монашек сонь и лень.
Они являться стали сами
На третий и на пятый день.

Хватились старшие, да поздно —
Стал монастырь и пуст и тих.
Сошлись под флагом красноезвездным
Былые послушницы их.

И поп без служб совсем заспался.
И скучно стало, как в скиту.
Так женский монастырь распался
В двадцатом, помнится, году!

• • •

Как человек уже на склоне,
Не всем я почести воздам,
Кто крошки хлебные с ладони
Дает синицам и дроздам.

Они, за живность став горою,
Спешат в живые уголки,
А сами ближнему порою
Завалы ставят и силки.

Как не рядится лицемерье!
Ты похвалы на тех не трать,
Кто, воробью расправив перья,
Спешит соседа ободрать.

Они проходят по аллее,
Кормя то белочек, то птиц,
И капли жирного елея
Стекают с их довольных лиц.

Как дяди добрые из сказки,
Идут, любезно избочась.
А мне два слова:
«Скиньте маски!» —
Им крикнуть хочется подчас.

НИКОЛАЙ КУТОВ

• • •

В селеньи звуки людям не мешают,
они друг друга здесь не заглушают,
отчетливо я слышу каждый звук:
я слышу санок плавное движенье,
и петуха соседского хрипенье,
и маятника торопливый стук.

Порхает пар у ледяного сруба,
комочки дыма выпускают трубы,
как фокусник синиц из рукава.
Они летят, друг друга догоняя,
над огородом, тушею сарая
и двориком, где сложены дрова.

И темнота в деревне наступает,
она густою краской прилипает
к оконным рамам и ветвям осин.
Из леса ветер вырвался на волю
и, словно костерок в холодном поле,
искринки звезд раздул и погасил.

В избе еще не зажигали света,
и вкусно пахнет разнотравьем лета
в бидоне запотевшем молоко.
Хозяйка режет полушарье хлеба,
тяжелое и черное, как небо,
и ставит самовар на стол легко.

И сахарница-утка рафинадом
наполнилась, и с нею чашки рядом
на скатерти круглят свои бока,
и налитушки желтым блещут глянцем,
их тесто с легким, розовым румянцем,
как будто на закате облака.

Находит дрема, тяжелеют веки,
и я как будто в дальнем, прошлом веке;
летит метель, цепляясь за углы,
и самовар насвистывает песни,
но слышится, как новой жизни вестник,
гул поднебесный из туманной мглы.

И над избою, что стоит в сугробах,
где чай мы пьем с хозяйкой белобровой,
косые крылья в воздухе несет
от южных пляжей к северным долинам.
к лесам еще не вырубленным, длинный,
стоместный, реактивный самолет.

Зевая, спать идет на печь хозяйка,
мне говоря: — Ты двери запирай-ко! —
Садится снег на темное крыльцо,
огни перекликаются с огнями,
как петухи с другими петухами,
чернеет ночи строгое лицо.

Вот я лежу на узкой раскладушке
в избе промерзшей у лесной опушки,
друзей я вспоминаю в поздний час
и думаю: не много их осталось,
виной тому не водка и не старость —
иные беды разлучили нас.

Я думаю, чем кончится двадцатый
тревожный век, событиями богатый...
За изгородь цепляется пурга,
летит, седые оставляя клочья,
похожие на клочья шерсти волчьей,
и высоко взвиваются снега.

АЛЕКСАНДР КУЩНЕР

• • •

Художник вещь на полотне
Искусно так преобразует,
Что страшно делается мне:
Останься с ней наедине —
Она печаль твою раздует.

Полузаплывшая свеча
Иль голубой конверт почтовый
С нашлепкой желтой сургуча, —

И снова жжется, горяча,
Жизнь с подоплекой бестолковой.

Нет, нет, не надо, не хочу
Ее смертельного сумбура.
И так любви не залечу!
Рви свой конверт! Гаси свечу!
Гори огнем твоя натура!

• • •

Сложила крылья бабочка, пропала!
Багровое померкло опахало.
Тускнеет жизнь без яркого пятна,
Как если бы любви моей не стало.
Нет, только притаилась. Здесь она!

Притворщица! Угрюмая с испода,
Нахмурилась, притихла, как погода,
Отчаялась, застыла. Жалкий вид!
Но кажется, опять блеснуло что-то?
Ах, вот она! Очнулась и летит!

• • •

Безлюдно. Морозно.
Туманно.
Как чудно! Как поздно!
Как странно!

Как будто
есть кто-то и виден,
но смутно,
так с тучами слитен.

Как страшно
от ветра и хруста!

И влажно!
И щедро! И пусто!

Каких
нам еще доказательств
его роковых
замешательств?

Он дует
то слепо, то слабо,
бинтует
то слева, то справа.

Как быть?
Мы спросить его вправе:
любить?
Или думать о славе?

Влечение
к успеху прямому —
стремленье
к ореху пустому.

А смех ее,
шапка и шубка —
какой же орех?
Лишь скорлупка.

И счастье
не в этом, не в этом.
Все чаще
он медлит с ответом.

ВЯЧЕСЛАВ ЛЕЙКИН

• • •

Забыла мать про олененка,
и он, привыкший к жизни стадной,
бежал за нами — рыжий, тонкий
и замечательно нескладный.

Догнал, уразумел ошибку
и в лес рванулся в диком темпе. . .

Я с чувством прожевал улыбку:
— Смотри-ка, натуральный Бемби. . .

Товарищ мой слегка помялся,
потом сказал в большом волнении:
— Очаровательное мясо
у годовалого оленя.

КОМАРИНОЕ

Комары озверели, миллионным роем
оглашая палатку ужасным воем,
впивались в лучшие части тела.
Комариная тема — главная тема.
Кто-то сказал, что в среде комаров
только самки кусают и пьют нашу кровь.
Только самки. . .
Скребя по распухшей внешности,
я вспомнил тебя, но уже без нежности.

ЮРИЙ ЛЮБА

МИНУТА

Памяти Ю. Гагарина и В. Серегина

Минута молчанья,
а длилась, как вечность.
Без слез, без звучанья
речей бесконечных.

Минута молчанья
без траурных маршей
больней и печальней
всех песен о павших.

Минута молчанья
прошла по планете

всей скорбью прощанья,
дорогой в бессмертье.

Минута молчанья
притихшего мира
слышнее рыданий
людей и эфира.

Минута молчанья,
но слава — навечно.
Их гибель случайна,
а жизнь бесконечна!

АНДРЕЙ ЛЯДОВ

• • •

А. Р.

А что она такое — простота?
Ответить все труднее год от года.
Стальная геометрия моста
над буйным беспорядком ледохода?

Луна над полем? Чайка над волной?
Степной курган под скифским

истуканом?
А может — круглый, теплый хлеб ржаной
на чистом полотенце домотканом?

А может, эта веточка проста,
что обвила печально и сурово

некрашеное дерево креста
на кладбище лесном под Комарово?

Идем. Горят миры в твоей руке —
дымок от сигареты вьется следом...
Вот формула Эйнштейна на песке
начертана каким-то Архимедом...

Зальют ее дожди, растопчет град,
слизнет язык сердитого норд-оста,
и все же: E равно $Эм$ - $Це$ квадрат.
Не правда ли, дружище, как все просто!

Постарел, поседел я.
Устал от житейской мороки.
Отбренчал на гитаре.
Отплавал свое и в морях, и в гульбе.
И не жаль,
что уже написал свои лучшие строки,
жаль, что все — не тебе,
не тебе, не тебе, не тебе!

Я закрою глаза —
а твой все не гаснут, прозрачны и строги.
Я раскрою окно —
ночь дыханьем твоим прикасается к листьям в саду...
Жду свиданья с тобой,
как отбоя воздушной тревоги,
а разлуки с тобой —
как пожизненной каторги жду.

Все уж, кажется, сказано в мире об этом,
написано, спето...
Ты глядишь на меня
со страниц и холстов,
и из бронзы литья,
в Эрмитаже и Лувре живешь,
и во Пскове, и где-то на Виа Венете —
моя Ева, Мария моя,
Ярославна моя.
Нет.
Седой головы не склоню пред судьбой
за какие-то крохи.
Пусть все уже, все тоньше заката горит полоса...
Ни черта!
Я еще напишу свои лучшие строки:
коль ты есть —
значит, в свете бывают еще чудеса,

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

ПАМЯТЬ

На ветру былинка, словно маятник...
Поле Куликово,
Поле-памятник.
Сбросив иго, здесь погибли ратники
За страну березовую, милую.
А потом над полем встали радуги,
Как венки над братскою могилою.

ПОЕДИНОК

— Чудо-юдо семиглавое,
Не мути раздолье рек!
Я стою за дело правое,
Одноглавый человек.
Коль до этого вот камушка
Ты дойдешь по-над ручьем,
Я, по имени Иванушка,
Изрублю тебя мечом!
— Что бахвалишься, двулапотный,
У меня поболее сил —
Сорок войск с мечами, с латами
Меньший брат мой проглотил.
Не хвались к такому случаю,
Как рыжка во хмелю, —

Землю русскую дремучую
Растопчу и раздавлю!

И родился бой у камушка
В повесененном краю —
Чудо-юдо и Иванушка
Пали мертвыми в бою...
Над сегодняшними руслами
Всех ручьев, речушек, рек
Я иду краями русскими,
Одноглавый человек,
Я разглядываю камушки,
Всю траву за пядью пядь —
Мне найти бы меч Иванушки
И клинок поцеловать!

ГУСЛЯРЫ

Древней Русью через рассветы
Шли слепые не на пиры —
Композиторы и поэты,
Гениальные гуслиеры.
Гусли плакали, песни сея,
Нагоняли тоску и боль,
И оборванная Расея
Шла на песню, неся хлеб-соль.

Слыша после бед и мытарства
Правду в песенных голосах,
Зажигали люди бунтарство
В гневных, мужественных сердцах!
И остынет оно едва ли,
Всюду рабства хомут постыл!
...Чтобы зрячие прозревали,
Не жалели слепые сил!

• • •

В луг весенний натекает мгла,
Пряный воздух влажен и глубок.
Из-за леса, как из-за угла,
Высунулся месяц кривобок,
И воркует в тишине ручей...
Над росистым полусном земли
Стебельками тоненьких лучей
Яровые звезды проросли.
А за лугом пусть лесная знает
Спит в берлогах, в норах, в гнездах — пусть!
...Я хотел бы всю Россию знать
Так, как этот вечер, — наизусть.

ВИКТОР МАКСИМОВ

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ ЖАРА...

В Центральной Европе жара.
Жара в сопредельных Европах!
Так тихо должно быть в окопах,
оставленных фронтом вчера...
В Центральной Европе жара!
Европа махнула на пляжи.
Лишь каменных киров миражи
парят в переулках с утра.
Лишь цокот старинный
и пыль
въезжающей в город телеги,
и ратуша —
словно костыль
сморенного пивом калеки.
Не выронит птица пера,
и речка не выдаст волнения...

...В Центральной Европе жара,
отменены увольнения.
И в общем строю повара,

и слушает строй офицера...
В Центральной Европе жара,
накалена атмосфера!
По два часовых на постах,
трехдневный консервами выдан...
...А небо безоблачно так,
как в тридцать седьмом над Мадридом.
А над головой — благодать,
ни тучки в зените,
ни пепла...

И рядом —
снарядом подать —
континентальное пекло!
Там, гений военных балов,
с багровым усердьем на лице,
слюнявит дуду Крысолов,
начальник военной музыки.
Там землю трамбует парад,
там машет платочком Гертруда...

И если имеется ад,
то эта музыка оттуда.
Она, как Европа, стара,
она завершается стоном...

В Центральной Европе жара,
в Европе запахло паленым...
Европа сыта

и пьяна,
отмыта от крови и сажи,
блаженно дымится она
и коричневеет на пляже.

...Европу сморила жара.
Куда ж ты шагаешь,
куда ты?! .

...Сегодня в четыре утра
паек получили солдаты.
И в общем строю повара.
И слушает строй офицера...

В Центральной Европе жара,
накалена атмосфера! . .

НИКОЛАЙ МАЛЫШЕВ

АПРЕЛЬ

Апрель бушевал в Оймяконе,
Снега,
Как косою,
Косил...
Храпели усталые кони,
Вконец выбиваясь из сил.
Мы шли.
Возле листовок синих —
Висела скала над тропой.
В крапаках тяжелых росинок
Она нам казалась рябой.
Она нам живую казалась,

Она к нам стекала сюда
И грив лошадиных касалась
Нечесаной гривой льда.
С вершины дымящейся свесясь,
Сбегая с колючих ветвей,
Бурлила пьянящая свежесть,
Не зная о силе своей.
И горы ледовые слабли,
И холод был нами забыт,
И цокали,
Цокали капли
Под сбивчивый цокот копыт...

НОВЫЙ АДРЕС

У медвежьей
Забывшей зверьем тропы,
Где рассыпалась тишина,
Встал поселок:
Всего четыре избы,

А в избе — четыре окна.
Мы срубили его на лесном плато,
Веря в силу свою и власть,
И назвали Удачным,
Может, за то,
Что работа нам удалась.
Мы оставили в нем частицу тепла,
Засветили стекла огнем,
Мы хотели,
Чтоб всех удача ждала,
Кто потом поселится в нем.
С перевала высококого видя свет,
Уходили мы вдаль, в леса,
Уходили,
Оставив идущим вслед
И жилища,
И адреса!

• • •

В совок крупинки сыплю желтые,
Сушу на дымном костерке.
Подую — звездочки тяжелые
Не шелохнутся на совке.
Шурфами мерзлота исколота,
Но, век стараясь для Руси,
Старатели не любят золото.
Не веришь —
У других спроси.
Не любят золото старатели,
Хоть от рассвета дотемна
Полжизни на него истратили.
А жизнь — немалая цена.
Немалая цена —
Распадками
С лотком неделями бродить,
Таскать сырой песок лопатками
И глыбами ручей прудить.
Идем большие,
Смуглокожие,

Каменья тяжестью дробя.
На древних странников похожие,
Мы не похожи на себя.
Под месяцем,
Для нас засвеченным,
Привычно миновав подъем,
Мы в золотую кассу вечером
Добро намытое сдаем.
Ведь вот — до золота дороемся,
Его желая одного,
Дороемся,
И вдруг торопимся
Освободиться от него.
Как будто нам,
Сумевшим выдюжить
И путь, и стылые ветра,
Пустычной тяжести не выдержать,
Как будто —
Вечность до утра!

ИРИНА МАЛЯРОВА

ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ

ЕЛЬ-ШАТЕР

Мне говорят: срубили ель-шатер.
Она уже настолько одряхла,
Что без труда вошел в сухое тело
На сей раз узаконенный топор.

И память подымается во мне
Приливом. Я и не подозревала,
Что вместе с этой елью зимовала
И вместе просыпалась по весне.

И снег спадал. И, потемневший, таял.
И птицы говорили про любовь.

Я, словно за соломинку, хватаюсь
За елочку, посаженную вновь.

Она еще накапливает соки,
И не одно столетье прошумит,
Зеленою ракетой высокой
Надежно нашу память осветит.

Я знаю: в счастье мне не будет
вериться,
Не будет мне ни славы, ни добра,
Покуда не увижу я преемницу
Колючего зеленого пера.

НА БЕРЕГУ СОРОТИ

Все проще,
Все гораздо проще,
Как даль небес,
Как даль дорог.
И облетающая роща,
И отлетающий дымок...

Я становлюсь впервые зрячей,
Улавливаю каждый луч.
Взгляд по-осеннему прозрачен,
Как воды Сороти текуч.

Оглядываю,
Обнимаю,
Вбираю эти берега.
И я — не рядом,
Я не с краю.
Я — это поле
И стога!

И склон холма,
И лист распластанный,
И ветра свист,
И храп коня...
Я ко всему
Сейчас причастна,
Ничто
Не минуло меня.

И в знак согласия
Сосны клонятся...
И всем канонам
Вопреки,
Я не потомок,
Не поклонница,
Я — капля
Сороти-реки.

У МОГИЛЫ ПУШКИНА

Я не слепец и не монах,
И раньше никогда
Я не была в монастырях,
Но вот пришла сюда.

Равно ни гида, ни попа
Сейчас не надо мне.
Я жду, когда пройдет толпа, —
Побыть наедине.

Не принесла тебе цветы,
Моя ладонь пуста.
Но в сердце — ты,

И только ты.
С крестом и без креста.

Скажи, не громко ли звучат
Вверху колокола?
Не докучает ли подчас
Всеобщая молва?

И не тревожит ли во сне
Калиточный засов?
Я в первый раз наедине,
И не хватает слов.

• • •

Опять поля качаются
За вымытыми стеклами,
Тропинками покатыми
Спускаются к воде. . .

Я снова возвращаюсь к вам,
Мои дорожки теплые,
Потресканные в засуху
И в лужах от дождей.

Пусть корневища старые
Пружинят под подошвами
И лист брусничный лаковый
Вдруг вечностью пахнет. . .

О, дар прикосновения!
Ты самое хорошее,
Что было мною выбрано
Из всех земных щедрот.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

Сколько раз бывало, что, знакомясь с Анатолием Борисовичем, люди изумленно восклицали:

— Вы тот самый Анатолий Мариенгоф?!

И в этом изумленном восклицании — «тот самый!» — было заключено многое: и то, что имя поэта давно известно людям, и то, что имя это годами не появлялось в печати.

Читателю, даже опытному, порой трудно представить себе все сложности писательской биографии.

Мне повезло: я подружился с Анатолием Борисовичем Мариенгофом в начале тридцатых годов. И дружба эта, никогда и ничем не омрачаемая, длилась почти тридцать лет, до дня смерти поэта в 1962 году.

Если бы меня спросили, какая черта характера Мариенгофа была наиболее стойкой и очевидной, я бы не задумываясь ответил: доброжелательство.

Я редко встречал человека, да еще поэта, да еще поэта не слишком легкой судьбы, который относился бы к людям с таким доброжелательством, как Анатолий Мариенгоф. Оно выражалось во всем. В пристальном внимании, с которым он умел и любил слушать людей. В умении прощать. В глубокой деликатности, — он никому, даже друзьям, не навязывал своих переживаний, вызванных иной раз сложными превращениями его литературской жизни. В неослабевающем, остром интересе к творчеству молодых поэтов.

Я никогда не слышал от него ни одного слова брюзжания на молодежь. Брюзжал иногда я. И в ответ на это Анатолий Борисович улыбался своей насмешливой, незлой улыбкой и говорил:

— Ладно, ладно... Припомни-ка себя в этом возрасте! Тоже мне, нашелся судья!..

И еще одна черта была чрезвычайно характерна для него: элегантность. Дело не только в том, с каким изяществом он носил костюм. Мариенгоф был элегантен по самой своей душевной сути. Он всегда был внутренне подобран, ничто в нем не дребезжало.

В последние два-три года своей жизни он тяжело болел. Но я не помню его больным. Даже когда он уже не мог без посторонней помощи подняться с постели, мне все казалось, что этого не может быть, — сейчас он встанет, высокий, стройный, и легко пойдет: его жизненная сила и ироническое отношение к своей хворости заворазжили меня.

Накануне его смерти я приехал к нему в Комарово. Так случилось, что среди людей, оказавшихся в комнате Мариенгофа, был человек, с которым я несколько лет не раскланивался. Ссора наша была неглубокой, но безнадежно затянувшейся. Когда я подошел к постели Анатолия Борисовича и, как всегда, поцеловал его, он произнес что-то неразборчивое. Наклонившись к его губам, я спросил:

— Что ты хочешь, Толечка?

И услышал шепот:

— Дураки... помиритесь...

Глаза его улыбались на мучительно неподвижном лице.

Работал Мариенгоф много. Подвижнически много. Несмотря ни на что. Значительное и интересное литературное наследство осталось после него. Я убежден, что произведения Анатолия Борисовича — мемуары, стихи, пьесы — принесут большую радость читателям.

И. МЕТТЕР

• • •

Выплеснули огонь из кадок.
Мы — рады:
Скачет красногривый
По городам и по деревенькам.

Отмщена казнь Разина Стеньки
И — клок,
Выданный из бороды
Товарища Пугачева.

Скачи по России, конь кумачовый,
Старому миру вилы в бок!
Он ревет горько,
И нам сладко.
Небо ангельское, как чулок

1917

С продранной пяткой.
Дырка здоровая над Европой.
А ну — попытай: дырку заштопай.
Топай, конь кумачовый.
Топай! Топай!

• • •

Дышу, как родиной, тобой.
Нашествие.
Чреда кровавых дней.
В России ржание коней —

1921

Поджарых, длинных, иностранных.
Я выйду в бой
Со словом «Анна! ..».
Дышу, как родиной, тобой.

• • •

Мы катим жизнь,
Как дети обруч тонкий.
Того гляди —
На камушке споткнувшись, упадет.

1924

Что слава?
Мелкая речонка —
Ее мальчишки переходят вброд
Каким-нибудь четверостишьем звонким.

ВОСПОМИНАНИЯ

1

Что жизнь?
Суровое теченье
Широких непреклонных рек.
Ни мужество, ни страсть, ни вдохновенье
Не остановят хладный бег.

Плохая муза желчь и месть
(К чертям сварливые соседки!).
Воспоминаний праздник редкий
Себе устраиваю здесь.

2

Однажды (шел в исход февраль)
Лохматая пурга крутила девять дней.
Ни улиц,
Ни дорог,
Ни площадей.
Была
Пустынный снежный холм Москва.
Но солнце выплеснуло розовую крынку,
И в древнем граде не найти
Одной затерянной снежинки.
Пусть суетная скажет мне молва,
Что ссора меж друзей не такова.

3

Сказать ли мне о том, что миновало,
Что обратилось в пепел, в прах, —
О днях, когда —
Форсировали мы
Вдвоем в одних штанах?
Ах, жизнь воспоминаньями мила!
Подумайте:
При градусе тепла
Нам было как в печи
Под ветхим одеялом.

Тогда Есенин был мне верным другом,
Молва сплетала наши имена.
Но что душа?
Ее, как поле, рвут
Железным зубом плуга
И в рану —
Черные бросают семена.

Вот и поэта сравниваю с пашней:
Любовь — сам-двадцать пять,
А ненависть — трещите закрома!
И тычет в яд перо
Твой нежный друг вчерашний,
И мечет языком грома.

1925

Дышу —
И легкие мне серебрят зола.
Гляжу...
Как тяжело мне сейчас на свете!
Зачем, упрямая ты память, завела
Меня в глухие переулочки эти?

4

Дни юные!
Тогда и я, ей-богу, был хороший.
Твой голос в прошлом мне —
Как из-за речки звон.
Прошло полгода.
Вот —
Шляпу рдьяную
Уже напялил клен,
А липа шлепает обтрепанной калошей.
Не ты ли под окном
Стоишь, мой нежный друг, —
Желтеющей березкой?..
Давно ли — спрашиваю — песней и вином
Встречали ранний день
На тихом Богословском?

«Садись же. Вот стакан.
Гони из сердца стужу.
А вот —
Печеная картошка вся в золе...»
И вновь мы разделили с ним
Тепло и ужин,
Беседы соль и дружбы хлеб.

5

Закат глядит,
Как лось,
Из пихтовых ветвей.
«Измены... девам! Верность — для
друзей».
Таков последний был у нас зарок,
Когда мы перешли через порог
Тех юных дней.

ВОСПОМИНАНИЯ В. СЕРПУХОВОЙ О С. МАРШАКЕ

В архиве покойной В. И. Серпуховой, биолога, автора ряда научных и популярных книг, ученицы и сотрудницы академика Н. И. Вавилова, мы натолкнулись на интересные материалы.

Это были дневниковые записи о встречах с С. Я. Маршаком, письма поэта, заметки к воспоминаниям. К сожалению, воспоминания остались незавершенными.

В. И. Серпухова познакомилась с С. Я. Маршаком через своего брата, ныне профессора, доктора геолого-минералогических наук В. И. Серпухова. Она так описывает первые встречи с поэтом:

«.. Я пришла на Пантелеймоновскую утром. В первый раз одна — без Володи.

Кабинет Маршака.

На стене лебедевский рисунок — голая девушка с гитарой, на рисунке надпись: «Маршачку». Засушенный ирис под стеклом. Самуил Яковлевич сказал:

— Это цветок с могилы моей дочки. Она умерла в Сибири.

— Хорошая была девочка?

(Дурацкий вопрос! И как у меня язык повернулся?)

Простой и грустный ответ:

— Очень хорошая.

Напротив окна — полки с книгами. Книг было много, не так много, как в Москве (московский кабинет Маршака я видела по телевизору).

Самуил Яковлевич спросил у меня, что сейчас, по моему мнению, самое интересное в ботанике. Я рассказала.

— Расскажите мне про свою работу так, как вы рассказали бы человеку, которого вы очень любите.

— Не сумею. Я могу говорить про свою ботанику только с ботаниками.

— Ну, напишите про других. Например: засуха. Гибнут огороды. Ребята спасают их.

— Я не пережила ни одной засухи и никогда не видела, как ребята спасают огороды.

— Ну, напишите про охотников за растениями.

— Я не люблю экзотики.

— Может быть, кто-нибудь из ваших товарищей напишет?

— Хорошо, я поговорю. А вы сами как начинали, Самуил Яковлевич?

— Гимназистом я писал очень длинные стихи — комические или героические.

(Ох, от гимназических стихов до «Деток в клетке» очень длинная дорога! Ведь мы — читатели двадцатых годов — считали «Деток в клетке» литературным дебютом С. Маршака. Нам и в голову не приходило, что он уже много лет писал для взрослых, прежде чем начал сочинять стихи для детей).

Ну, я поговорила с товарищами и принесла Маршаку рассказ одного профессора-биолога о поездке в Америку. А Маршак и про этот рассказ сказал: «Не то. Сперва — «по синим волнам океана», а на суше — по профессору получилось слишком специально».

Неудача за неудачей.

И все же я упрямо продолжала искать в своей ботанике что-нибудь такое же милое, как чарушинские «Олешки».

Раза два я показывала свои сочинения Маршаку, а потом он сказал: — Вы сами свой высший суд (Самуил Яковлевич любил цитировать Пушкина). Сами увидите, когда у вас получится.

Ну что ж — сама так сама.

Больше мы про ботанику никогда не говорили».

Далее — отдельные записи разговоров с поэтом, его высказывания. На вопрос, как он стал писать для детей, С. Маршак ответил, что как детский писатель он начал писать, став отцом...

«Я первый начал писать для детей о труде».

«...Почетная смерть детской книжки — картинки вырезаны, стихи выучены наизусть...»

В разговоре об индивидуальности писателя: «На свете даже двух вилок одинаковых нет. Мы этого не замечаем только потому, что у нас не хватает зоркости».

Совет поэта: «Избегайте специальных терминов — надо лучше написать «земля», а не «почва».

«...Жаловался, что на редакторскую работу уходит все время. На свою работу его не остается...»

«Рассказ о поездке на Днепрострой Самуил Яковлевич начал с полета. Это был его первый полет. А я тогда еще ни разу не летала. «После посадки у меня пульс был как ниточка. А у пилота — как всегда».

«...С младшим сыном Маршака я встретила в прихожей. Он шел гулять с няней — уже одетый, в пальто и шапке. Родители его провожали. Мальчик был очень похож на мать. Ему было года четыре. Самуил Яковлевич кивнул на сына:

— Он сегодня работал, как негр. До свиданья, Лялик. Я для него написал «Усамого-полосатого». А «Мышонка» — для старшего.

Софья Михайловна объяснила:

— Он сам себя назвал Ляликом. Мы назвали его Яковом».

Все это записи о встречах в начале тридцатых годов.

Прошло много лет. Судьба забросила ботаника В. И. Серпухову в Туркмению, потом на Памир, затем в Кулябскую область Таджикистана. Но интерес к литературе не пропал. Уже после войны В. И. Серпухова выступила с рядом научно-популярных статей и выпустила несколько научно-популярных книг и книги для детей («Комнатные и балконные растения» вместе с Г. Тавликовой, «Цветы-загадки», «Угадай, какие это цветы?» с рисунками В. Кустова и др.).

Одну из них она послала С. Я. Маршаку. В ответ он прислал телеграмму со словами одобрения и радости. А вскоре пришло письмо.

«Дорогая Вера Ивановна! Очень рад, что не забыли меня, и прошу простить меня за то, что отвечаю с таким опозданием. Весь этот год болею — трижды перенес воспаление легких.

Ваши замечания по поводу рисунков Цельмера в журнале «Пионер» вполне справедливы. Я сообщил редакции о допущенных ею неточностях и ошибках. К сожалению, многие художники (да и литераторы) берутся за сюжеты, мало им знакомые.

Ваш крошечный рассказец («Вяз») передал редакции журнала «Мурзилка». Боюсь, что для печати рассказ слишком мал. После разговора с редакцией напишу Вам, — может быть, следует дать в придачу такие же (но, конечно, не повторяющие первый рассказ) рассказы о других деревьях.

Вы скупо пишете не только вещи для печати, но и письма. Я ничего не знаю о Вашей жизни за последние 15—18 лет. Здоровы ли? Где работаете? Видели ли последние мои книжки для детей и для взрослых? Сегодня я уезжаю в санаторию. Болезнь очень утомила меня. Непременно напишите мне.

Шлю Вам сердечный привет.

С. Маршак.»

Это было последнее письмо С. Маршака, полученное В. Серпуховой.

Е. П.

НИНА МАСЛОВА

ГОРИЦВЕТЫ

Горицветы, горите,
Горите
Кровью предков,
Слезами вдов,
Отзовитесь, цветы,
Отзовитесь
Эхом славных великих боев!
Незажившею раной алейте
И кричите года напролет,

Как солдат умирал на планете,
На планете родной
За народ.
Разнесите по ветру тревоги,
Порассыпьте искры в росе.
Вы не каждому кланяйтесь в ноги, —
Преклоненья достойны
Не все.

• • •

Я фотографий не дарю.
Их часто дарят не от счастья.
Увидишь, глядя на зарю,
Мои черты, мои пристрастья.
В ручье —
В нем голос мой живой,
Характер
В ветре буйном мой,
Там нежность —
Здесь мой ясный взгляд,
Там радость —
Здесь моя печаль.

Смотри почаще на закат
И на синюющую даль.
Они расскажут обо мне,
И не слукавят никогда.
Смотри на солнце все в огне
И на лиловые снега.

Я фотографий не дарю,
Зачем они тебе, зачем?
А вот зарю — бери зарю!
И если хочешь — насовсем.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

ПРАЗДНИК РУССКОЙ ЗИМЫ ВО ПСКОВЕ

Мороз был на совесть — проснувшийся рано,
солидный, серьезный, незряшный...
Не только что люди — продрогшая за ночь
кремлевская крякала башня.

Скрипели салазки, вороны, дороги,
подошвы, деревья, деревни,
и скрип был упрямый, отчетливый, строгий,
кондовый, слежавшийся, древний.

Народ как из бани: мороз будто теркой
работает... Скройся, попробуй!
Вдоль улиц меж тем накрывали скатеркой
столы параллельно сугробам.

Здесь можно присесть, подкрепиться добротной,
здесь люди толпятся недаром,
здесь блин раскаленный уходит охотно
в погоню за неким нектаром.

Попробуй не ешь-ка, попробуй не пей-ка:
с тобою нежны, словно с братом,
красотки в кокошниках и телогрейках
с накинутым сверху халатом.

Но шили устойчиво, не безобразно,
не спали в постелях сугробных
в единственный праздник,
в естественный праздник
тугого земного здоровья.

И шли псковитяне — прочны, коренасты,
в движениях плавны и скоры —
по тропкам ледовым, по снежному насту
смотреть рукотворные горы.

Катали детишек, катались и сами,
от смеха охрипнув маленько;
катались, используя лыжи и сани,
седалища и четвереньки.

На всем, на чем можно, на чем и не можно,
сползали,
съезжали,
слетали,
отнюдь не считаясь — забыв осторожность —
ни с чином своим, ни с летами.

РОАЛЬД НАЗАРОВ

• • •

Аве, Мария!	Аве, глаза твои,
Машенька, аве!	полные веры.
Аве, девчонка	Аве, твои
с венком васильковым.	многотрудные руки.
Аве, невеста	Аве, солдатка
с потупленным взором.	в деревне притихшей.
Аве, жена	Аве, вдова моя,
над ночной колыбелью.	Аве, Мария!

• • •

Три дороги, как	пропаду,
в сказке,	как те двое!..
и камень-валун	Я пошел напрямик.
обомшело застыл	Я дошел до конца.
безымянным	Я достиг,
надгробьем.	и
Я стою перед ним,	под рукоплесканья
я читаю на нем	я увенчан победой
два напутствия	один,
мне	как герой,
на распутье:	как дорогу
коль направо	осиливший витязь!
пойдешь —	...Не судите меня —
никуда не дойдешь!	я снимаю венок
Коль налево пойдешь —	и несу
никогда не дойдешь!..	тем двоим
Три дороги, как	на распутье,
в жизни,	и кладу к их надгробью
и камень-валун	победой своей,
безымянно закрыл	невозможной
два пути,	без их поражения.
по которым	
никогда не дойду,	
никуда не дойду,	
не вернусь,	

БОРИС НЕКРАСОВ

• • •

А снег идет...
Вчера была весна,
Ее казалась неизбывной сила,
А за ночь вновь сугробы навалило,
И отступила, кажется, она.
И снег идет...
И рубежи — ничьи,
Бой не решен между зимой и летом.
Но верь давно проверенным приметам:
Поют под снегом звонкие ручьи!
Пусть снег идет...

ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ

ПАМЯТНАЯ СОСНА

На Анисимово — направо
От булыжного большака.
Он летит под машиной лавой
В море жаркого сосняка.
У машины своя дорога,
У тебя дорога своя.
Ты выходишь и смотришь строго
На отеческие края.
Все знакомо и незнакомо...
Это что ж, отжила она,
Открывавшая тропку к дому,
Здесь маячившая сосна?
А сосенки звенели шало,
Прикрывая слой черноты —
След промчавшегося пожара

До того, как родилась ты.
Ты могла их вершинки тронуть.
А теперь — что твоя рука! —
Подружившие с небом кроны
Задевают за облака.
И гудит, как орган стоустый,
Душу радуя, высота.
И, однако, немножко грустно —
Все вокруг, и сама не та.
От ствола одного к другому
Ты кидаешься.
Вот она!
Ветром крученная до излома,
Сердцу памятная сосна.
И шагнуть ты уже не можешь —

Навалилась годов гора.
И тебя покрутили тоже
Жизни яростные ветра.
Только им не сдалась на милость.
Силой собственной сильна,
Не согнулась, не надломилась.
Позавидует пусть сосна.
Но, как девочка в дальней дали,

На нее ты глядишь в тиши.
И все горести и печали
Вдруг отхлынули от души.
Ты уходишь. Навстречу лес твой.
А сосна, шелестя чуть-чуть,
Провожает тропинкой детства
Словно снова в далекий путь.

ЛАРИСА НИКОЛЬСКАЯ

МАРТ

Весна позадержалась где-то
И не спешит нести тепло.
Опять завьюжило с рассвета
И все пути перемело.

Но даже если солнце встанет
В прозрачной, ясной глубине, —
Еще не вдруг земля оттает,
Не вдруг доверится весне.

Характер отходящей стужи
Земле известен без прикрас:

Еще завьюжит и закружит,
И заметет ее не раз.

...А день придет такой внезапный:
Осядет снег, подтает лед,
И под сорвавшуюся каплей
Земля, как женщина, замрет.

Таким покоем вдруг повеет
Сквозь утреннюю полутьму...
И сладко будет нам поверить
Весны негромкому теплу.

ПАМЯТИ МАТРОСА ЕВГЕНИЯ НИКОНОВА

Здесь на берег сошел он
И застыл — навсегда...
Со штормовки тяжелой
Все стекает вода.

Сколько яростной силы
В дрожи бронзовых рук!
У матросской могилы
Тополей полукруг.

Но стоит он, прекрасен,
Над горячностью дней.
До сих пор не согласен
Он со смертью своей!

Так и чудится:
Снова
Размыкается рот —
Не для смертного стога,
А для крика: «Вперед!»

ЮРИЙ ОБОЛЕНЦЕВ

• • •

Нужно, чтобы то, за что умирают,
стоило самой смерти.

Антуан де Сент-Экзюпери

Двадцатый век —
наш первый звездный час.
Земля
первопроходцами богата.

Уходим в небо,
разом оборвав
земного тяготенья пуповину.

Мы платим небу
лучшими из нас
за то,
что человечество крылато.

Уносим запах
суходольных трав
и терпкий вкус
негаснувшей рябины.

ПЕТР ОЙФА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ КУРСИСТКА

Бестужевка. Курсистка. Петербургский
Туман, как плед, окутал всю тебя.
Век начался войною англо-бурской.
На острова рысак промчался бурей,
Лед на мостах копытами дробя.
Хочу вообразить тебя: поповна?
На медные училась пятаки?
Иль древний блеск дворянской родословной
Отбросила одним движеньем, словно
Изношенные башмаки?
С утра урок в семействе либеральном,
Там девочку в гимназию готовь.
Потом к себе, в свой переулочек дальний, —
И ляжет на станок копировальный
Еще листовка — боль твоя и кровь.

Знать наизусть конспиративных явок
 Все адреса: Агентом «Искры» быть.
 Ждать у аркад гостинодворских лавок —
 Пришлет связного Невская застава.
 И мысль живую с ленинскою слить.
 В столичном мире, мертвенно-холодном,
 Где человечьи попораны права,
 Быть с будущим отважно и свободно!
 Как пристальны, нежны, чуть старомодны
 Социализма ранние слова!
 Как буднична такая ежедневность —
 Съезжать с квартир, входить в чужой уют,
 И в спорах быть то сдержанной, то гневной,
 Но юности в тебе живет напевность,
 Товарищ Анна, — терпеливый труд
 На Выборгской, на Охте и на Ржевке...
 А случай выпадет и наяву
 С товарками по-девичьи, по-женски
 Так аплодировать Комиссаржевской —
 Всей молодой России божеству.

Что впереди? Тюрьма и ссылка. Люди
 И там помогут. И в метель — побег.
 Из края в край встают иные судьбы.
 Твоя судьба счастливей многих судеб:
 Семнадцатый. Октябрь. И — новый век!

БЕЛОЗЕРСК

Сергею Орлову

На Белом озере туман,
 И все так зыбко, так непрочно,
 Как этот матовый, молочный
 На Белом озере туман.

Там деревянный городок,
 Где храмы каменные встали.
 Особой светлостью хрустален
 Тот стародавний городок.

Он долгой дамбой огражден,
 От волн озерных обособясь.
 От княжеских междоусобиц
 Он дамбой века огражден.

На Белом озере туман.
 Рыбачий бот идет с радаром.

А было: парус падал старый
 На Белом озере в туман.

Я невзначай зашел сюда, —
 Вот так порой велят года нам,
 И этот край стал столь желанным —
 Вновь невзначай зайду сюда,

Чтоб в сумрак неба и воды
 Мне с палубы под гул машинный
 Открылся городок старинный
 Сквозь сумрак неба и воды.

На Белом озере туман,
 Но Русь шумит волной проточной,
 И вдруг рассеялся непрочный
 На Белом озере туман.

ГЛЕБ ПАГИРЕВ

ОСКОЛОК ПОД СЕРДЦЕМ

Его жестоко обработал фронт, —
хирурги в нем копались, как в кургане,
в слепые раны загоняя зонд
и подбираясь к самой главной ране.

А там осталось лишь ее пройти,
но до чего был путь к победе долог,
пока лежал в конце того пути
под сердцем затаившийся осколок!

И вот осколок извлечен на свет —
врачи опять явили миру чудо...
С тех пор прошло, считайте, двадцать лет,
все зажило.

А боль тогда откуда?

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Мих. Дудину

Возобладало доброе начало,
недоброе — распалось, разошлось, —
нас на одних путях с тобой качало,
один буран прохватывал насквозь.

Сиротский хлеб. Солёный вкус работы.
Ребяческие, первые рубли...
Нелегкие тревоги и заботы
на наши души сызмальства легли.

А мы росли, мы озорными были,
но соблюдали правила игры
и никогда лежачего не били,
он выходил из боя — до поры.

Беда пришла, когда мы стали старше:
война в лицо пахнула горячо.
Но знаю — обесилевший на марше
мог навалиться на твое плечо.

Одной волной нас закрутило круто,
одной жарой палило. Не забудь:
в леса Сегежи и снега Гангута
солдата вел один и тот же путь.

Иди в огонь и не ищи поблажки!
Но мы еще судьбу благословим:
не раз она спасала от промашки —
мы никогда не били по своим.

Один упал, другой шагает дальше,
с утра был жив, а к вечеру — убит.
Такое время не терпело фальши,
защисчивости, сплетен и обид.

Солдат не предавался пустословью
над свежими могилами друзей,
и партбилеты, залитые кровью,
сдавались не в архивы, а в музей.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Спасибо людям,
что меня спасали —
кормили хлебом, пестали меня,
в несчастье и в болезни не бросали,
на фронте выносили
из огня!

Спасибо им,
великое спасибо
родимым, близким и совсем чужим
за каждый день, что мною прожит, ибо
я столько раз обязан жизнью
им!

Приходит время
подводить итоги,
судить себя — без скидок и прикрас.
И я твержу в сомненьи и тревоге:
«А ты кому помог,
кого ты спас?»

ЛЕОНИД ПАЛЕЙ

БАЛЛАДА ОБ ОПЫТЕ

Я командовал взводом десантным.
Был я молод очень и глуп.
И кричал я рваным дискантом:
слаб я был, а поэтому груб.
И стояли в строю ровесники,
я готовил их к жизни и смерти.
И начальство меня приметило,
был ему я надежной сменой.
И когда на больших учениях
по тревоге подняли нас,
я повел свой взвод в наступление.
Был нелегким февральский наст,
парашюты плечи оттягивали,
примерзали ножи к рукам,
но, уменье свое оттачивая,

вел вперед я. Отставших ругал.
Ни-ка-ких обходов ни вправо
и ни влево —
только вперед!
И настала та переправа,
на которой poleg
мой взвод.
Только взрывы... Взгляды... Да
скатки...
Только знал:
по моей
вине...
Я командовал взводом десантным,
слава богу,
не на войне.

ПРОЩАНИЕ С МУЗЫКАНТСКИМ ВЗВОДОМ

Владиславу Успенскому

Уходит музыка в запас.
Была веселой и печальной.
она,
 умела шаг печатать,
умела мучиться за вас.
Тревожно плечи накрена,
она из ночи выходила
и боль из сердца выводила
так не однажды у меня.
Уходит музыка в запас.
Прощальный час,
 не будь прощален.
Печальный час,
 не будь печален,
ведь остается что-то в нас.
В нелегких буднях бытия,
в нелепых ссорах, сваргах, тратах

вдруг просыпается, как травка,
вся нежность скрытая моя.
И сколько б ни было отметин
на сердце горьких
 и утрат,
спасибо, что тобой отмечен,
моя высокая сестра.
Уходит музыка в запас.
Все наши радости и боли
она уводит за собою,
не дай нам бог,
 чтоб каждый раз
все начиналось
 так сначала,
чтоб все — и счастье и печали —
как в самый первый, первый раз...

ИГОРЬ ПАНТЮХОВ

ТАМ, ДАЛЕКО...

Бездомен в мире только ветер,
о чем и плачет он в ночах.
А у меня на этом свете
есть дом родной,
родной очаг.
Там, кроме хитрых троп овечьих,
дорог не ведает земля,
лежат на каменных предплечьях
нетающие соболя.
Там испокон не сеют хлеба, —
тайга кормилица, тайга!..
Там голубые волны неба
переполняют берега
хребтов немислимой насечки,

укутанных коврами мхов.
Там несосватанные речки
перебирают женихов.
Там кедр, почти по-человечьи
под грузом крякая слегка,
стоит, подставив небу плечи,
сминая в лапах облака.
В тот край, не сказочный, но дивный,
опять вернусь, хотя туда
не долетает реактивный
и не доходят поезда.
Сойду с коня у юрты тихой,
«Тяхшлар», * — скажу отцам седым,
и терпким медом облепихи

* Тяхшлар — здравствуй (алт.).

из пиалы пахнет чайдым.*
Меня там ни о чем не спросят,
все оставляя про запас,
и только конь пугливо скосит
на дым костра полночный глаз.
Там неуместны охи, ахи,
речей пустые выражи. . .

Спокойный взгляд из-под папахи
чуть поторопит: «Расскажи. . .»
И я, лишась бывшего пыла,
язычески склоняюсь к костру,
поведаю про все, что было,
и ни полслова не совру.

ИРИНА ПЕРЦОВСКАЯ

• • •

Знакомая мелодия,
Автобус, словно катер,
Весенним половодием
Возьмет да и окатит.

Я улыбнусь вдогонку
Шоферу-капитану,

А в мире будет громко,
И весело, и странно.

И милый человечек
Шагнет ко мне упрямо
И тихо прошебечет:
«Возьми на ручки, мама».

• • •

Без тебя над ширью кроткою
Разметался птичий крик.
Вечер мягкою походкою
На корму едва проник.
Без тебя темнела палуба,
Песня за борт пролилась,
И закат нацелил пагубно
В сердце мне усталый глаз.

Без тебя пила искристое,
Охлажденное вино,
И до самой нашей пристани
Было так заведено.
Без тебя смеялась Ладога —
Смех то ввысь, то под откос.
И я знала, что ты надолго
К сердцу глупому прирос.

* Чайдым — алтайский национальный напиток.

АННА ПЕТРАШЕНЬ

ТОПОЛЬ ЦВЕТЕТ

Весна!

И тополя сережки
краснее, толще с каждым днем.
Мы, женщины, чего-то ждем,
до блеска протерев окошки.
Пасутся кротко облака,
а солнышко на них играет,
и ветер северный стихает,
и время спуталось слегка.
Глядится юность сквозь года,
былые зеленеют тропки. . .

Звонок —

два длинных и короткий —
звучит сегодня, как тогда.
Под взглядом любопытных глаз
в дверях я щелкаю задвижкой.
Не ты. . . чужой шагнул парнишка,
сурово говорит:

«Ленгаз!»

Смеяться иль всплакнуть немножко?
Парнишка возится с огнем. . .
Мы, женщины, чего-то ждем,
до блеска протерев окошки.

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВ

• • •

Новых чувств и новых песен
Накопилось — не вздохнуть.
Для меня сегодня тесен
Уготованный мне путь. . .
Мне идти по бездорожью
Под фонариком-звездой.
Мне еще встречаться с ложью
И лицом к лицу с бедой.
Мне еще нежнее птицы
Трогать друга за виски,
Снова вглядываться в лица,
Лица,
Полные тоски. . .
Накатилось это чувство,
Точно синие ручьи.
Создавай меня, Искусство,
Уму-разуму учи.

• • •

У нас высевает малина,
Вся крупная — с медный пятак.
Бери лубяную корзину
И росами шпарь за большак.

Сосна вековая упрямо
Под небо взлетает стволом.
Шагай перелесками — прямо,
Где солнечный встал бурелом.

Входи в эти светлые сени
Моих ярославских лесов.
Там вереск тебе по колени
И песни на сотни ладов.

Как спелую ягоду, в горсти
Ссыпаю хорошую грусть.
Ты ждешь меня, Климово, гостем,
А я к тебе сыном вернусь.

МИХАИЛ ПЕТРОВ

ЛОСЕНОК

Спидометр — за сто.
Скорость ветровая.
Шоссе — в росе,
Росой кусты горят.
Молчаньем строгим сосны провожают
Автобус, уходящий в Ленинград.
В дорожных сетках дремлют чемоданы.
Летим.
Земля уходит из-под ног.
То лес глухой,
То серая поляна,
То ленты убегающих дорог.
Летим,
Шоссе и версты подминая.

А следом дымный движется рассвет.
И вдруг,
 все расписания ломая,
Как постовой — лосенок на шоссе...
Такой смешной, доверчивый и тихий,
Стоит и ждет.
Вольно ж ему смотреть!
Незримиными путями ходит лихо.
Все ближе с громом набегают смерть.
Шофер привстал...
О, жуть минуты этой!
Пять выхлопов — и жизнь под колесом.
...Автобус мы толкали из кювета.
Дрожал живой лосенок за кустом,

ДМИТРИЙ ПЕТРОВСКИЙ

ДНИ НЕДЕЛИ

Понедельники-начинальники,
Над неделю вы — начальники:
И над вторником-ипохондриком,
С серым зонтиком, пыльным ковриком,
И над средами-непоседами
С пересудами да беседами,
И над скучными четвергами,
Невезучими чудаками.
И над пятницею-сумятицей,
Толстопятою, толстопальцею,

Над субботами с их заботами,
С кинозалами душно-потными,
Кинозалами — как вокзалами,
И людьми такими усталыми...
С воскресеньем вы — кузены:
«Пусть потопает по музеям,
Пусть балуется чаем-сахаром,
Пусть под дождиком ездит за город,
Пусть подольше поспит, бездельник, —
Завтра снова я, понедельник».

НАТАЛИЯ ПИРОГОВА

ЛЕСНАЯ МУЗЫКА

На спящих ветках тает в светозарах
Безмолвие ночное за избой.
Я музыку ищу в ветвистых залах.
Иду к ней соловьиною тропой.

А над лесным ручьем у крутояра
Звонит березок семиструнный ряд.
И жарких сосен красные фанфары
В высоты журавлиные трубят.

И мягко-мягко на опушке сонной
Мне прямо в ноги падает — «ку-ку».
И сыплются серебряные звоны
Из белых ландышей на берегу.

Я дотемна хожу в лесу окрестном,
В моем зеленом солнечном бору.
И в вечной новизне его оркестра
Созвучия, как ягоды, беру.

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ

Когда я думаю о Елизавете Григорьевне Полонской (1890—1969), перед моими глазами встает облик советской поэтессы, прожившей большую жизнь и отдавшей пятьдесят пять лет своего творчества родной стране, родному народу.

У нее было блестящее образование, профессия врача. В годы первой мировой войны она работала в одной из краснокрестных организаций Юго-Западного фронта. Стихи она начала писать с детства, и первое ее стихотворение было опубликовано в 1913 году. Но в своей автобиографии Е. Г. Полонская говорит: «Летосчисление моей литературной работы я веду с Октябрьской революции. Октябрьская революция дала мне возможность учиться новой профессии, продолжая работать в «старой».

Студия Всемирной литературы, руководимая Горьким, где были такие преподаватели, как К. Чуковский, М. Лозинский; литературная группа «серапионовы братья», в которую входили К. Федин, М. Слонимский, Н. Тихонов, М. Зощенко, Н. Никитин, Вс. Иванов и в которой она была единственной «сестрой»; работа разъездного корреспондента газеты «Ленинградская правда» — все это помогало молодой поэтессе не только почувствовать себя профессиональным литератором, но и определить свои творческие поиски.

Сборники стихов, очерков, книжки для детей, переводы классиков Запада и Востока говорят о многогранности ее дарования.

Я близко узнала Елизавету Григорьевну Полонскую в тридцатые годы. Мне часто приходилось с ней вместе выступать на различных литературных вечерах.

Я помню то веселый, то задумчивый взгляд ее черных, чуть раскосых глаз, ее черные, коротко по-мальчишески подстриженные волосы, ее всегда простой и строгий костюм.

Она читала свои стихи с эстрады негромким и высоким голосом, без малейшей аффектации, лишь с легким ударением на окончаниях строк. Читала только то, что ей самой в тот момент было наиболее близко. . . С большим вниманием слушала она на литературных вечерах тогда еще молодых поэтов В. Шефнера, О. Берггольд, Б. Корнилова, Б. Лихарева, А. Гитовича. . .

«Мне доставляет большую радость каждое новое хорошее стихотворение», — говорила она. И разбирая на поэтических собраниях новые стихи поэтов, щедро делилась с нами своими знаниями и творческим опытом.

Елизавета Григорьевна Полонская вела литературные кружки: при журнале «Работница и крестьянка», на заводе «Большевик», в одной из воинских частей под Ленинградом.

В тридцатые годы она много ездила по Советскому Союзу — побывала на Урале, в Донбассе, в Средней Азии. Она видела, как растет наша страна, видела мысленно ее будущее. Она писала: «Как можно прошлое любить сильнее будущего? Это мне непонятно и смешно, и кажется, не требует ответа».

Но в мире не было покоя. Поднимали голову немецкие фашисты. Героически сражалась за свою свободу революционная Испания. В то время Полонская написала песню об испанской коммунистке Лине Одена. Положенная на музыку Виктором Томилиным, песня эта стала жить на испанском и немецком языках.

Тогда же Елизавета Григорьевна особенно много работала над переводами классиков Запада. Она говорила: «Поэт служит связистом между народами».

Ей были знакомы города Франции и других европейских стран; она любила многие города Советского Союза, но самой большой ее любовью был Ленинград. И я помню

ее печальные глаза, когда в годы Великой Отечественной войны она покидала Ленинград, выезжая с семьей в эвакуацию.

Но не было жаль мне в ту ночь ничего,
Что счастьем могло называться,
Мой город любимый, труднее всего
Мне было с тобою расстаться, —

писала она в своей «Камской тетради», обращенной к ее «потерянному и возвращенному дому».

В послевоенные годы Е. Г. Полонская не часто выступала на литературных вечерах, но она очень ценила свои встречи с читателями, и когда проходили «Дни поэзии» в Ленинграде, она с радостью приезжала в магазины, где продавались ее книги или сборник «День поэзии», и книголюбы уносили с собой ее автографы.

В последние годы жизни Е. Г. Полонскую все чаще и чаще манила к себе природа, особенно спокойная природа Эстонии, ее восходы и закаты, ее леса, ее песни... Манил к себе Карельский перешеек, где она жила в Доме творчества писателей. Там были написаны ее литературные мемуары, ее последние, полные мудрой человечности стихи, из которых многие обращены в будущее, к детям:

Что ждет их дальше на пороге века?
Как жаль, что не могу быть с ними рядом
И строить с ними счастье человека,
Полет на звезды провожая взглядом.

Из семьи ленинградских поэтов ушел человек, не только любивший и понимавший творческую силу слова, но и чутко откликавшийся на все волнующие события жизни Советской Родины.

Пройден честный, благородный путь, согретый теплом отзывчивого и требовательного сердца.

ЛЮДМИЛА ПОЛОВА

РОДИНЕ

Суровы от края до края
Пути, по которым ты шла.
Я в памяти вызываю
Дороги твои и дела.

И если стихи я писала
О силе твоей и славе,

Прости, что их было мало,
Прости, что они так слабы.

Разрозненные страницы...
Вот ненависть, гордость, любовь...
И если бы вновь родиться,
Я все повторила бы вновь.

МОИ СЛОВА

Слова, которые писала я когда-то,
Внезапно возвращаются ко мне:
Они теперь могучи и крылаты,
Они звучат в окрестной тишине.

Моих наставников благодарю я низко,
Но их уж нет, до них мне не достать...
Хочу я в прошлое послать записку,
Но лучше в будущее посылать!

1966

ВЕСЕННЯЯ СЮИТА

Быть может, одному лишь Гайдну снилось,
Как дирижировал весеннею сюитой
Маэстро дятел, под горой, в овраге,
Где розовые гибкие ракиты
С немым поклоном над ручьем склонились:
Как зяблики отделявали трели!
А как щеглята щелкали и пели,
И чмокали, не хуже соловья,
И разливались лютней тонкострунной!
А море было за ближайшей дюной.
Еще замерзшее, оно блестело,
Переливаясь голубым и белым.
Звенели иволги то в очередь, то сразу,
Дрозд мелодично тренькал на суку,
Кукушка, терпеливо выждав паузу,
Вставляла низким голосом: «Ку-ку!»
Какая-то непризнанная птаха,
Не принятая, видимо, в ансамбль,
Издавала уныло, но без страха
Чирикала четырехстопный ямб.
А утро было полным света
И нежных молодых ветвей,
И, падая с обрыва, в знак привета
В ладоши хлопал молодой ручей.

СКАЗКА ДЛЯ СЕБЯ

Будь у нас три дочки, я бы их взрастила.
Маленьких на поводке водила.
Я бы им читала Пушкина и Бюка,
Рыцарей без страха и упрека.
Было бы учиться им в соседней школе,
Быть им в пионерах, быть им в комсомоле.
Чтоб на все смотрели ясными глазами,
Чтоб всего на свете добивались сами.
Ты бы их бранил, может быть, немало,
Я бы их проказы покрывала...
Но была убита на войне старшая,
Родину и дом наш защищая.
Средней на планете места было мало —
Улетела в небо и пропала.
Скучно стало дома самой малой, третьей,
Ищет трудных дел на дальнем свете.
Милый друг мой, значит, это все приснилось:
Будь у нас три дочки, я бы так гордилась.

1960—1964

НАДЕЖДА ПОЛЯКОВА

• • •

Моя строка жила по общежитьям,
На жестких койках девичьих спала.
Моя строка была моим открытием
И чьим-то откровением была.

Скажи мне: ты нашла в ней, что искала,
Обиду легче ли перенесла,
Когда моя строка тебя ласкала
И за душу, как за плечи, брала?

Скажи: к тебе явилось равнодушие,
Или строка вела с судьбой на бой,

После того как плакала в подушки
Ты, не умея справиться с собой?

Была ль она когда помехой мигу,
Который не воротись, коль пройдет?
А милый ждет — беги, захлопни книгу,
Моя строка до завтра подождет.

Она сумеет отступить, где надо,
И постоять тихонько в стороне.
И если надо, то с тобою рядом,
Как медсестра, сгорит в твоём огне.

• • •

Завидую ребенку я, когда
Свои вопросы задает он взрослым,
Как будто он идет по травмам росным,
Где нет чужого спешного следа.

Все «почему», наполненные тайной
Своих открытий и грядущих вер,
Не зная полуфраз и полумер,
Он раздаёт со щедростью титана.

Как будто бы сторицей возвратит
Все, что вбирал в себя с таким
стараньем
Он слухом, зреньем, вкусом, осязаньем,
И осчастливит мир и одарит.

Ничто не ускользнет от ясных глаз,
Еще не объясненное словами.
От этой детской жажды узнаванья
Хотя бы искра не угасла в нас.

• • •

Время волосы мне белит.
Время стариться не велит.

Время щеки мне холодит.
Время сердце не молодит.

Время грузом легло на плечи,
Глину слов мои пальцы мнут.

Стало больше противоречий,
Стало меньше спокойных минут.

В душе моей осталась жалость
К той белой ночи, к облакам,
Когда чужие туфли жали,
Да так, что слезы по щекам.

Рассвет вставал над Ленинградом
Такой, каким уже не быть...
И мальчик шел со мною рядом,
Желая и боясь любить.

И над Фонтанкой кони ржали,
И дико грызли удила...
А туфли жали, туфли жали.
Ах, мальчик, я тогда была

Такой серьезно и взрослой —
Я в горле сдерживала ком.
Перед тобой по скверам росным
Стыдилась бегать босиком.

Потанцевав на первом бале,
Идя в ненаошенных, чужих,
Я с побледневшими губами
Нас ненавидела двоих.

Стыдилась сбросить эти туфли —
Была в них выше и стройней.
И что-то яркое потухло
От той серьезности моей.

ВАЛЕНТИН ПОПОВ

Нас в прошлое пускают по билету,
идут сквозь сердце
кадры киноленты,
горит экран,
и холодеет зал...

Горячий август,
мятый краснотал,
дымится солнце,
снится жатва просу,
губастый конь,
треух на седоке.

Я мальчик,
я в шинели не по росту
качаю саблю в жестком кулаке.

Горячий взрыв
железо мнет и корчит
и ставит плоский камень
на ребро.

Споткнулся конь
о синий колокольчик,
и опустело жаркое седло.
Мак отцветал
цветами кровяными,
он ало так
от века не пылал.
Какое-то единственное имя
я тихими губами прошептал.
Умчался взвод
в боях творить эпоху,

и парни,
 не убитые в седле,
 со свистом пели,
 что не так уж плохо
 прожил я
 все свои семнадцать лет.
 Но только мало,
 мало,
 слишком мало
 я видел
 и на свадьбах погулял.
 Так вышло,
 что из женщин только маму,

одну лишь маму в жизни целовал.
 И вот лежу,
 лежу под красной вербой,
 зажата сабля вдовая в руке,
 и осторожно гладит
 мягкий ветер
 меня по остывающей щеке...
 Идут сквозь сердце
 кадры киноленты,
 сквозь сердце —
 Революции легенды!

ЛЮДМИЛА ПОПОВА

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Да! Все чаще я слышу возгласы:
 — В вашем возрасте,
 в вашем возрасте
 Разве можно так много летать?
 — Разве можно так много курить?
 — И писать, и блокноты листать
 От зари до зари?

Отвечаю: — Друзья хорошие,
 Мое сердце еще не изношено,
 И глаза мои смотрят пристально

На огни вокзалов и пристаней...
 И уже, по лётным обычаям,
 Я всхожу по трапу привычному
 На крылатый борт корабля,
 И плывет под крылом Земля...
 И чем выше, тем глубже чувствую,
 Как прекрасна страна моя...

... Даже с добрым своим сочувствием
 Не спешите, мои друзья!

СЛАВА

О доблестях, о подвигах, о славе...
 А. Блок

Когда-то в юности в мое окно
 С апрельским ветром залетела слава,
 Я удивилась: — Это странно, право, —
 Ты, очевидно, заблудилась, слава,

Лети к тому, кто ждет тебя давно. —
Лишь покачала слава головой
И улѣтела, не простясь со мной.

Мелькали весны, зимы,
шли года...
Меня столкнула с ней в авиачасти
Суровая военная страда.
И я прочла в ее глазах участие...
Но я опять ей повторила: — Нет! —
И показала ей героя след,
Там, где клубился раскаленный воздух,
Где был конец бесстрашного пути,
Где падал он,
как с дальних высей звезды,
Ярчайшим светом Землю охватив...

Потом я ей назвала имена
Отважнейших бойцов и командиров,
Ее просила: — Дай им ордена
И все дары...
Они надежда мира!
Умножь свое сиянье во сто крат, —
Они в боях за жизнь, за Ленинград. —
Взглянула молча слава на меня
И полетела к линии огня.

Прошли поспешно два десятилетия,
Мы встретились в приморском городке...
И — всякое случается на свете —
Опять рука моя в ее руке:
— Я часто вспоминала о тебе, —
Мне говорит она, волнение пряча, —
Но времени так безудержен бег,
И ты прости, — я не могла иначе, —
Мне так хотелось побывать везде,
Где мир хранят советские солдаты,
Где русский юноша летел к звезде,
И где играли «Аппассионату»,
И много где...
— Но так и надо, слава, —
Сказала я, —
Верши свой путь земной!..
У нас одна Советская Держава,
А это значит —
ты всегда со мной!

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

МНЕ ПО ПРАВУ ИМЯ ЭТО

Нечуй-ветер — трава.

Н. В. Гоголь

Среди трав моих несметных
Я не встретил Нечуй-ветра,
Ни в лесу и ни в долине
Не видал на Украине.

Нечуй-ветер, Нечуй-ветер,
Как живешь на белом свете?

В стороне моей заветной
Не хватает Нечуй-ветра.
Где он днюет, где ночует
И какую боль врачует?
Может, слышал в дальних чашах
Ветер ладожский свистящий?

Мне по праву имя это.
Где-то ты живешь на свете.
Жаль, что я тебя не встретил,
Нечуй-ветер,
Нечуй-ветер!

СКАЗКА

За травую за трестюю
В молодом уборе
Село солнце золотое
Посредине моря.

Посредине моря лодка.
Сине-море льется.
Солнце в лодке-самоходке
Берется за весла.

Не за старые — за новые,
Что любят рыбаки:
С Ояти шли сосновые,
Кленовые с Оки.

За Оятью — сосна,
За Окою — клены,

Молодым не до сна
У огней зеленых,

У ракиит кружевных,
У весны в разбеге
Да в распевах озорных
Около Онеги.

Да в Приладожье морском
За родным простором,
За березовым леском,
За сосновым бором...

За травую за трестюю
В молодом уборе
Село солнце золотое
Посредине моря.

ГЕНЕРАЛ ЛУКАЧ

Повелительно-резко
Взвился кумач.

Ты, Мадрид,
Ты, Уэска,
Вся Испания,
Плачь!

Вся Испания Лорки,
Поплачь на заре,
От долины к пригорку,
От пригорка к горе!

Ой, жалейка, жалейка,
Красный ветер горяч.

О, Матэйка, Матэйка,
Ты еще не Лукач!

Путь не видится грозный,
Что бы принял, любя,
И мадридские звезды
Не вгляделись в тебя.

Но раз надо, так надо,
И дороги сошлись.
Ведь Кордова с Гренадой
Тебя заждались!

ВАЛЕРИЙ ПРОХВАТИЛОВ

«БЛУДНЫЙ СЫН»

(Рембрандт)

Достойная взору картина
представится — только взгляни:
отцу
возвращенного сына
приходится прятать в тени.
Свидетели странствий — босая
ступня, и башмак на полу,
и, ровные взгляды бросая,
те двое, что в правом углу.
Какие звучали там речи,
кто знает? .. Поникие плечи
не больше о том говорят,
чем правых свидетелей взгляд.

Художнику думалось проще, —
художнику виделись рощи,
дорога — сквозь ночь — без конца
и песня под звон бубенца.
.. Был праздник, подобный бедламу,
душа вырастала до звезд ..
Но, вставленный в черную раму,
мир снова становится прост.
И снова не лица, а лики
мерещатся в темном углу
тому, кто остался великим,
рисуя башмак на полу.

ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР

АКТЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

О календарь, ты знаешь наперед,
что мне играть в четверг и в воскресенье,
тасуешь судьбы и ведешь расчет:
во вторник — смерть, а в среду — спасенье.

Не отменю тебя, не заменю,
я подчинен твоей железной власти.
В каникулы две гибели на дню,
два горя от ума... Одни напасти.

И только одного не знаешь ты,
диктуя время, автора и моду, —
когда из оглашенной темноты
пробьется свет и обрету свободу,

когда в одной из клеток из твоих,
составленных подряд для пользы дела,
погну я прутья и прорвусь сквозь них
бог весть куда!.. Куда душа глядела...

• • •

Средь зимних таинств Ленинграда,
мне нового, не моего,
еще душа была не рада,
не понимая отчего.

Как женщины в мохнатых шапках,
спешили мимо дерева,
и от мороза и от шатких
знакомств кружилась голова.

Но началось негромкой нотой,
и на Фонтанке треснул лед,
и старый катер с неохотой
ему помог ускорить ход.

Рыбак у Лештукова моста
склонился низко над водой,
и вдруг единственно и просто
открылся город предо мной...

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

• • •

Знаю, время прощаться, молодость,
Без ненужных просьб «погоди»:
Отгремела ружьем и молотом
И широким шагом в пути.

А стихом?
С ходу моду серую
Опрокидывать молодым,
Только б жизни нелегкой мерою
Мерить силу и славу им.

Простодушна,
Прямá тем более,
Ты средь райских куш не цвела.

Но жила там, где, камни голые
Ночь-зима застилала, зла,

И гасила ветрами резкими
Под брезентовым кровом кровь.
Помнишь льдинки-глазенки детские,
Задыханье твое без слов? . .

Ах, тот край твой!
Он окон золотом,
Чемпионской лыжней,
Гудком
Вновь зовет
И зовет он молодость.
Что ж,
Прощайся со стариком!

ШЕЛ ЭШЕЛОН

Из старой тетради

Вез паровоз,
Гудел и мчал он
Состав теплушек на восток.
В одной и капитан Качалов,
Как бы не видя нас, залег.

Его будили:
— Подтяни нам,
Домой ведь едем, капитан! —
Вновь про рябину, что у тына
Грустит о дубе,
Под баян
Теплушка пела.
Перебраться
Рябине к дубу не дано.
Ей в грозы гнуться и качаться,
Склоняться до земли одной.
Рябину жаль.

Так в русском слове
Одушевил ее народ.
— Моя рябина ждет в Тамбове!
— Моя меня под Псковом ждет!

Но капитан был тем доволен,
Что душу прячет полусон,
Что песню одинокой доли
Он слышит, сдерживая стон.
Нет, не у тына, не у тына,
Не на родимой стороне,
И не рябина, а Ирина
Цвела, пылала на войне;
И над его склонялась раной,
Цвела слезою,
Лаской рук,

Признаньем тихим, как ни странно,
Затмившим все грома вокруг.
Друг в друге самое большое
Им счастье виделось свое.
Но пеплом на поле чужое
Легло цветение ее. . .

Шел эшелон.
Сошел попутчик,
И мог он слышать за спиной:
— Грудь в планках,
А под ними — туча.
— Пройдет,
Приехал-то домой!

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

НОВГОРОДСКИЙ СКАЗ

1

День, в небе пролив облаков молоко,
Полоской прорезался ржавой.
Стоял на мосту в знатной шубе Садко,
Глядел на софийские главы.

Утоптан был снег от кремлевских ворот,
Зубцов индевели уступы,
На Волхове синий сверкающий лед
Долбили ломами тулупы.

На берег гуськом лошаденки везли
На розвальнях скользкие глыбы.
Вот брызнуло солнце, и в снежной пыли
Лучи расплескались, как рыбы.

Трещала с утра у Садко голова.
Каким же он был сумасбродом!
Совсем доконала его ендова
С боярским забористым медом.

Хвалился тогда, потрясая мошной,
Что всех в Новограде богаче,
Что купит весь город заветной казной
По праву всегдашней удачи.

И видит Садко, что съезжает с моста
Детина — развернуты плечи,

Румянятся щеки, а пар изо рта
Валит, как из бани иль печи.

Полозья и валенки так и скрипят,
Шагает, вожжами играя.
— А ну-ка, Садко, подавайся назад,
Не видишь, что ль, Васьки Буслая?

Эй, шуба соболья, бобровый колпак,
Дорогу! Я добрый покуда.
— Ты лаяться, Васька, я вижу, мастак,
Смотри, чтобы не было худо!

— Мне худо не будет. Не хром я, не стар,
Хоть рваный на мне полушубок.
Не пьянствовал я во пиру у бояр,
Не лапал заречных голубок.

Хоть гость ты богатый, а Ладу не трожь,
Не хвастай пред ней соболями.
Ведь я для нее и в дерюге хорош,
И ты не мешайся меж нами! ..

Тут Васька, хлестнув лошаденку кнутом,
Причмокнул и двинулся мимо.
А солнце вставало над сизым кремлем
В клубах розоватого дыма.

2

И шло все так, как было встарь:
Тянуло тучи волоком,
И спину гнул глухой звонарь,
Раскачивая колокол.

Гудит, плывет тяжелый звон,
К сырým домишкам клонится,
И вздрагивает, испокон
Натруженная, звонница.

А медь гудит во все концы
По площадям и улицам,
Без толку носятся скворцы,
Тревожно солнце шуруется.

Со всех сторон на зов бегут
Под отгулы набатные
Купцы, монахи, черный люд,
Служилые и ратные.

Уж площадь вся полным-полна, —
Не видано, не слыхано,

Набито, что в мешок зерна,
Что сельди в сеть напихано.

По мерзлым рытвинам в возке
Боярин колыхается,
Посадник в лисьем колпаке
Локтями продирается.

И князь с дружиною впритык
Протиснулся на сборище.
Покрыли брань, и гуд, и зык
Все Ярослава дворище.

Сонились и знать, и голытьба
Заречная, слободская
У белокаменна столба
На вече новгородское.

Бобровые шубы взошли на помост,
Стоят над толпою сермяжной.
Рукав распушив, словно беличий хвост,
Кричит кто-то толстый и важный.

Пора уж-де за море ладить ладьи,
На Ганзу готовить с товаром.
— Эй, плотники! — Слышим. Харчи только чьи?
— Свои. Поработаешь даром.

Вся ваша в долгу у меня слобода,
Давал вам и хлеб я, и крупы.
— Гнилую муку! Не зерно — лебеда! —
В-о-свет загадели тулупы.

Надвинулись разом. Зашло б далеко,
Да тут, оттеснив толстосума,
У самого края стал гордо Садко,
Людского не слушающая шума.

— Купцы! Крохоборы! Не вам торговать
С Ганзою, со свейские гости,
Лишь мне одному это дело под стать,
Я всех вас держу в своей горсти.

Дорог ли не знать моему кораблю!
Добра не храню под замками.
Хотите — и Новгород весь я куплю
С кремлем, и с Софией, и с вами!

По мне он хорош — только вам он не гош, —
Мошна у вас, вижу, гнилая.

Идем на торги! По рукам, что ли?
— Врешь! —
Прервал его голос Буслая. —

С ума ли ты спятил ни свет ни заря,
Что молвишь нам речи такие?
Чем здесь пред народом бахвалиться зря,
Святой постыдился б Софии!

Задумал ты Новгород вольный купить, —
Казна, мол, мне будет подмогой?
Амбары и склады бери, так и быть,
А волюшки нашей не трогай!

Ее не проглотить — тому не судьба,
В мощну не затиснешь подавно.
Кто Новгород ставил? Всё мы, голытьба.
Народом земля наша славна.

Кто бревна волок на своем же горбе,
Обтесывал камни для башен?
Тебе ль это ведать в похмельной гульбе,
Заморских отведавши брашен?

Кто в Ильмене лавливал щук да язей,
Кормил ими в год недородный?
Кто бился с врагами, кто дерзких князей
Гнал с веча, коль те неугодны?

Не мы ли на утлых своих ушкуях,
Изведавши голод и горе,
По рекам, болотам, в песках да камнях
Дошли до Студеного моря?

Не наши ль дела — с новгородских пятин
Смола, и пушнина, и рыба?
За то, что наш Новгород всем господин,
Сказал бы народу спасибо.

Тебе нашу силу вовек не купить, —
Народ ведь не шерсть, не мочала.
Хвалилась ворона овцу проглотить,
Да та у ней в глотке застряла.

— Эй, Васька, охальник, кабацкая голь!
Пора бы заткнуть тебе глотку!
Дружина!
— Дружину зовешь ты? Изволь!
В ответ подниму я слободку.

Ужо и посмотрим, кто верху возьмет.
Назад поползете, что раки! —

Народ загудел, затоптался — и вот
Уж дело доходит до драки.

4

— ...Садко!
— Буслай!
— Ломи!
— Не трожь!

— Ломи, чего там проще! —
Как под грозой густая рожь,
Заколыхалась площадь.

И тут, схвативши колуны,
Народ, на все готовый,
Бежит с Софийской стороны,
Со стороны Торговой.

Мелькают вилы, батожье,
Бегут сплошной оравой.
И черной тучей воронье
Шарахнулось на главы.

Срывают шапки на лету,
Пудовой сыплют бранью...
На волховском сошлись мосту
Парча с голодной рванью.

Оглоблю выдернул Буслай —
Она ему забава,
Крушит вокруг — не отставай! —
Налево и направо.

Ему бы так весь век махать
Запальчиво и гневно,
Да на рукав повисла мать,
Амѣфа Тимофевна.

— Куда ты, дитяtko, постой,
Убьют — как не бывало!
— А мы на них пойдем стеной, —
За чем же дело стало?

Садко проучим, пусть не врет!
Наш город непродажный.
Пусти подраться за народ,
За Новгород сермяжный!

Давно, признаться, не бывал
Я у такой обедни... —
Тут Васька колокол сорвал
Со звонницы соседней.

Как шлемом им себя покрыл
По самые по брови
И в схватку ринулся, как был,
Не пожалевши крови.

На слуг боярских напролом
Пошел — и горя мало,
А медь на нем, как звон и гром,
Ударам отвечала.

Как медный колокол, он сам
Раскатист был и гулок,
Махнет направо — площадь там,
Налево — переулок.

Уже теснит бояр народ,
Все сбились в пестрой гряде,
Перила рушатся, на лед
Летят, ругаясь, люди.

А бой кипит. Досталось всем,
Трещат хребты и выи,
И, до бровей надвинув шлем,
Глядят столпы Софии.

Всем пятиглавьем куполов,
Как щит поставив стены,
Глядят на рябь речных валов
В лохмотьях красной пены.

* * *

Садко, Садко, богатый гость,
Василий, сын Буслая,
В бою сойтись вам довелось,
Своей судьбы не зная.

Пройдут века, и ярый спор,
Идущий издалече,
Решит во весь земной простор
Разбуженное вече.

Неволю древнюю народ
Великим сжег пожаром.
Пусть о былом гуслиар поет, —
И встарь он пел не даром.

СВЕТЛАНА РОЗЕНФЕЛЬД

• • •

Тревожный свет зардевшихся рябин
Сигналом «стоп» зажегся на дороге,
А у меня еще в глазах рябит
От летних красок.
И не в силах ноги
Остановить свой быстрый летний бег...
Я девочка, и за спиной косички...

Осенний дождь перечеркнул навек
Былого детства пестрые странички.
Но все же...
Мне не так уж много лет,
И сила есть, и есть желанье мчаться
И я бегу, бегу на красный свет
В отчаяньи, граничащем со счастьем.

• • •

Зеленых улиц панорама,
И самый первый летний зной.
И вдруг ребенок крикнул: «Мама!» —
Я встрепенулась — это мой!

И мне уверенности мало,
Что счастлив мальчик мой вполне,
Услышу детский голос: «Мама!» —
Вся напрягаюсь — это мне!..

Мой сын давным-давно на даче
И, знаю, ждет меня домой.
И вдруг опять: ребенок плачет —
На помощь брошусь — это мой!

И где-то, где война упрямо
Сжигает радость бытия,
Чужой ребенок крикнет: «Мама!» —
«Иду, сынок!» — отвечу я.

• • •

Я думала все время о тебе.
И о себе. И о тебе опять.
О нашей неудавшейся судьбе.
И как нам быть. И что нам предпринять.

Когда снега набухли и сползли,
Когда окрепли птичьи голоса
И вылупились травы из земли —
Цыплячьи шеи тянут к небесам?

Но вдруг мне ветер прошептал: взгляни!
И я глаза открыла: боже мой!
Как изменился мир за эти дни,
Что думала я лишь о нас с тобой.

Построен дом почти по волшебству,
Стоит он молчаливо и темно,
Но в первом этаже — смотрю! — живут:
Горит и улыбается окно.

ЕЛЕНА РЫВИНА

СЛОВО НА ВСТРЕЧЕ С НЕВСКИМ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫМ ЗАВОДОМ

Говорили тенором и басом,
Наводили тень на ясный день,
Мол, меж нами и рабочим классом
Не стена, но все-таки плетень.

Если днями бьешься над строкою,
Если путь мучителен и крут,
То, скажите, что это такое,
Если тоже не рабочий труд?

А в цеху случится очутиться
В перерыве трудового дня, —

Добрые и дружеские лица,
Понимая, смотрят на меня.

Эта связь единая с народом —
Помощь и единственный маяк,
Но ведь будь мы не одной породы,
Разве нас бы понимали так?

Пусть же то, о чем поэты грезили,
Сбудется отныне на века:
Вы и мы —

Рабочие Поэзии —
Вместе у единого станка!

АЛЕКСАНДР РЫТОВ

ТИШИНА

Из бухенвальдов в сумерки густые
Идут, идут ботиночки пустые
Тенями, замерзая на свету,
Годами, бесконечными рядами,
Ночами и ночными городами,
Всё маленькие туфельки идут.

Вдоль улиц, тишиною напряженных,
На площадях, туманом оглушенных:
«Тук-тук... Шлеп-шлеп!» — и шарканье и всхлип —
Они идут... Не верьте праздным листьям,

Порывам ветра судорожным, рысьим,
Речной струе под плавниками рыб!

Быть может, ими бредят города...
Быть может, ночь — несвязанная совесть,
Которая извечно молода?
И не во сне ли вскрикнул дальний поезд?
И не от них ли, тайно беспокоясь,
В спокойной Эльбе вспыхнула вода
Зеленым всплеском в сиром предраассветьи?
Ботиночки, а где же наши дети?

... И у витрин в безмолвии встают
На цыпочки и смотрят на медведей
Так, будто все тепло тысячелетий
За стеклами нашло себе приют!
И, что-то безнадежно вспоминая,
Нездешними зовут их именами...

И так же явны, как неона купол,
Как волосы капроновые кукол —
Совсем как настоящие! — как их,
Тех кукол, настоящая посуда,
Кроватки под перинками, простуда —
Как настоящая, совсем как у живых!

Мое сознание, загнанное в угол,
Среди ревущих вновь сороковых...

О, подлое всегда «не может быть»!
Где наши дети, бывшие живыми?
В каком лесу, в какой они пустыне?
Не много ли преступной тишины им?
Как смели мы так мало их любить,
Что допустили воплощенье бреда —
То лето — лишь похожее на лето?!

РИЖСКАЯ СВАДЬБА

Это не ветер в Риге, а Уленшпигель.
Это не осень вовсе — пиво для Ламме.
Рига качнула в небе пламенем шпилей,
Рига взлетела в небо колоколами.

С мокрых от смеха кровель флюгеры машут.
Отсвет буланных молний мчит по жести.
Мерно проходят башни в свадебном марше.
Тучи собрались в кучи чисто по-женски.

Листья горят, как лица, от любопытства.
Рига выходит замуж — всякому близко.
Осень выносит пиво — как не напиться!
Домский орган, как море, в пене и брызгах.

Это не грозы — гёзы вышли на берег.
Это не Рига — Неле в грозном портале.
Чайки с фатой на перьях, если поверить
В то, что стрижи-рижане мне рассказали.

Правда, приврали малость — просто усталость,
Но безобидно, видно, так — безотчетно:
Будто ждала так долго, что застоялась
В шелковых лентах «Волга» в шашечках черных.

МИХАИЛ САЗОНОВ

РОЗЫ

Едва восток
Плеснул лучом,
Январским утром спозаранку,
Чтоб повидаться
С Ильичем,
Пришла студентка-
Негритянка.

Бушует ветер,
Снег крутя. . .
«Не страшно!» — девушка

На броневик
К ногам вождя
Живые розы положила.

А в них тепла —
Как по весне.
Мороз не в силах
С ним бороться.
И вижу,

Тает черствый снег,
Лишь к лепесткам их
Прикоснется.

И девушка
Стоит, горда,
От радости румянец ярок.
Из дальней Африки
Сюда
Она везла
Вождю подарок.

С цветами этими
В пути
Заботы было ей немало.
Чтоб розам
И в мороз цвести,
Она их к сердцу
Прижимала.

ЗЕМЛЕЧЕРПАЛКА

Чтоб стало
Глубже дно и чище,
Она весь день
Пыхтит, грудясь.
Ее железные ручищи
В шаланду валят
Ил и грязь.

И, важно
Проплывая рядом,
Те, что бывали
На мели,
Ей за тяжелый труд
В награду
Трубят «спасибо»
Корабли.

Мой труд
Не легче и не краше.
Жизнь —
Быстротечная река.

По ней
Людские судьбы наши
Плывут
В грядущие века.

Не потому ли
Дни и ночи,
Не зная лени отродясь,
Со дна ее
Руками строчек
Я удаляю
Ил и грязь.

И может быть,
Заметив взглядом,
В далекий отправляясь путь,
Мне за нелегкий труд
В награду
«Спасибо» скажет
Кто-нибудь.

ГЛЕБ СЕМЕНОВ

• • •

Н. О.

Вот женщина, которую люблю!
За нею следом вьюга у-лю-лю.
Фонарь скрипит... А переулок спит...
Вот женщина — глоток моих обид!

Горячий и соленый мой глоток!
А переулок спит... Фонарь скрипит...
Заиндевел у женщины платок.
А под ногами — лед моих обид!

Полварежки всего-то и тепла...
Скользи до следующего угла!
Ах, если бы забыть, как ты любила:
вот падаешь,
а было два крыла!

ИРЭНА СЕРГЕЕВА

КАХЕТИНЕЦ

Наяву, как на картине,
заключен в проем дверей,
крепкоплечий кахетинец
в черной шапочке своей.

Он из кремня или дуба,
он крестьянин-тугодум.

Скулы вырезаны грубо.
Нос печален. Рот угрюм.

Но лица его ошибка —
доброты его залог,
на таком лице улыбка
расцветает, как цветок.

ПАМЯТЬ

Ю. Н.

Начинается театр теней,
начинается театр былого —
без единого звука и слова,
память — сцена. И люди
на ней.

Начинается театр теней!
Лишь два цвета в нем —

черный и белый,
в нем два мира —
коварный и верный,
злой и добрый,
врагов и друзей.
Начинается театр теней...

• • •

О, как снег мне этот дорог,
шелестящий, неблестящий!
Он совсем не настоящий,
заметает этот город,

заметает, заметает.
Он мне в сердце залетает
и не тает.

• • •

Весна, похожая на осень,
и лето, сходное с весной. . .
Кто нас с тобой сюда забросил
и кто рассорил нас с тобой?
Ах, этот север окаянный,

холодноватый и туманный!
Холодноватая любовь.
Короткие, скупые встречи
в том городе, который вечен,
как строки пушкинских стихов.

НОННА СЛЕПАКОВА

Среди сырых трамвайных шуб,
друг с другом склеившихся плотно,
на зов, услышанный сквозь шум,
проталкиваюсь неохотно.

Мой давний друг меня зовет.
Я втайне злюсь: мне помешали.
Кому там дело, как живет
моя душа — да и душа ли?

Он говорит: «Садись ко мне».
Я говорю: «Как дом? Как дети?»

.. На мерзлой рубчатой скамье,
в двухстаночной беседе
мы вспоминаем, что у нас
давно сложились отношения
серьезной грусти, кротких фраз,
избранничества, отрешенья.

Не то сокрытая любовь,
не то насильственная дружба
меж нами возникает вновь,
единомышленно-двурушна.

Хоть нам постыла эта роль,
но входим мы в нее мгновенно.
«Зайти, — он говорит, — позволь».
— «Изволь, — киваю, — непременно».

На перекрестке мы потом
стоим, как юноша и дева.
И облегченье наше в том,
что нам — направо и налево.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Полусмеха-полувздоха
прокатился ветерок.
Встань, минувшая эпоха.
Трость возьми и котелок.

И представься полудурком,
едко душу колупни,
и — чеши по переулкам,
выворачивай ступни!

Мельтеши, немое эхо
откатившегося смеха,
раскоряченная вежа
неистраченного века!

Вот опять ты нас заводишь
в даль фонарных перспектив.

Вот опять ты нам заводишь
этот ноющий мотив!

Подвергаясь мордобоею,
пожираешь серпантин...
Кто в долгу перед тобою?
Кто с лихвою заплатил?

Может, ангел ты хранитель
тех времен и тех невзгод,
что сейчас твой старый зритель
умиленно проклянет?

...На жилетике прореха,
туфли хлюпают водой.
Ах, как плачем мы от смеха,
как смеемся над бедой!

ИГОРЬ СМИРНОВ

• • •

Может быть, и я осилю:
Брошу вызов соловью.
Много песен о России,
Мне же надобно свою.

Пусть звенят в ней те же звенья,
Что у милых, дорогих;
Ей хотя б в седьмом колене
Отличаться от других.

И не вычурной работой,
Не резьбою накладной,

И не фразой,
и не нотой —
Интонацией одной.

Чтобы с чувством, чтобы с толком
Донесла наверняка:
Есть в моей России Волга,
Есть и Оредеж-река...

«Здравствуй, Оредеж-река, —
Я кричу издалека, —
Принимай-ка, узнавай-ка
Не мальчишку-рыбака —
Городского земляка».

ВАСИЛИЙ СОКОЛОВ

БАШНИ

Век за веком
Невянушей славой
Славен город, взрастивший меня,
Где стоят богатырской заставой
Десять башен детинца-кремля.

Их единство, как камень, сурово,
Суждена им высокая честь —
Круглосуточно, круглогодично
Караул несменяемый несть.

Слышу их бессловесные речи,
Их дозорный немой переклик.
Распахнулось просторно поречье.
Ильмень-озера светится лик.

Там,
Махая крылом осторожным,
Лебедь с юга на север летит,
Лед расклинен,
Раскидан по полянам,
К островам половодьем прибит.
Там рыбацкие соймы как струги,
Там, как зыбки, зыбучи челны,
Режут крыльями чайки-подруги
Белопенные всплески волны.

А когда
Хлынет ливень с Шелони,
Гром прокатится в ближнем лесу, —
Богатырские вскинув шелома,
Десять башен идут на грозу.

ОБЕЛИСК НАД ИЛЬМЕНЕМ

Плещет озеро Ильмень под берегом низко.
Утром капля росы на щеке обелиска,
Словно скорби слеза пламенеет святая.
Здесь солдаты-якуты, к земле припадая
И на лыжах скользя, ночью шли в наступленье.
Было русским, геройским их сердцебиенье,
Сокрушительно гневен огонь по врагу
На заснеженном льду, на другом берегу.
Морем слез матерям не оплакать и вдовам
Павших смертью отважных в сраженьи ледовом.
Вечным сном спят в земле старорусской якуты.
Как медали, здесь время чеканит минуты,
Как медали и как ордена боевые.
Не забыли погибших героев живые.
Звездный мост перекинут, подобный дуге,
С Ильмень-озера к Лене — сибирской реке.
Легким пухом лебяжьим земля будь сырая
Сыновьям золотого, алмазного края.
Ильмень, волны свои, словно гусли, настроив,
Славь ледовый поход смуглолицых героев.

ПАВЕЛ СОКОЛОВ

НА ОГНЕВОМ ВЕТРУ

Горит восход, и небо все пунцово,
И в цехе, вставшие за рядом ряд,
Станки в своем порядке образцовом
На языке железном говорят.
А я, друзей рукопожатьем встречен,
Дыша прогретым воздухом густым,
Здесь достаю из раскаленной печи
Тяжелые детали за хвосты.
И завтра мне за то же дело браться...

Свои шершавые ладони тру,
А ванны, словно кратеры, дымятся.
Но я стою на огненном ветру.
Порой в лицо до боли зноем
бьет он...
Зовут огнепоклонником меня.
Не отрицаю. Проку нет в работе,
Когда она проходит без огня.

ВЕСНОЙ

И снова зорь багряных полыханье,
А в цехе у меня над верстаком,
Окрепнув от весеннего дыханья,
Цветок ликует каждым лепестком.

Лучами солнце на меня нацелясь,
Латунный разворачивает бок.
Свожу тиски вот так, чтоб челюсть в челюсть
Попробовать железо на «зубок».

И от испарины мой лоб лоснится:
Даются так недешево они,
Колючие железные крупницы,
Взлетевшие, как искры головни.

Сталь, что тускнела прежде,
поневоле
Вдруг загорелась, весело звеня,
И думалось: от солнца одного ли
Весь мир светлеет около меня?

ВИКТОР СОСНОРА

• • •

Когда от грохота над морем
бледнеют пальцы и лицо,
гребни, товарищ!

В мире молний
необходимо быть гребцом.

Из очарованных песчинок
надежный не забрезжит мыс.

Знай: над разнузданной пучиной
надежды — нет, и — не молись.

Не убедить молитвой море,
не выйти из воды сухим,
гребни, товарищ!

В мире молний
бесстрашный труженик стихий!

• • •

Над Ладогой вечерний звон.
Перемещение водных глыб.
Бездонное свечение волн.
Космические
блики рыб.

У туч прозрачный
облик скал.
Под ними красная кайма.
Вне звона различимо, как
поет комар,
поет комар!

Мои уключины — аккорд
железа и весла-меча.
Плыву и слушаю: какой
вечерний звон,
вечерний час!

Озерной влаги виражи,
и музыкальная капель.

Чего жалеть?

Я жил, как жил.

Я плыл, как плыл.

Я пел, как пел.

И не приобретал синиц,
небесных журавлей не знал.
Афористичность этих птиц
смешна.
А слава не нужна.

Не нужен юг чужих держав,
когда на ветках в форме цифр,
как слезы светлые, дрожат
слегка пернатые птенцы.

Когда над Ладогой лучи
многообразны, как Сибирь...
Когда над родиной звучит
вечерний звон моей судьбы.

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Улетели птицы и листья.
Небеса — водяные знаки.
По стеклянной теплице ходит
цапля в белом, как дева в белом.

Однозвучен огонь.
Мигают
многоглазые канделябры.
Ты один. В деревянном доме
деревянная тишина.

Улетели пчелы и утки.
В небесах невидимки-бесы.
А вчера уползли улитки
в сердцевину земного шара.

Ты один в деревянном мире.
Черной молнией по бумаге
пробегает перо воронье,
и чернеют черновики.

Пчелы в ульях, улитки в недрах.
И у птиц опадают крылья.
Перелетные птицы, где вы?
Опустели улицы неба.

За стеклянной решеткой ходит
цапля в белых, как бал, одеждах,
чертит клювом на мглистых стеклах
водяные знаки свои.

ЙОЛЕ СТАНИШИЧ

ЯННИСУ РИЦОСУ

Слепой Гомер заплакал
и Сократ
вторично выпил яд,
когда
полковники поэзию загнали
на острова в бетонные подвалы,
и к «Панга реи» — «Все течет» —
добавил:
«Следствие вечно» —
старый Гераклит.
Окаменели слезы на глазах

Гомера.
Горькая полынь
чистейший воздух отравила.
Меч,
сносящий головы поэтам,
проклят.
Эллада!
Знай и помни: никогда
полковникам поэзии не сжечь.
Поэзию, как радугу сквозную,
Гомер и Рицос держат на плечах.

*Перевел с сербохорватского
М. Дудин*

ДАЛМАЦИЯ

Под диким солнцем обгорели горы.
Дождь землю смыл.
И между голых ребер
невыносимо стало лютым змеям.

Тревожно ноет сердце далматинца.
Он каменными межами бинтует
скелеты гор.
В корзине и пригоршнях
таскает землю на скелет горы,
чтоб посадить кормилицу-маслину
и пищу дать ее корням упорным.

Когда увянут руки далматинца
от непосильной каменной работы,
он даст наказ сородичам своим:

— У львиной лапы
каменного корня
хочу найти я
свой покой последний.
Пусть крест из камня
над моей могилой
маслину защищает.
Пусть она
окончит неоконченную песню
и на могилу осенью обронит
признательности черную слезу.

Каменнолики
руки далматинцев.
Они мостили площади чужие
и стены укреплений возводили
чужих республик.

...С выжженной горы
дожди смывают выжженную землю,
а далматинец
отнимает горы
у Солнца,
у дождей
и у ветров
и каменными межами бинтует
израненные ребра голых гор.

*Перевел с сербохорватского
М. Дудин*

СЕВАСТОПОЛЬ

Никогда не знавший сомнений,
никогда не веривший в гибель,
сгорая,
ты стал, Севастополь,
огнем человеческой крови.

На твоих опаленных скалах,
как дерево, выросла слава:
не сломать никакому ветру
ее величавой кроны.

Потому что камень есть камень,
а не свеча восковая:
чем крепче и чаще удары,
тем ярче огонь роится.

Я не видел, как ты сражался,
но над дней моих темнотою,
словно звезда, засиял ты
и вошел в мою кровь и сердце.

Из зерен огня вырастая,
израненный и закопченный,
ты поднял в синее небо
сноп золотого солнца.

Я стою на горе и слышу,
как говорят твои камни:
никогда не померкнет солнце
в небе твоём, Севастополь!

*Перевел с сербохорватского
Б. Кежун*

ЛЕВ СТЕКОЛЬНИКОВ

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Путем неизмеримо длинным,
Скрываясь в пасмурной дали,
Растянутым широким клином
Летят на север журавли.

Под ними то простор соленый,
То горный светоносный лед,
То лес курчавится зеленый.
И так уверен их полет,

Что кажется, передовые
Увидеть вдалеке смогли

Болота сонно-голубые
И вербы в солнечной пыли.

И если лег на землю густо
Сырой туман — не страшно им:
Как говорят, «шестое чувство»
Ведет их к заводам родным.

На их полет неукротимый
Глядишь и думаешь подчас:
Любви к стране своей родимой
Сама природа учит нас.

В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ

Над вершиною ильма огромной
Странный звук оборвал тишину:
Хрипловато-басистый, неровный, —
Будто грубую тянут струну.

Это он — длинноусый и узкий
Древний житель чащобы лесной,
Жук-гигант, дровосек приамурский,
Пролетает сейчас надо мной.

Это он! . . Медно-бурое тело;
Голова, точно клещи, торчит,
Угловатая грудь заблестела,
Как начищенный кованый щит.

Смолк. . . И звон наполняет мне уши.
Засыпает седеющий ильм.
Будто я об эпохе минувшей
Посмотрел фантастический фильм.

ЗМЕЕЛОВ

Закат на скалы Копет-Дага
Кладет багровые мазки.
Туманная ложится влага
На посиневшие пески.
Но, чу! Откуда звук недобрый,
Чем сон пустыни возмущен?
То приподнявшаяся кобра
Свой расширяет капюшон.

Ее напрягшееся тело
То желтой медью, то свинцом
В луче фонарика блестело
В пяти шагах перед ловцом.
А из распыленного зева
Два острия, таящих яд,
То справа близятся, то слева,
В ловца вонзятся норвоят.

А он расчетливо спокоен,
И с палкою к змее — прыжком!
Так на врага бывалый воин
Кидается, грозя штыком.
Жестокий миг короткой схватки:
Удар, отход, опять прыжок...
И вот, зажатую рогаткой,
змею швыряет он в мешок...

А дальше кобру поезд скорый
Свезет куда-то в Ашхабад,
И яд — по капельке — в растворы
Врачи отважные сцедят.
И вновь ловец в пустыне горной
Живет без сна, в поту, в пыли,
Чтоб сгустки ярости тлетворной
Кого-то воскресить могли.

• • •

Я коня погнал под гору вскачь.
Радость глаз — плечистый карагач!
Долго, долго я тебя искал
В этой серой путанице скал.

О, скорее путника одень
В добрую медлительную тень,
Холодком щекочущим повеи
Из густых опущенных ветвей.

На песке горячем ты стоишь.
Вкруг тебя расплавленная тишь.
Всюду кости, белые как мел.
Как ты свежесть сохранить сумел?

Расскажи, зеленый, как ты рос
Под ударами смерчей и гроз?
Как из грубых, каменистых недр
Встал приветлив, радостен и щедр?

Так живи за долгим веком век!
Пусть тебе ни зверь, ни человек,
Ни огонь, ни буйная вода
Никогда не сделают вреда.

Никогда тебя мне не забыть:
Ты сумел мне сердце напоить,
Мира невзыскательный жилец,
Страж пустыни, дерево-борец!

БАХАРГЮЛЬ *

Прошумели дожди — и в зеленый дым
Нарядился кудрявый кандым.
Но еще не пришла весна.

Саксаул на мою кочевую тропу
Золотистую сыплет крупу.
Но еще не пришла весна.

Теплый ветер барханы всю ночь
стругал —
Вспыхнул синим огнем астрагал.
Но еще не пришла весна.

Бахаргюль улыбнулась сегодня мне...
Просияли пески. Небосвод в огне.
Наконец-то пришла весна!

* Бахаргюль — имя девушки. Означает «весенний цветок».

• • •

Стихи — не зеркало души.
Не сотвори из них кумира.
Попробуй, чувства опиши,
получишь жалкую сатиру.

Душа, как юркая плотва, —
она играет, плещет, бьется,
но лишь вонзишь в нее слова —
сушеной воблой обернется.

• • •

Меня в леса водила бабка,
как говорится, от горшка.
Я громыхал жестяной
банкой
по всем вершкам
и корешкам.
Чернику лопал,
на угрозы
еловых лап плевать хотел,
в корягах шастал,

лез в березы —
сипел, чирикал и гудел.
Уставши, в мох нагретый падал.
И сосны дыбились окрест.
И понималось —
так и надо,
что я — хозяин этих мест.

ВЛАДИМИР ТОРОПЫГИН

ПЕЙЗАЖ

Не годами и не веками,
а миллионами долгих лет
было море волной о камень,
оставляло на камне след.

Мы обязаны также рекам:
у любой — не короткий стаж...
Что-то создано человеком.
Так сложился этот пейзаж:

И не годы — тысячелетья
путь искал в голубой
простор,
бушевал по ущельям ветер,
строая контуры этих гор.

неприступный скалистый гребень,
серебрящаяся вода,
звезды в небе
и спутник в небе —
уплывающая звезда...

Гудок — и переборки заколотит,
и я сказать, пожалуй, не смогу,
как пароход уходит и уходит,
а девочка стоит на берегу.

Задумчивая, русая, босая,
среди церквей, оврагов и коров,
черемуховой веткой отгоняя
от белых ног
незримых комаров.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ НА АДОЛЬФПЛАТЦЕ

Е. Винокурову

Свой мир:
раннюю весну,
оцепенелую, как матовое зеркало;
человеческие трагедии,
гнувшие дерево познания;
силу майской травы
под асфальтом всех дорог мира
и веру в тысячелетнее людское мужество —
этот мир
поэт из России
принес на вечер поэзии
на Адольфплатц
в Гамбурге.

Шел дождь.
Сотни людей стояли перед эстрадой
под черными зонтиками...
Что он знал о них?
Старики проиграли войну
и, вероятно, не хотели вспоминать о ней.
Они мучились сознанием собственной вины...

Молодые мечтали о возрождении нации —
их головы были напичканы новейшими идеями,
желанием разрушить старое
и неумением сделать это.
Люди средних лет
смотрели на поэта
как на сумасшедшего:
«Говорить в рифму —

ведь это так банально!»
(Они вкусили всю остроту
гамбургских эрос-центров)...

Поэт читал...
После чтения
играл бит-банд:
организаторы опасались,
что без джаза
вечер провалится...
Но люди, прослушав стихи,
стали расходиться —
островки зонтиков
уплывали
в окрестные
улицы...

Девушки просили автографы,
говорили: «Данке шон!» —
и бросали в глаза поэта
благодарные взгляды...
Но поэта
не оставляло сомнение:
все ли, что хотел,
он сказал
этим людям?...

• • •

Пора признаться: из моих друзей
всех ближе мне проказник
Одиссей.

А потому, что, зрея понемногу,
как он, и я хотел быть равен богу.

Не потому, что я горяч, как лава,
не потому, что я так много плавал.

И всё — и лес, и птицы песнопенье —
как он, и я считал своим твореньем.

• • •

Всех
призываю писать и печатать стихи о любви неустанно:
секс
наступает на мир, как огромный циклоп, омерзительно пьяный.

«Прочь! —
говорит он губам и рукам, поцелуям и жарким объятьям. —
Ночь
лишь для тех, кто предаст все извечные ласки и нежность проклятьям!

Стой!
Кто там начал нашептывать что-то любовное? Слышатся рифмы...
Вой!
Только вой! Ни секунды мелодии! Ритмы, и ритмы, и ритмы!..»

Секс,
как циклоп, наступает на мир. Им захвачены многие страны...
Всех
призываю писать и печатать стихи о любви неустанно.

СЕМЕН ТРЕСКУНОВ

В СОРОК ПЯТОМ

А в бане пар повис туманом,
Тазов веселый перестук.
А у него ужасно странные
Культышки вместо сильных рук.

Я мыл его, как мою сына,
От головы до самых пят.
Покряхтывал он: «Молодчина,
Давно вот так не мылся, брат».

Потом сказал, взглянув
тревожно:
«Черед за мной, а ну, вставай!»
Жалеть, я понял, невозможно,
Ответил коротко: «Валяй!»

Он неуклюже драил спину, —
Мочалку трудно так сдержать.
Я тоже крикнул: «Молодчина!»
И жаль, руки не мог пожать.

ГЕОРГИЙ ТРИФОНОВ

НОЧНОЙ ПАРИЖ

Шаги, шаги...
Ночной Париж.
Ни оторваться, ни проснуться.
Лишь стоит только прикоснуться —
и в невесомости паришь.
Свет из кафе —
как солнце в розах.
Бульваров желтая река.
И жизнь
как будто далека
от всех сомнений
и вопросов.
В ней слиты
краткое «люблю»,
и запах устриц,
и каштанов,
и ты находишь сам неожиданно
подарок нищих королю.
Да, ты король,
ты бросил старость.

Жги эту ночь,
беспечно-юн.
Твой город,
клоун и колдун,
спит под мостами
сном клошаров.*
И, закоулкам темным рад,
пришел в дома
покой короткий...
Но как желток
на сковородке —
Париж бессонных эспланад.
Он в них бренчит
гитарой хиппи
и лаской женщины
бесстыж.
Он всюду,
в шорохе и скрипе,
в твоих шагах,
ночной Париж.

ВЫСТАВКА КОШЕК

Снова Париж,
забавляясь,
роскошен,
Будто забыл
о финансовой встряске.
В нашем отеле —
выставка кошек,
Бродят
французские
Мурки и Васьки.
В сеточках-люльках
покоятся сонно,
Смотрят,
усатые морды воздев.

* Клошары — парижские бродяги.

ГЕННАДИЙ УГРЕНИНОВ

ЛАДОЖСКИЙ ЛЕД

Говорят, на Неве ледоход,
И на крыши легли облака,
Обдрав животы и бока.
Но, конечно, все это пройдет.
А Нева в чешуе ледяной,
Будто ящер, сползает в залив,

Два причала боками спилив.
Но и это бывает весной.
То ли скомканной птицы полет,
То ли мокрого снега заряд —
День и ночь, и неделю подряд.
Но на то он и ладожский -- лед.

КОЛОДЕЦ

Взлетают птицы нехотя и низко,
Устав по зною крыльями грести.
А ты ведро в колодец опусти,
На миг разбей всплывающие диски.

Они на дне,
как луны, тяжелы —
Прозрачные подземные светила...
Течет жара,
и сутки — как волны.
Их напоить и моря б не хватило.

Горят болота.
Лижут города
Брикетики поддельного мороза.
А под землей — холодная вода,
Неслышные дожди,
немые грозы.

И глубина
не так уж глубока:
Бадья, веревка —
не придумать легче.
Пей через край,
плещи себе на плечи.
А в ведрах рыбой ходят облака.

ВАДИМ ХАЛУПОВИЧ

• • •

Прекрасна мать, кормящая дитя,
Сидящая в своей извечной позе.
Лицо свое к ребенку обратя,
Она, наверно, думает о прозе:
О молоке, которым грудь полна,
И о приятной жадности ребенка,
О том, суха ли у него пеленка...
И видно, что она утомлена.
Овал ее уставших плеч покат.
В глазах ее — песок ночей бессонных.
И все не гаснет за спиной закат...
А в нас, ее улыбкой потрясенных,
Как будто отворяется река,
И в памяти, мгновенно просветленной,
Из глубины души, издалека,
Над каждым свой —
всплывает лик склоненный.

ЛЕОНИД ХАУСТОВ

• • •

Я влюблен в этот город осадной поры.
Он был виден фашистам с Вороньей горы.
Видел враг и сады и проспекты его,
Но он так и не смог увидеть одного:
Он не видел накал ленинградской души,
Что пылала все ярче — туши не туши!
Я влюблен в ленинградское братство навек.
Как тогда поднялся над собой человек!

Было истинным все: и в атаку бросок,
И разделенный с другом последний кусок,
И слова. Может, главное — это слова.
И на счастье великие наши права.
Я влюблен в этот город, который ко мне
С каждым годом все чаще приходит во сне.
Он такой небывалый!.. Я песню сложил,
Что я в городе том, словно в будущем, жил.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

В шинели длинной не по росту
(В каптерке не было другой)
Прощался я, пургой исхлестан,
С тобой, мой город дорогой.

Какой же ты?
В немом вопросе,
Горя, веря и любя,

Тогда я взгляд последний бросил
Перед разлукой — на тебя.

И мыслью, самую житейской,
Был успокоен и согрет:
В ушко иглы Адмиралтейской
Суровой нитью Невский вдет!

УРОКИ ОПТИМИЗМА

Уроки оптимизма. Все на свете
Переберу, отыскивая их.
И вспомню Тихвин.
Давний сорок третий,
Тропинки меж наметов снеговых.

Они, в снегу протоптанные, вились
От дома к дому, для двоих тесны.
(На улице, где жил я, приютились
Две-три семьи цыганских до весны.)

Когда все больше свирепеет вьюга,
Ладони тянутся к огню.
А цыганята бегают друг к другу,
Наверное, по десять раз на дню.

Вот их урок:
Бежать, давась от смеха,
И к моему крылечку повернуть,
Босые ноги веником от снега
С достоинством у входа отряхнуть.

ИЮЛЬ

Средь знойного луга в жужжаньи шмелином
Нам время казалось то кратким, то длинным.

Цветы нас с ладоней поили дурманом,
Глаза застлало волшебным туманом.

Мы очень чужими друг другу казались,
Но так нас горячие травы касались,

Что обнял тебя я решительно, смело,
И ты, словно в небо, в глаза мне глядела.

БЕЛЫЙ ТУМАН

Вот расстаеться.
На палубу груз
Краны таскают с утра.
Не суждено им поднять нашу грусть.
Ну, дорогая, пора!

Белый над озером Белым туман.
Только туман впереди.
В рубку свою поднялся капитан.
Ну, дорогая, иди!

Встретимся ль снова? Где и когда?
Нужно ли это — скажи?
Но между нами все шире вода,
Рядом уже ни души.

Путает мысли какой-то дурман.
Что-то дышать не дает.
В Белое озеро,
в белый туман
белый ушел пароход.

НА РОДИНЕ ЯНКИ КУПАЛЫ

Крыша чернеет намокшею дранкой,
Низкое небо на крыши упало.
Люди идут и идут спозаранку
В дом, где родился Янка Купала.

Болью рожденное в давние лета,
Скромное слово мне в сердце запало:

«Ждали давно белорусы поэта,
Пусть же им будет Янка Купала!»

Снова сюда прихожу я усталым.
Только вздохну — и усталость пропала.
Стала родная земля пьедесталом
Дому, в котором родился Купала.

АКАДЕМИК ПАВЛОВ

Пишите так: «Рефлексы гаснут,
Но мысль по-прежнему остра.
Последним будет мозг.
Прекрасно!
Знак восклицательный, сестра!»

Вошли врачи: «Иван Петрович,
К вам журналисты. Интервью».

Лохматые взметнулись брови,
И взмах рукою — не даю!
Потом на милость гнев сменяет
И подавив глубокий стон:
«Скажите — Павлов умирает,
Последний опыт ставит он».

Откинулся старик сердитый,
Сжав кулаки...

Он виден мне
Таким, как там, на знаменитом
На нестеровском полотне.

АНАТОЛИЙ ЧЕПУРОВ

• • •

Когда-то на заре своей
Я знал тропу и рощу,
Где пел и плакал соловей
Весенней белой ночью.

В нем было столько певчих сил
И страсти откровенной,
Пока ту рощу не скосил
Металл поры военной.

И мне казалось, что на той
Земле, огнем спаленной,
Не только роща — куст
простой

Не примет цвет зеленый.

Казалось, скорбная зола
Здесь будет стыть уныло.

Но жизнь, она свое взяла,
И корни вновь пустила...

Рассыпав звездную крупу,
Дохнула ночь медово.
На соловьиную тропу
Нога ступает снова.

Трава пахуча и густа.
Идешь. И в самом деле,
Здесь нет ни одного куста,
Ни ветки — чтоб не пели.

Как будто юность, возвратясь,
Опять зовет в дорогу,
Навеяв песенную страсть
И светлую тревогу.

• • •

В медном свете заката
Колоннады берез.
Перед ними когда-то
Я родился и рос.

Реже волос, и тише
Сердце счет свой ведет.

Но я слышу, я слышу,
Как береза поет.

Но я вижу порою
В блеске солнца и гроз,
Как идут вслед за мною
Колоннады берез.

• • •

Первой малиновой утренней блестящей
В сизом от холода, снежном окне,
Речкой в ольшанике, белой березкой,
Родина, ты начиналась во мне.

Горькою коркой блокадного хлеба,
Собственной кровью на страшной войне,
Светлыми красками мирного неба,
Родина, ты продолжалась во мне.

В каждой кровинке навек прописалась,
В каждом идущем и прожитом дне.
Все, что судьбы нашей общей касалось,
Вечным огнем пламенеет во мне.

Песнь о тебе — словно птица на воле,
Что ей вершины, пески и моря!
Родина, ты — материнское поле,
Флаг моей жизни и пристань моя.

• • •

Какая-то певчая птица
В тиши ликовала ночной
И счастьем своим поделиться,
Наверно, хотела со мной.

Наверно, случилось такое
По-птичьи хорошее вдруг,
Что сразу не стало покоя,
И радостный вырвался звук.

Другие возникли, чтоб слиться
В одну музыкальную нить.

О, как ликовала ты, птица,
Как душу хотела излить!

Незримая гостья лесная,
Твое разделить торжество
Я честно старался, не зная
Совсем языка твоего.

Но знал, что на ветках опушки,
Где зыбилась лунная медь,
Давно твои спали подружки,
А счастье не может не петь.

Ф. ЧУМБАРОВ-ЛУЧИНСКИЙ

Среди славных имен петроградских рабочих, отдавших свою жизнь за революцию и ее завоевания, почетное место принадлежит Ф. С. Чумбарову-Лучинскому. Уроженец деревни Васильевской, Каргопольского уезда, бывшей Архангельской губернии, он за свои 22 года (1899—1921) успел сделать так много, что его жизненный подвиг и теперь вызывает изумление и восхищение.

С ранней юности Чумбаров посвятил себя служению партии, революции, трудовому народу. За революционную антивоенную агитацию в Питере он в 1916 году подвергался аресту. Оказавшись на свободе, молодой коммунист перешел на нелегальное положение. Подпольная кличка «Лучинский» стала впоследствии частью его действительной фамилии. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания в 1917 году, Чумбаров был красногвардейцем, а потом вступил в Красную Армию. При подавлении эсеровского мятежа в Ярославле летом 1918 года получил тяжелое ранение в бою. Позже, посланцем красного Петрограда, он прибыл в 6-ю армию на Северный фронт и быстро проявил себя как незаурядный политработник.

Выступая перед красноармейцами, Чумбаров разъяснял им смысл происходящих в стране и на фронте событий, умело пользовался материалами газет, сам много писал и редактировал, учил писать красноармейцев. Глубокая идейная убежденность и преданность партии, большая эрудиция, природное ораторское дарование, честность и простота, сочетающиеся с высокой партийной принципиальностью, сделали его любимцем красноармейцев на фронте. Человек исключительной энергии, он пользовался также большой популярностью и уважением среди командиров и политработников. Его имя стало широко известным в боевых частях на Онеге и Северной Двине, на Мезени и Печоре, от Вологды до Архангельска и от Олонца до Мурманска.

После разгрома интервентов и белогвардейцев на Севере Чумбаров-Лучинский вел партийную и журналистскую работу на Мурмане и в Архангельске. Избранный делегатом X съезда РКП(б), он уехал в Москву. Там он слушал исторические выступления В. И. Ленина. Каждое слово вождя находило горячий отклик в сердце Чумбарова-Лучинского. А когда вспыхнул эсеровский мятеж в Кронштадте, он вместе с другими делегатами выехал на ликвидацию вражеской авантюры. При решающем штурме мятежной крепости в марте 1921 года Чумбаров-Лучинский геройски погиб.

В 1918—1921 годах во многих периодических изданиях печатались статьи, заметки, стихотворения Чумбарова-Лучинского, наполненные пафосом революционной борьбы. В 1920 году в Мурманске вышла маленькая книжка его произведений — «На Севере». Поэтом-профессионалом Чумбаров-Лучинский, конечно, не был. Его стихи, не очень совершенные по форме, привлекают своей искренностью и простотой. «Поэт, — писал Чумбаров-Лучинский, — должен быть и певцом, и борцом, и бойцом, поэт должен стать строителем нового здания социализма». Таким был он сам.

Н. Н. ПАРФЕНОВ

ГРУСТЬ

Зимний вечер алел, догорал,
У окошечка девушка пряла:
— Ничего я ему не сказала,
Проводила с ружьем за Урал.—

Вечер сменит пурговая ночь,
Гаснут отблески розовых далей.

В сердце девушки много печалей,
Их не в силах она превозмочь.

— Может быть, ненаглядный убит
Иль больной в лазаретных палатах... —
На господ, на врагов, на богатых
Сердце девушки гневом горит.

1920

ДУМЫ КРАСНОАРМЕЙЦА

Посвящается Григорию Самодеду

Холодно в окопе, злая вьюга воеет;
Вдалеке безлесья рвутся недолеты.
Знаю, что погибну и меня зарюют
Здесь же на пригорке, рядом с пулеметом.

Но другой рабочий вдохновенно встанет
На мое дежурство у любимой ели.
Знаю я наверно, что его изранят,
Что его зарюют в пуховой постели.

Знаю, что, страдая, гибнем не напрасно:
Вслед идут иные к жизни племена.
Знаю, что на ниве обновленной, красной
Жизни человеческой сеем семена.

1920

ЗА РАБОТУ!

Ярче солнца светлая дорога,
Краше утра — мысли огневые.
На просторе реет флаг победный.
Хорошо трудиться в наши дни!
Мы в борьбе жестокой не одни,
К нам из-за морей спешит подмога,
Путеводные горят огни.
По вселенной бродит призрак красный,
Капитал спешит обороняться.
Вместо старых истин — в горне кузниц
Выкован рабочими закон:
Нам не нужно мантий и корон.
Чтобы сделать нашу жизнь прекрасной,
Поспешите за работу взяться
И достройте красный дом!

1921

ОЛЕГ ЧУПРОВ

• • •

Войти бы в бессмертье. . .	И пусть не удастся
Хоть строчкой,	прекрасной
Мелькнувшей над миром	Строки мне вовеки сложить. . .
седым. . .	Но жизнь не бывает напрасной,
Чтоб жизнь не окончилась	Коль честно сумеешь прожить.
точкой,	Недаром же в тесном соседстве
Чтоб след не растаял как дым.	Слова на граните горят:
Но если в ту речку и кану,	«Пусть имя твое неизвестно,
Лишь имя укроется в ней.	Но подвиг бессмертен, солдат».
Я все-таки встану, я стану	
Пылинкой России своей.	

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН

ПЕСНЯ МОЯ — КОМСОМОЛ

Родину нашу без края
Вместе с тобою прошел,
Юность моя боевая,
Песня моя — Комсомол.

Шел сквозь лиманы и поймы,
Шел сквозь сожженную степь.
Как мне об этом не вспомнить,
Как мне об этом не спеть.

С черной сразиться грозой,
В час, для Отчизны лихой,
Встали бессмертная Зоя,
Юный Олег Кошевой.

Словно любимую песню,
С первых мальчишеских лет
Юрий Гагарин у сердца
Нес комсомольский билет.

К счастью наш путь неизменен,
И потому он светлей,
Что улыбается Ленин
Доброй улыбкой своей.

Сердце борьбе отдавая,
Он окрылял нас и вел. . .
Юность моя боевая,
Ленинский наш Комсомол!

ЕКАТЕРИНА ШАНТГАЙ

• • •

Мне б идти за водой, вставая,
Словно ласточка, на заре,
Мне б румянец, какой бывает
У анисовок в сентябре!

Мне б подковки с хрустальным звоном
Первых тонких ноябрьских льдин,
Сарафан, как трава зеленый,
Разжемчуженный на груди,

Мне бы солнечные сережки,
Что качаются на ветрах,

Чтоб гармоника под окошком
Тосковала бы до утра!

Мне бы полдень июльский, жаркий,
Широту лебединых крыл,
Чтобы яркие полушалки
Мне по праздничкам друг дарил,

Чтобы зори светлы и алы
Вырастали на гранях дня,
Чтоб цвели на снегу фиалки,
Там, где ляжет моя лыжня!

• • •

Я уже устала от усталости,
Я живу как будто на войне.
Если дружба дарится из жалости,
Жалость унижительна вдвойне.

Если жалость выросла из горести,
Разрешаю жалости — живи!

Я сегодня вспомнила о гордости,
Гордости непринятой любви.

Так что можешь спрашивать до старости,
Я отвечу, сердце погубя:
— Если дружба дарится из жалости,
Знаешь что. . . я не люблю тебя!

• • •

Не стало б вечеров в огнях заснеженных,
Ни теплых, домом пахнувших хлебов,
Когда б у мира отобрали нежность,
А вместе с ней надежду и любовь.

Не стало бы защиты перед вечностью,
И, захлебнувшись в собственной крови,

Разумное земное человечество
Исчезло б, если б не было любви.

Она — и хлеб, и творчество, и люди,
Тоска разлук, соль материнских слез.
И ненависть. Ведь если кто-то любит,
Он ненавидит остро и всерьез.

АЛЕКСАНДР ШЕВЕЛЕВ

В ГОРАХ ЗА ГУНИБОМ

• • •

Ночь, как базар, полна обмана,
и ветер крут, как кипяток.
Я по дорогам Дагестана
спешу на запад и восток.

Мне не насытиться своею
лихою горною ездой.

Я сам собою не владею,
я позабыл, что есть покой.

И лишь ночные звезды в небе
мне говорят о тишине,
о ноздреватом черном хлебе
в моей равнинной стороне.

• • •

Среди камней горели угли,
румяня медленно шашлык,
и местный горец, парень смуглый,
к гостям, как видно, не привык.

Он у костра сидел наклонно
и шашлыки легко вращал,

как будто номер свой коронный
он перед нами исполнял.

И, как ожившая картина,
дрожала рядом алыча.
Мы открывали с шумом вина
под звон далекого ручья.

кленов прохуdivшиеся шапки
посривал и в речку запустил.

Но наутро под моим окном
роза рдела на высоком стебле!..
Я подумал даже —
не ослеп ли,
или сплю еще я крепким сном?..

Я б хотел,
чтобы явилась ты
и на эту розу посмотрела, —
как прозрачно розовое тело,
сколько в ней неброской красоты;

ей стоять
со смыслом непростым
посреди дождя, речного дыма,
утверждая обликом своим —
истинная нежность несломима!

• • •

Напиши мне, как живет Нева,
как ей ветер дует в рукава.
Помнишь ли смешной, со львами, мостик,
где нашел я нежные слова?
Напиши мне, как живет Нева,
и сходи к ней непременно в гости.

Мне бы так хотелось увидеть
гладь Невы
в движенъи величавом;
попроси Неву ты
обождать
этую зиму с ледоставом.

Ну, а птицам просто прикажи,
чтобы никуда не улетали;
чары женщин — острые ножи,
им не только птицы уступали.

Ну, а чтоб им не ронять слезу,
не ворчать в метели друг на друга, —

я им много солнца привезу
с доброго и радостного юга.

И пожалуйста, на берега
на гранитные и на простые
сына моего води, пока
признает он игры лишь пустые, —

чтобы мальчик, юношею став,
где б ни пировал и ни скитался,
от любых прелестниц и забав
на Неву, как в детство, возвращался.

Напиши мне, как живет Нева,
как ей ветер дует в рукава.
Помнишь ли смешной, со львами, мостик,
где нашел я нежные слова?
Напиши мне, как живет Нева,
и сходи к ней непременно в гости.

ВАДИМ ШЕФНЕР

• • •

Война не нужна, но возможна.
Вдали — сквозь бензиновый чад,
Сквозь ритмику джазов — тревожно
Военные трубы звучат.

Средь лета с гнездовой обжитых,
Рыдая, летят журавли, —
И строгие тени убитых
С оружием проходят вдали.

• • •

Налегай на весло, неудачник.
Мы с тобою давно решены, —
Жизнь похожа на школьный задачник,
Где в конце все ответы даны.

Но еще до последней страницы
Не дошли мы, не скрылись во мгле,

И поют нам весенние птицы
Точно так же, как всем на земле.

И пока нас последним отливом
Не утянет на темное дно,
Нам не меньше, чем самым счастливым,
От земли и от неба дано.

ДВОРЕЦ

Довольно тревог и терзаний, —
Былого уютный дворец
Из тысячи воспоминаний
Построен тобой наконец.

Внутри он и светлый, и теплый,
Не прячется мгла по углам,
И начисто вымыты стекла,
И убран строительный хлам.

Но если в него ты поверил —
Скорей из него уходи,
Круши его, взламывай двери,
Взрывчатку под стены клади!

И осенью грустной и чистой
Под ветром надежд и скорбей
Ты бедную хижину выстрой
На щебне гордыни своей.

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ МАРШ

Я отведу твою беду —
На этот марш надейся.
Его сквозь зубы на ходу
Тверди по ходу действий.

Пусть чем-то ты не награжден,
Обижен и обужен —
Ты мог быть вовсе не рожден,
И это было б хуже.

Судьбу напрасно не ругай
И под незримым флагом
Шагай, шагай, шагай, шагай,
Вперед — пехотным шагом.

Иди, иди, иди, иди,
Не мучайся обидой,
Ты на счастливцев не гляди,
Ты сам себе завидуи.

Не клянчи счастья, не шакаль,
Найди его, добейся,
По рытвинам судьбы шагай —
Как паровоз по рельсам!

Иди при свете и во мгле,
Сквозь молнии и тучи!
Тебе родиться на Земле
Счастливый выпал случай.

СТУПЕНИ

Завидовал кто-то птицам,
Но был не из рода Дедалов, —
Чтоб медленно вверх возноситься,
Он лестницу вырубил в скалах.

Другому в долину спуститься
Хотелось, чтоб жить там получше, —
Спуститься чтоб и не разбиться,
Он лестницу выдолбил в круче.

Ступени — замена полета,
Ступени — замена паденья,
Ступени — работа, работа,
Терпенье, терпенье, терпенье.

Я к небу медленно лезу,
Ступени ввысь прорубаю,
Я гору железом, железом
Долбаю, долбаю, долбаю.

Пусть ангелы в горнем полете
Смеются над неокрыленным, —
Не богу — работе, работе
С киркой отбиваю поклоны.

Усилья, усилья, усилья,
Спина — будто третья солью.

А вдруг это крылья, крылья
Проклевываются с болью?

• • •

Той ночью, той полночью белой
Над розовым уровнем вод
Старательно и неумело
Подруга на весла нажмет.

Ко-взморью — туда, где лиловый
Горит незакатный закат.

Мосты, будто серые совы,
Бесшумно над лодкой летят.

И шпиль золотую тычинкой
Встает над поверженной тьмой,
И столепестковой кувшинкой
Весь город плывет за кормой.

ВЛАДИСЛАВ ШОШИН

ЛЕНИНГРАД — КОСМОС

*Герою Советского Союза
летчику-космонавту СССР*

Владимиру Александровичу ШАТАЛОВУ

1

Скажу немудрыми словами:
Он всем нам кажется родным,
Ведь он ходил по нашим с вами,
По ленинградским мостовым!
Ходил по василеостровским,
По сестрорецким иногда,
Проспектом мог ходить
Московским,
Международным в те года...

Сиять янтарно зори рады,
Идут березы в серебре
На праздник снятия блокады,
Что отмечаем в январе.
На этот праздник вдохновенный
Превыше сказочных берез
Ты из каких глубин вселенной
Какой подарок нам принес!
Вселенную освобождая
От мглы космической навек,
Летишь,
Победу утверждая,
Наш,
Ленинградский человек!

2

Блокада!
Скудный ломтик хлеба —
Обычный суточный паек.
Блокада —
Воющее небо,
Коптилки смутный огонек.
Блокада —

Выстоять,
Не сдаться,
Собой всю родину прикрыв...
Кто знает лучше ленинградца
Святого мужества порыв?
В блокадной песне много спелось,
Ее прикрасить не спеши,
Но в ней и молодость,
И зрелость,
И возмужание души.
Кто б позабыл неблагодарно,
Как козьей ножкой под пургой
Делился с ним боец ударной
Под Пулковом иль подо Мгой?
Кто позабыл бы ту минуту,
Когда в закатной полосе
Сияньем первого салюта,
Казалось, смыты слезы все...
И ленинградцы крикнуть рады
С рабочей гордостью простой:
Наш космонавт — герой блокады,
Бессонной —
Той,
Победной —
Той!
Он кормчий звездного причала
Среди бездонной глубины,
Ведь биографии начало —
В героических днях большой страны.
В их славной песне много спелось,
Ее продолжить поспеши!
В ней наша молодость,
И зрелость,
И взлет стремительной души.

• • •

Да прославится свобода! Пусть весенний легкий быт	Ну а небо — небо выше, Чем положено ему!
Всею высью небосвода И оваян, и омыт.	Да прославится свобода! Пусть простор манит меня И в любое время года, И в любое время дня.
Ни зловещей серой тучи, Ни тумана над водой... Я иду — такой певучий, Непривычно молодой.	Если сердцу не дивиться Красоте родных примет, Где взять сил ему, Чтоб биться,
Черепицей крыты крыши, Гостю дом в любом дому,	Перейдя за тридцать лет... .

БОРИС ЩАРИНСКИЙ

• • •

Шлюпка не подходит этой речке —
там уткнулась в берег
плоскодонка.
Там в избушке
вместо лампы — свечка,
и подвешен к небу месяц тонкий.
В той избушке поселился мельник,
трубка есть у мельника,
кресало.
Любит он и мельницу, и ельник,
речку любит
и речных русалок...
Кот усатый сторожит избушку —
сказочник
с зеленым хитрым оком.
Протоптал он тропку до опушки:
может, кто заглянет ненароком.

• • •

Удивились сосны: «Он откуда?»
Удивился человеку лес.
Ждали звери от пришельца худа,
думали: «Зачем он к нам залез?»

Раскрывали звери молча пасти,
уносили от беды меха.
Уходили в чащу от напасти,
уходили дальше от греха.

Птицы улетали в одиночку,
гнал их от гнездовой птичий страх.
Только пни да на болотах кочки
оставались на своих местах.

Человек не тронул птичьи гнезда —
это был мечтатель и чудака.
Человек считал на небе звезды,
а потом их складывал в рюкзак. . .

ЛЮДМИЛА ЩИПАХИНА

• • •

В мороз, и в гололедь, и в слякоть,
Какая б ни стряслась беда, —
Не заставляйте женщин плакать
Ни от любви, ни от стыда.

Какая бы из горьких трещин
Ни расколола сердце вам,
Не заставляйте плакать женщин
По необдуманным словам.

Прощайте женщин! Сокращайте
Предел, бросающий вражду.
И никогда не вымещайте
На женщинах свою беду.

И как бы ни случилось плавать
Вам в океане бытия,
Не заставляйте женщин плакать,
На вас обиду затая.

И пусть вам будет как награда
За бескорыстие труда
Та женщина, что с вами рядом,
Не плачущая никогда!

Чтоб не краснеть вам от стыда,
Чтоб от раскаянья не ахать —
Вовек: нигде и никогда
Не заставляйте женщин плакать!

• • •

Перекрестки, переходы,
Свежий ветер дует в грудь...
Люди словно пароходы,
Отплывающие в путь.

Этот выбрал рейс недлинный,
Среди прочих субмарин
Проплывает по Неглинной
В мутных заводях витрин.

Этот — в качке океанской
Утверждает правоту,
Совершая путь гигантский
На расшатанном плоту!

А вот этот — только в полдень
Вышел в море не спеша.
Тот — веселый парус поднял,
Романтичная душа.

Эти — в бухточке тенистой,
Бросив якорь на песок,
Ищут ласковую пристань
На какой-нибудь часок...

А на этих — волны руша,
Надвигается гроза.
SOS — спасите наши души! —
Умоляют их глаза.

ПОТУХШИЙ КРАТЕР

Зачем ты прячешь свой характер,
Готовясь к новым временам?
Не лицемерь, потухший кратер,
Не обещай покоя нам.

Как ты умышленно рассеян!
И не волнуешься ничуть,
Что нити тоненьких растений
К тебе взбираются на грудь.

Что под тобою в море — катер,
Село у склона твоего...
Не притворяйся, старый кратер,
Что ты не видишь ничего!

Что не извергнешь ты из жерла
Седую лаву и золу,
Что все вокруг — не просто жертвы
Тобой припрятанному злу!

Еще ты тих. И не клопочешь.
Еще не волен лаву лить.
Но ты уже смертельно хочешь
Все сущее — испепелить.

И выжидаешь ты от века
Тот миг, чтоб грянула беда...

Такого знаю человека.
И не доверюсь никогда!

НОРА ЯВОРСКАЯ

ВОРОН

Ворониха учила сына:
«Как жениться, бери ворону,
мол, воробы-то — домовиты. . .»

Ворониху сын не послушал,
мол, вороны — они растрепы.
Присмотрел себе соколиху.

У нее — соколиные очи,
у нее — соколиное сердце,
у нее — соколиные крылья!

Голова у ворона — кругом,
позабыл, что у соколихи
соколиные и повадки.

Соколиха стала женою:
как стемнеет — в гнездо садится,
рассветет — улетает к солнцу.

День живут — соколиха в небе,
два живут — соколиха в небе,
три живут — соколиха в небе. . .

Осмотрелся в обиде ворон:
у соседей в женах — вороны,
а вороны-то — домовиты!

Начал ворон тогда ворону
из своей соколихи делать,
чтобы сиднем сидела дома.

Соколиные выел очи,
соколиное вынул сердце,
соколиные вырвал крылья.

Нацепил ей вороньи перья,
поглядел на нее и. . . бросил.
Улетел искать соколиху.

• • •

Я — как сибирская река.
Мои беднеют берега,
а я теку, согласно плану,
все к океану, к океану.
И дотеку. И тихо хлыну
из устья, словно кровь из раны.
Последний раз посмотрит в спину
земля сквозь тусклые туманы,
и не замет ничья рука
открытой раны. . .
А пока
мои беднеют берега, —
все оголенней, каменистей,
и неприкаянней, и мшистей.
Презренье жизни все больней. . .
А я все глубже, все вольней,
и полноту судьбы земной
уже несу в себе самой.

РАВНОВЕСИЕ

Миг равновесия во мне, —
солнцестоянья миг в природе
при неподвижной той погоде,
когда живое — в полусне.

Как две зари на небесах,
два чувства на моих ладонях:
два, словно вовсе посторонних,
притухших солнца — на весах.

Припело одному взойти,
другому — вниз, бесповоротно.

Как ночь июньская, бесплотна,
я замерла на полпути.

Полузакат-полувосход,
ладоней чаши равновесны,
и сердцу сумерки не тесны,
и перевес не настает.

Рожденья радость, смерти грусть
душа спокойно совместила.
Ее тревожить не решусь
и созерцаю два светила.

СОДЕРЖАНИЕ

Всеволод Рождественский	
Дорогой читатель!	5

Сергей Орлов	
«Красный бархат и алый шелк...»	7
В квартире Ленина	8
«Хотел бы я волшебным даром...»	8
«Я вижу Ленина портреты...»	9
Александр Прокофьев	
21 января 1924 года	10
Лев Куклин	
На волжском берегу	10
Борис Кауров	
Разлив	11
Борис Некрасов	
На Октябрьском заводе	12
Анатолий Чепуров	
Фотоснимок	13
Д.м. Молдавский	
Поэзия в Кремлевской библиотеке Владимира Ильича Ленина	13

Илья Авраменко	
Признание	18
Чибисы	19
«Что ты донес...»	19
Леонид Агеев	
«Ты поворожи мне, тетя Нина!..»	20
«Конец войны...»	21
«Лист опавший...»	22
Всеволод Азаров	
Собиратель бабочек	22
Нина Альтовская	
Утро	24
Вадим Барашков	
«Припомню позабытый край...»	25
Людмила Барбас	
«У старых немых кинохроник...»	25
«Погибнет гений, но останется...»	26
Герман Беляков	
Жены космонавтов	26
Василий Бетаки	
Кафе на окраине	27

Анат. Горелов	
Почему А. Блоку припомнился А. Дюрер	28
Вилен Борисов	
Черные речки	31
Семен Ботвинник	
«Литовского поэта, старика...»	32
«Вдоль белого, вдоль зимнего канала...»	32
«Вы в сердце, ленинградские дворы...»	33
Николай Браун	
Дом на канале Грибоедова	33
«Да, чем-то я еще в былом...»	34
Из уст его...	34
Говор мой...	35
Вышла книга	35
Раиса Вдовина	
«Ночь была из горячего пепла...»	36
Окна	36
Ася Векслер	
«Богата память: день-деньской...»	37
Туман	37
«Уходя, как в землю колья...»	38
Черновик	38
Александр Вермишев	
Площадь Дворцовая	39
Памяти Урицкого	40
Наш стяг	40
Александр Володин	
«Солдатской переписки тайна...»	41
Лев Вольский	
«Сын был убит в атаке под Каховкой...»	41
Дмитрий Гаврилов	
«Когда коровы с молоком вечерним...»	42
«Струною — леска...»	42
«Давай проснемся раньше дворников...»	43
Татьяна Галушко	
«Но ты мне час особенный назначь...»	43
Август	43
Галина Гампер	
«У Волгограда чаек стаи...»	44
Александр Гитович	
«Холод ранней весны...»	44
«Я не могу поверить, Женя...»	45
Лидия Гладкая	
Утро в деревне	45
Михаил Головенцич	
Пискаревка	46
Капля	47
«Хочу увидеть море с маяка...»	47
Глеб Горбовский	
Рождение радости	
«Выше голову, родная!...»	47

Рожь	48
«Поторопись...»	48
«На руке твоей...»	48
«Подойди, устань, присядь...»	49
«Не возвращается, скажем, весна...»	49
«Так на вокзалах и живу...»	49
Александр Городницкий	
Вьетнам	50
Под стенами Бреста (<i>Песня</i>)	50
Владимир Грошиков	
Ночь в окопах	51
Всё мне снятся	52
Наталья Грудинина	
На открытии Волжской ГЭС	52
В чужой избе	53
Игорь Дружинин	
«Вновь августовские тревоги...»	54
Лев Друскин	
«На поляне костер заливали...»	55
«Нет, никогда календарю...»	55
Элида Дубровина	
Марья — зажги снега	56
«Девочка рисует акварелью...»	56
Михаил Дудин	
«Душа моя, а все ли ты свершила?..»	57
...И нет безымянных солдат	57
На Невском пятачке	58
Идущему в горы	58
Да, я солдат...	58
Николай Евстифеев	
Линия связи	59
Бумага	60
Владимир Зотов	
После боя	60
Баллада о ночлеге	61
А. Зырин	
Поэзия мобилизованная...	61
Игорь Иванов	
Издалека	65
Воскрешения	66
Алексей Кабанов	
«Утром чай...»	67
На пристани	67
Полина Каганова	
Ленинградский салют	68
«Я стол накрою на двоих...»	68
Олег Кадкин	
Буксир	69
«Краны, краны-великаны...»	69
«Неве зимою ледоколы...»	69
Борис Кауров	
Доброта	70
Рубят дом	70

Бронислав Кежун	
«В тучах скрылись звезды ночи...»	71
Овидий	71
Петр Кобраков	
В лесном посёлке	72
«Держу тебя...»	73
Мария Комиссарова	
«Я каждый день мой взвешу на весах...»	73
«Меняет что ни день свое лицо...»	74
«И вновь декабрьский медленный снежок...»	74
Нина Королева	
«Молодого румынского напьюсь вина...»	75
«Осетия, страна цветов и гор...»	75
Роза Красильщикова	
«Стихи как дети...»	76
Анатолий Краснов	
«Чтоб возникло в душе отраженье...»	77
«Часто цитируют Чехова...»	77
«Остывает моя голова...»	77
«У Черной речки — станция Ланская...»	78
«Средь будничных наших событий...»	78
Михаил Кривицкий	
«Случись — большая неудача...»	78
Виктор Круглов	
«На руках — бугристые жилы...»	79
Аркадий Круковский	
«Вновь меня тревожат сроки...»	79
Виктор Крутецкий	
В Пулково	80
«Эта песня о маме...»	80
Вячеслав Кузнецов	
Дом	81
Владимир Кулагин	
Стихи о табаке	82
«Мы не на розвальнях...»	82
Елена Кумпан	
Деревья под дождем	83
Павел Кустов	
В разведке	83
Так женский монастырь распался...	84
«Как человек уже на склоне...»	85
Николай Кутов	
«В селеньи звуки людям не мешают...»	86
Александр Кушнер	
«Художник вещь на полотне...»	87
«Сложила крылья бабочка, пропала!..»	87
«Безлюдно. Морозно...»	87
Вячеслав Лейкин	
«Забыла мать про олененка...»	88
Комариное	88
Юрий Любá	
Минута	89

Андрей Лядов	
«А что она такое — простота?..»	89
«Постарел, поседел я...»	90
Сергей Макаров	
Память	91
Поединок	91
Гусяры	91
«В луг весенний натекает мгла...»	92
Виктор Максимов	
В Центральной Европе жара...	92
Николай Малышев	
Апрель	93
Новый адрес	93
«В совок крупинки сыплю желтые...»	94
Ирина Малярова	
Пушкинские горы	
Ель-шатер	95
На берегу Сороти	95
У могилы Пушкина	96
«Опять поля качаются...»	96
Анатолий Мариенгоф	
«Выплеснули огонь из кадок...»	97
«Дышу, как родной, тобой...»	98
«Мы катим жизнь...»	98
Воспоминания	98
Воспоминания В. Серпуховой о С. Маршаке	100
Нина Маслова	
Горицветы	102
«Я фотографий не дарю...»	102
Игорь Михайлов	
Праздник русской зимы во Пскове	103
Лев Мочалов	
«О, символ века — эскалатор...»	104
Старинные пластинки	104
Роальд Назаров	
«Аве, Мария!..»	105
«Три дороги, как в сказке...»	105
Борис Некрасов	
«А снег идет...»	106
Георгий Некрасов	
Памятная сосна	106
Лариса Никольская	
Март	107
Памяти матроса Евгения Никонова	107
Юрий Оболенцев	
«Двадцатый век...»	108
Петр Ойфа	
Петербургская курсистка	108
Белозерск	109
Глеб Пагирев	
Осколок под сердцем	110
Разговор с другом	110
Подводя итоги	111
Леонид Палей	
Баллада об опыте	111
Прощание с музыкантским взводом	112

Игорь Пантюхов	
Там, далеко...	112
Ирина Перцовская	
«Знакомая мелодия...»	113
«Без тебя над ширью кроткою...»	113
Анна Петрашень	
Тополь цветет	114
Анатолий Петров	
«Новых чувств и новых песен...»	114
«У нас выпекает малина...»	115
Михаил Петров	
Лосенок	115
Дмитрий Петровский	
Дни недели	116
Наталья Пирогова	
Лесная музыка	116
Елизавета Полонская	
Родине	118
Мои слова	118
Весенняя сюита	119
Сказка для себя	119
Праздник песни	120
Будущее	120
Надежда Полякова	
«Моя строка жила по общежитьям...»	121
«Завидую ребенку я, когда...»	121
«Время волосы мне белит...»	121
«В душе моей осталась жалость...»	122
Валентин Попов	
«Нас в прошлое пускают по билету...»	122
Людмила Попова	
Моим друзьям	123
Слава	123
Александр Прокофьев	
Мне по нраву имя это	125
Сказка	125
Генерал Лукач	126
Валерий Прохвятилов	
«Блудный сын» (Рембрандт)	126
Владимир Рецепттер	
Актерский календарь	127
«Средь зимних тайнств Ленинграда...»	127
Александр Решетов	
«Знаю, время прощаться, молодость...»	128
Шел эшелон	128
Всеволод Рождественский	
Новгородский сказ	129
Светлана Розенфельд	
«Тревожный свет зардевшихся рябин...»	135
«Зеленых улиц панорама...»	135
«Я думала все время о тебе...»	135

Елена Рывина	
Слово на встрече с Невским машиностроительным заводом	136
Александр Рытов	
Тишина	136
Рижская свадьба	137
Михаил Сазонов	
Розы	138
Землечерпалка	139
Глеб Семенов	
«Вот женщина, которую люблю!..»	139
Ирэна Сергеева	
Кохетинец	140
Память	140
«О, как снег мне этот дорог...»	140
«Весна, похожая на осень...»	140
Нонна Слепакова	
«Среди сырых трамвайных шуб...»	141
Салют	142
Чарли Чаплин	143
Игорь Смирнов	
«Может быть, и я осилю...»	143
Василий Соколов	
Башни	144
Обелиск над Ильменем	144
Павел Соколов	
На огневом ветру	145
Весной	145
Виктор Соснора	
«Когда от грохота над морем...»	146
«Над Ладогой вечерний звон...»	146
Пушкин в Михайловском	147
Йоле Станишич	
Яннису Рицосу	147
Далмация	148
Севастополь	149
Лев Стекольников	
Шестое чувство	150
В Уссурийской тайге	150
Змеелов	150
«Я коня погнал под гору вскачь...»	151
Бахаргюль	151
Олег Тарутин	
«Мы таскали с ним за спиной...»	152
Алла Тер-Акопян	
«Я виноградиной вишу...»	152
«Все спешил...»	153
Дмитрий Толстоба	
«Ах, черт...»	153
«Я в лесах твоих, Россия...»	153
«Стихи — не зеркало души...»	154
«Меня в леса водила бабка...»	154
Владимир Торопыгин	
Пейзаж	154
«Гудок — и переборки заколотит...»	155
Вечер поэзии на Адольфплатце	155

«Пора признаться...»	156
«Всех призываю...»	156
Семен Трескунов	
В сорок пятом	157
Георгий Трифонов	
Ночной Париж	158
Выставка кошек	158
Геннадий Угренинов	
Ладожский лед	160
Колодец	160
Галина Усова	
Коктебель	161
Владимир Устинов	
Сыну	161
Вадим Халупович	
«Прекрасна мать, кормящая дитя...»	162
Леонид Хаустов	
«Я влюблен в этот город...»	162
Невский проспект	163
Уроки оптимизма	163
Июль	163
Белый туман	164
На родине Янки Купалы	164
Академик Павлов	164
Анатолий Чепуров	
«Когда-то на заре своей...»	165
«В медном свете заката...»	166
«Первой малиновой утренней блестящей...»	166
«Какая-то певчая птица...»	166
«Реки свинцовая полоска...»	167
Антонин Чистяков	
«Я опять заболел...»	167
«Он полз в шинели по-пластунски...»	167
Ф. Чумбаров-Лучинский	
Грусть	169
Думы красноармейца	169
За работу!	169
Олег Чупров	
«Войти бы в бессмертье...»	170
Александр Чуркин	
Песня моя — Комсомол	170
Екатерина Шантгай	
«Мне б идти за водой...»	171
«Я уже устала от усталости...»	171
«Не стало б вечеров...»	172
Александр Шевелев	
В горах за Гунибом	
«Ночь, как базар, полна обмана...»	172
«Среди камней горели угли...»	172
«Я вышел на базар...»	173
Олег Шестинский	
«Удивленно посмотрел в окно...»	173
«Напиши мне, как живет Нева...»	174
Вадим Шефнер	
«Война не нужна, но возможна...»	175
«Налегай на весло, неудачник!...»	175
Дворец	175

Утешительный марш	176
Ступени	176
«Той ночью, той полночью белой...»	176
Владислав Шошин	
Ленинград — космос	177
«Да прославится свобода!..»	178
Борис Шаринский	
«Шлюпка не подходит этой речке...»	178
«Удивились сосны: «Он откуда?..»	179
Людмила Щипахина	
«В мороз, и в гололедь, и в слякоть...»	179
«Перекрестки, переходы...»	180
Потухший кратер	180
Нора Яворская	
Ворон	181
«Я — как сибирская река...»	181
Равновесие	182

ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1969

Л. О. изд-ва „Советский писатель“, 1969, 192 стр. Тем. план вып. 1969 г. № 147

Редактор И. С. Кузьмичев
Худож.-редактор А. Ф. Третьякова. Техн. редактор З. Г. Игнатова.
Корректор Ф. С. Флейтман

Слано в набор 22/VII 1969 г. Подписано в печать 30/IX 1969 г. М-58523. Бумага 84×108^{1/16}, № 2. Печ.
л. 12,0 (20,16), Уч.-изд. л. 12,99. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1030. Цена 1 р. 26 к.

Издательство „Советский писатель“, Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР,
Красная ул., 1/3.

Отпечатано с готовых матриц в типографии им. Володарского Лениздата. Заказ № 1443.

ДЕНЬ
1969
ПОЭЗИИ

